

АНГЛИНСКІЯ ПИСЬМА,
или
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ГРАНДИССОНА.

Твореніе Г. РИЧАРДСОНА
сочинителя
ПАМЕЛЫ и КЛАРИССЫ.
Переведено съ французскаго
А. Кондратовичемъ.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Во градѣ Святаго Петра
1793 года.
Цѣна безъ перепл. 90 коп.

Свидѣтельстввалъ и подписалъ Коллежскій Совѣтникъ и
отправляющій должность С. Петербургскаго Полицмейстера

АНДРЕЙ ЖАНДРЪ.

ИСТОРИЯ
Кавалера
ГРАНДИССОНА.

ПИСЬМО XIX.

Генриетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ понедѣльникъ; 20 февраля.

Еще могу я писать к вамъ, дражайшая моя *Люція!* къ вамъ то есть: ко всѣмъ любезнѣйшимъ моимъ родственникамъ, и при томъ писать съ величайшею радостію, и пригласить всѣхъ васъ къ принятію въ томъ участія. Сколько должна я благодарить милосердное Небо.

Вы и вообразить себѣ не можете сколь многихъ опасностей оно меня избавило, ниже того, сколь много мой разумъ сердце отъ того претерпѣли. Я не смѣю даже и помыслить о тѣхъ мученіяхъ, кои я тебѣ причинила. Съ какимъ легкомысліемъ окончила я мое письмо! Какъ я была тщеславна и неблагоразумна! Но возвратимся скорѣе къ печальному моему повѣствованію. Твоя нетерпѣливость уже весьма многого тебѣ стоила.

Я объявляю тебѣ, что, невзирая на всю веселость притворно мною оказываемую, учинивши вамъ столь безразсудное изображеніе о моихъ убранствахъ, моихъ побѣдахъ, и о прочихъ столь же смѣхадостойныхъ обстоятельствахъ, я ни малой не имѣла охоты ѣхать въ маскарадъ, ниже къ тому, чтобъ видѣть себя окруженною великимъ множествомъ безумцовъ, изъявляющихъ мнѣ свое удивленіе. Я ощущала токмо единое презрѣніе какъ къ нимъ такъ и къ самой себѣ. Презрѣніе, етого не довольно; самое дѣйствіе меня даже смутило.

Въ семъ великомъ множествѣ безумцовъ, находилось, дражайшая моя, два сущіе демоны, но самый хитрѣйшей и злѣйшей изъ всѣхъ, одѣтъ былъ въ Арлекинское платье. Онъ дѣлалъ много оборотовъ и уклонностей; онъ скакалъ и рѣзвился весьма долгое время около меня. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, и что знаетъ *Миссъ Биронъ* и что онъ былъ ненавистный и презрительный *Поллексфенъ*. Однако онъ ни какихъ не дѣлалъ неблагопристойностей и я не ощущала ни малѣйшаго предчувствованія о тѣхъ насиліяхъ, о коихъ онъ помышлялъ.

Г. *Ревсъ* объявилъ тебѣ, что видѣлъ меня въ носилкахъ, которыя мошенникъ, новой мой лакей для меня приготовилъ. О дражайшая *Люція!* одна изъ главнѣйшихъ частей моего тщеславія уничтожена навсегда. Я! которая считала что знаю людей по физіономіи! нѣтъ, послѣ сего произшествія, я не должна болѣе имѣть нисколько доверенности къ тѣмъ знакамъ, кои я усматривала на лицѣ, дабы по онымъ судить о истинныхъ чувствованіяхъ сердца. Г. *Ревсъ* изъяснилъ уже тебѣ все касающееся до носилокъ и носильщиковъ. Какъ можно описать тебѣ тѣ

движенія моего сердца, когда я начала подозрѣвать о измѣнѣ? Но когда, поднявъ зановѣсы у носилокъ, узнала, что обманута другимъ вѣроломцемъ, отъ коего бесполезно просила я вспомошествованія; когда ничего иннаго во кругъ себя не видала кромѣ однихъ полей, и когда факель былъ погашенъ; то я подняла пронзительной крикъ, которой продолжался даже до того времени, пока уже не въ состоянїи испускать оной. Я упала въ обмаракъ. И въ семъ то состоянїи взяли меня изъ носилокъ. Очнувшись, увидѣла я себя лежащей на постелѣ и окруженною тремя женщинами, изъ коихъ одна держала у моего носа соль, отъ которой происходилъ нѣкій заразительной запахъ похожій на сженный алений рогъ и перья. Я не видѣла ни одного мужчины въ той горницѣ.

Гдѣ я? Кто вы таковы, сударыня? Кто вы таковы, и гдѣ я, многократно повторяла я сіи вопросы. Сїи три женщины были мать и двѣ ея дочери. Мать отвѣчала мнѣ, что я нахожусь не въ худыхъ рукахъ. Дай Боже, чтобъ вы меня не обманывали! возразила я устремля трепещущіе мои взоры на глаза ея. Она старалась увѣрить меня, что не имѣютъ никакого намѣренія мнѣ вредить; но напротивъ того помышляютъ токмо о томъ дабы сдѣлать меня щастливѣйшею на свѣтѣ особою, и что она не способна вступать въ худое дѣло. Увы! возразила я, я смѣю... смѣю тому вѣрить. Сжальтесь надо мною, сударыня. Вы кажетесь матерью, и конечно сїи молодья особы ваши дочери. Спасите меня, я васъ заклинаю! спасите меня, сударыня, такъ какъ бы спасли вы своихъ дочерей!

Она мнѣ сказала: что сїи двѣ молодья дѣвицы ея дочери; что онѣ разумны и скромны, и что не желаютъ мнѣ никакого зла: но что нѣкоторой весьма богатой и знатной породы въ Англіи человекъ, по чти умералъ изъ любви ко мнѣ, и что онъ не имѣетъ другаго намѣренія, какъ сочетаться со мною законнымъ бракомъ. Поелику же вы еще не вступали ни въ какія подобныя обязательства, присовокупила она, то будете его женою. Согласитесь на оное, естли желаете предупредить великія смертоубійства; ибо онъ клялся умертвить всѣхъ тѣхъ, коихъ вы ему предпочтете. Ахъ! вскричала я, тогда, конечно это подлый умыселъ Г. *Гарграфа Поллексфена*. Точно это онъ, не справедливо ли? Я увѣрена, что это онъ, ради Бога объявите мнѣ. Я покорнѣйше васъ прошу сказать мнѣ о томъ. Въ то время я поднявшись хотѣла сѣсть на краю постели, и въ ту же самую минуту увидѣла я вошедшаго презрительнаго *Гарграфа*.

Я подняла великой крикъ. Онъ вдругъ бросился къ ногамъ моимъ. Я не въ состоянїи была сидѣть и уклонилась на грудь старой госпожи, которая съ великимъ трудомъ могла подкрѣпить мои силы водою и солью, естлибъ онъ не удалился, естлибъ онъ долѣе пробылъ передъ моими глазами, то конечнобъ я упала въ обморокъ. Но открывъ глаза, я не видя никого кромѣ трехъ женщинъ, я нѣсколько ободрилась и начала

просить ихъ съ величайшимъ усиленіемъ, обѣщая имъ награду, чтобъ споспѣшествовали моему побѣгу, илибъ ручались за мою безопасность. Но я паки увидѣла вошедшаго ко мнѣ скареднаго подлеца.

Я васъ покорно прошу, *Миссъ Биронъ*, сказалъ онъ мнѣ гораздо надменнѣйшимъ видомъ нежели прежде, не приходитъ въ смущеніе и выслушать то, что я вамъ скажу. Отъ васъ и отъ вашего выбору зависитъ быть тѣмъ, чѣмъ вы пожелаете, и сдѣлать изъ меня то, что вамъ угодно. Вашъ страхъ бесполезенъ. Вы видите что я весьма рѣшительной человекъ. Сударыни, оборотясь къ женщинамъ говорилъ онъ, сдѣлайте милость оставьте насъ на минуту однихъ.

Нѣтъ, нѣтъ! вскричала я, ради Бога не оставляйте меня здѣсь одну; и въ то время какъ онъ выходили, я бросилась за матерью, за которою слѣдовала даже въ переднюю горницу. Тамъ я пала къ ея коленамъ, и обнимала ихъ обѣими моими руками: ахъ! спасите меня, спасите меня, сказала я ей, проливая источники слѣзъ. Тогда подошелъ мерзавецъ: я оставила сію женщину и пала предъ нимъ на колѣни. Я не знала что я тогда дѣлала. Я помню что говоря ему, кусала мои руки: естли вы имѣете хотя малое сожалѣніе, естли вы имѣете хотя нѣкое чувствіе, государь мой; то я васъ заклинаю, возымѣйте состраданіе о несчастной. Я думаю что онъ далъ знать женщинамъ, чтобъ онъ вышли. Онъ всѣ трое оставили меня въ той горницѣ, гдѣ я находилась.

Жестокой мерзавецъ посмотревъ на меня, сказалъ мнѣ презрительнымъ голосомъ: я просилъ у васъ сожалѣнія, сударыня; я просилъ онаго равномѣрно на колѣняхъ, не умоливая красавица; но вы надо мной не сжалились. Просите, просите теперь сами. Вы не болѣе онаго получите, сколько и я. *Теперь, на моей улицѣ праздникъ.*

Варваръ! вскричала я вставши. Я воспламѣнилась гнѣвомъ; но оный тотчасъ же исчезъ. Я васъ заклинаю, *Сиръ Гарграфъ*.... Я кусала мои руки, какъ бы въ безумствѣ. Я подходила къ нему, подбегала къ окну, потомъ къ дверямъ.... нимало однако не помышляя уйти въ окно или въ двери; но куда бы я пошла? По томъ оборотясь къ нему, сказала: *Сиръ Гарграфъ*, я заклинаю васъ Небомъ, не поступайте со мною жестоко. Я никогда и ни съ кѣмъ столь жестоко не поступала. Вы знаете, что я всегда съ вами учтиво обходилась....

Такъ, такъ, сказалъ онъ мнѣ съ надменною улыбкою, учтиво и весьма также упрямо. Вы никогда не говорили мнѣ оскорбительнаго. Я равномѣрно вамъ онаго не оказывалъ *Миссъ Биронъ*. Вы были учтивы, но до сего времени я также не мнѣе изъясвлялъ вамъ учтивства. Но вспомните, сударыня.... Но, дражайшая и обожанія достойная дѣвица... Въ семъ мѣстѣ вѣроломнейшій обнялъ меня обѣими своими руками. Вашъ ужасъ, продолжалъ онъ, придаетъ вамъ новыя прелести. Колико я оными восхищаюсь, сударыня тутъ сей звѣрь хотѣлъ было похитить у меня поцѣлуй. Я его до того не допустила; но вторично заклинала его не

поступать такимъ образомъ съ несчастною дѣвицей, которую обмануль онъ столь подлымъ ухищреніемъ.

Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не понимаетъ моихъ словъ. Я его спросила, неужели онъ еще способенъ присоединить оскорбленіе къ измѣнѣ. Вы имѣете худое мнѣніе о *моихъ нравахъ*, скаталъ онъ мнѣ злобнымъ голосомъ. Неужели такимъ образомъ, возразила я, стараетесь вы внушить во мнѣ лучшее о томъ мнѣніе? Очень хорошо, сударыня, вы усмотрите съ моей стороны такое великодушіе, коего вы ко мнѣ не имѣте. Вы увидите что я не буду помышлять ни о обидѣ ни о мщеніи. Но вы тронули мою гордость; вы найдете во мнѣ чловѣка *хорошихъ нравовъ*.

Тогда, *Сиръ Гарграфъ*, я буду восхвалять васъ отъ всего моего сердца.

Но вы знаете, сударыня, что теперь необходимо нужно оправдать предъ публикой тотъ поступокъ, которой я учинилъ. Принадлежите мнѣ, сударыня; принадлежите мнѣ по самымъ священнѣйшимъ правиламъ честности. Я даю вамъ мою руку. Согласитесь быть госпожею *Поллексфень*. Тогда исчезнутъ всякія неблагопристойныя предчувствованія, или, пеняйте въ томъ на самую себя.

Какъ, Г. мой! не ужели безчестный вашъ поступокъ кажется вамъ оправданнымъ таковыми предложеніями? Лишите меня жизни, когда уже я не въ состояніи защищаться; но мое сердце и рука принадлежать мнѣ; и никогда одно отъ другой розлучено не будетъ.

Колена мои подгибались подо мною. Я бросилась на стулъ у окна стоящій, и обливалась горькими слезами. Онъ подошелъ ко мнѣ видя что мои взоры по всѣмъ сторонамъ обращались дабы токмо избѣгнуть его взоровъ; онъ мнѣ сказалъ, что тщетно я стараюсь изыскивать средства къ бѣгству; что я принадлежу ему безвозвратно, и чтобъ я въ томъ была увѣрена; что онъ мнѣ совѣтуетъ не приводить его въ отчаяніе; что онъ меня закликаетъ всѣмъ тѣмъ, что ни есть священнѣйшаго.... Онъ остановился, какъ будто бы былъ устрашенъ собственнымъ своимъ изступленіемъ. Онъ посмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, заблужденнымъ взоромъ; и вдругъ бросившись къ моимъ ногамъ, онъ обнялъ мои колѣна ненавистными своими руками. Такое движеніе меня чрезвычайно устрашило. Я испустила пронзительной крикъ. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ тотчасъ появилась. Потомъ вошла ея мать. Какъ? какъ? Г. мой, вскричала, сія женщина въ моемъ домѣ.... Благодарю Небо, подумала я сама въ себѣ, что въ семъ домѣ гораздо болѣе есть честности, нежели сколько я надѣялась! однако я весьма примѣтила, дражайшая моя *Люція*, что сіи три женщины почитали бракъ удовлетвореніемъ за всякое оскорбленіе.

Извергъ, весьма былъ недоволенъ тою внѣшностію, что онѣ пришли незванныя. Онъ думалъ, сказалъ онъ имъ грубо, что онѣ столько знаютъ свой полъ, что ни мало не придутъ въ замѣшательство отъ крику женщины, и мнимыя ихъ опасности понудили его думать о томъ, что

ему прежде и на мысль не приходило. Старая хозяйка повторила, что она желала, чтобъ ея домъ и ея дочери были почитаемы; и оборотясь ко мнѣ, сказала мнѣ, что я не прежде выду изъ ея дому какъ въ качествѣ законной супруги Г. *Гарграфа Поллексфена*. Онъ клялся, что не имѣетъ другаго намѣренія.

Но, дражайшая моя, я имѣю изъяснить тебѣ другія повѣствованія! Мои представленія и текущія изъ глазъ моихъ слезы нисколько не были внимаемы. Однако я еще не переставала соединять моихъ рукъ съ новыми и сильными прозьбами, когда одна изъ ея дочерей пришла увѣдомить моего тирана, что у воротъ ожидаютъ его приказовъ. О милосердный Боже! сказала я въ себѣ, какая грозитъ мнѣ опасность! и въ самую ту минуту я увидѣла вошедшаго священника, самой гнусной фizioноміи, какой я еще никогда не видала, держащаго въ рукѣ книгу, которую я почла за требникъ, и которая была развернута въ томъ мѣстѣ, гдѣ брачныя молитвы написаны. Ужасное зрѣлище! я бросилась къ нему, толкнувъ съ одной стороны *Гарграфа*, а съ другой госпожу *Оберри*, которая отъ удара моего пошатнулась. Я бросилась къ ногамъ его: служитель церкви Божией! сказала я ему, сжавъ руки и поднявши оныя къ небу; благородства и добродѣтели исполненная душа! ибо сіи качества должны быть въ достойномъ священнослужителѣ; естли вы когда ни есть имѣли дѣтей или племянницъ, то спасите несчастную дѣвицу, похищенную подлымъ образомъ у ея родителей, дѣвицу невинную, которая никогда и ни кому зла не дѣлала, которая всякого человѣка любила; и которая не пожелала бы ни кому причинить обиды; спасите меня отъ неслыханнаго насилія! Не употребляйте своего священства къ освященію безчестнаго преступленія.

Священникъ, естли въ самомъ дѣлѣ онъ то былъ, казалось старался кое какъ устоять на своихъ ногахъ, чтобъ поддержать ужасную свою толщину, и не столько въ отвѣтъ говорилъ сколько дулъ въ носъ. Когда онъ разстворилъ свой ротъ, то табакъ посыпался изъ нозрей его на губы съ желтою житкостію, которая придавала имъ такой же цвѣтъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ коса и взявъ за обѣ руки, которыя лежали безъ всякаго принужденія въ его рукахъ; онъ меня просилъ встать. не унижаться передъ нимъ и быть увѣренной что не думаютъ причинить мнѣ никакого зла. Я хочу васъ токмо спросить, сказалъ онъ мнѣ, запыхиваясь при каждомъ словѣ: кто таковъ тотъ дворянинъ въ серебряныхъ часахъ, которой сидитъ супротивъ меня? Какъ его имя?

Ето *Кавалеръ Гарграфъ Поллексфенъ*, отвѣчала я ему, самый коварнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, не смотря на его видъ.

Презрительный *Гарграфъ* отвѣчалъ на сіе одой улыбкой, какъ будто бы ощущалъ удовольствіе утѣшаясь моею печалію. Ахъ, сударыня, прервалъ священникъ, наклонясь къ нему, говорите иначе о человѣкѣ такого достоинства: но вы, сударыня, могу ли я равномѣрно знать, кто

таковы, какъ ваше имя? Мое имя, Г. мой, *Генріетта Биронъ*, самая простая и невинная дѣвица, присовокупила я, смотря на мое платье, невзирая на неблагопристойное одѣяніе, въ коемъ меня передъ собою видите. Я прошу вашего сожаленія, милостивой государь; и паки пала я къ ногамъ его.

Вы конечно изъ Нортгэмптон-Шира, сударыня? И вы не сочетаны еще бракомъ? Пожалуйста скажите какъ называется вашъ дядюшка. *Сельби*. Г. мой. Моего дядюшку всѣ почитаютъ честнымъ человѣкомъ. Онъ наградитъ васъ паче всякаго вашего чаянія, естли....

Очень хорошо, сударыня, все теперь въ порядкѣ. Я вижу что меня не обманули. Не думайте, чтобъ меня можно было подкупить одною надеждою. Еще до окончанія ночи вы будете самую благополучнѣйшею въ свѣтѣ супругою.

Тогда онъ сказалъ тремъ женщинамъ, чтобъ онѣ подошли поближѣ, и въ то время я гораздо лучше разсмотрѣла ужасной его видъ нежели прежде. *Сиръ Гарграфъ* также приблизился. И оба несносные сіи человѣки сѣли по обѣ мои стороны, *Сиръ Гарграфъ* взялъ меня за руку, невзирая на все мое сопротивленіе; и въ ту самую минуту я увидѣла вошедшаго втораго священника, столь же мерзкаго вида, какъ и первой. Это былъ по видимому тотъ, которой долженствовалъ вспомоствовать первому при совершеніи сей ужасной церемоніи. Первой тотчасъ началъ читать пагубную для меня молитву. О дражайшая моя *Люція*! Не стеноло ли въ то время твое сердце по несчастной *Генріеттѣ*? Мое же колеблемо было такими движеніями, коихъ я описать не въ состояніи; и кои уподоблялися ужаснѣйшему смущенію моего разума. Мою руку держали съ такою силою, что она онѣмела. Я колебалась бесполезно, и не имѣла столько духу чтобъ могла кричать. Единое сіе повѣствованіе останавливаетъ мое дыханіе. Позволь остановиться мнѣ на нѣсколько минутъ, дабы собраться съ духомъ.

Я находилась почти въ совершенномъ безумствѣ. Пойдите! вскричала я наконецъ; перестаньте читать... и освободивъ мою руку, я схватилась за книгу держимую священниками, которую къ щастію моему вырвала изъ ихъ рукъ. Извините меня, Г. мой, сказала я ему; вы не должны окончать жестокаго своего предпріятія. Мнѣ измѣнили самую недостойною подлостію. Я не могу и не хочу когда идти за него за мужъ.

Продолжайте, продолжайте, сказалъ ему *Сиръ Гарфафъ*, взявши опять меня за руку съ чрезвычайнымъ насиліемъ. Сколь она ни жестокасердна, но я признаю ее моею супругою. Какая перемѣна, сударыня! Взирая на меня съ надмѣннымъ видомъ. Вы ли это кроткая и учтивая *Миссъ Биронъ*.

Увы! любезная *Люція*, сіе происходило не отъ гнѣва; это изъясляло отчужденіе ума, и заблужденіе разсудка; однако къ величайшему моему щастію я находилась въ такомъ состояніи, которое избавило меня отъ

лишенія чувствъ, поелику мерзавецъ клялся, что лишеніе чувствъ спасти меня не можетъ! Продолжайте, продолжайте, возразилъ онъ повторительно, и священникъ началъ опять читать молитву. Я прервала его укоряя въ жестокомъ злоупотребленіи, имени Божія, и святости своего долга. Потомъ я обратилась къ двумъ молодымъ дѣвицамъ, прося отъ нихъ сожалѣнія, я имъ представила чѣмъ онѣ обязаны своему полу. Я требовала отъ нихъ такого вспомошествованія, которое бы онѣ пожелали и для самихъ себя, естлибъ съ ними потушили съ подобнымъ сему варварствомъ. Выраженія моей скорби были столь трогательны, что извлекли изъ очей ихъ слезы, да и сама мать казалась тѣмъ тронута. Но неимѣющей жалости *Гарграфъ* приказывалъ только продолжать, и я не имѣла уже другой помощи какъ только прерывать чтеніе священника каждый разъ какъ онъ начиналъ читать, я весьма удивляюсь что имѣла силу стоять на ногахъ, я вся была воспламенена. Рука моя, которая почти во все сіе время держима была руками жестокаго, и сжимаема съ чрезвычайнымъ насиліемъ стола онемѣла, что я уже болѣе ее и не чувствовала. Другую подняла я къ Небу, призывая его во свидѣтельство толь безпримѣрнаго варварства, умоляя его о смерти, и повторяя что я предпочла бы оную тысячекратно несносному моему мученію. Помощникъ, пребывавшей до того въ молчаніи, предложилъ, чтобъ мнѣ зажали ротъ, дабы я не въ состояніи была приносить моихъ жалобъ, и я не знаю, что бы могъ произвести сей ужасной совѣтъ. Но старая госпожа опровергнувъ таковое намѣреніе съ довольною твердостію, просила *Сира Гарграфа*; оставить меня на нѣсколько минутъ съ нею и ея дочерьми. Такъ, такъ, сказалъ священникъ, должно оставить всѣхъ госпожъ вмѣстѣ. Нѣсколько разсужденій приводитъ иногда человѣка въ разумъ.

Сиръ Гарграфъ оставилъ мою руку; а госпожа *Оберри* тотчасъ взявъ ее повела меня въ ближній кабинетъ. Ея двѣ дочери слѣдовали за нами. Пришедши въ оной я совершенно лишилась чувствъ. Соль и олений рогъ опять употреблены тутъ были къ моему облегченію. Какъ скоро женщины примѣтили что я въ состояніи была ихъ слушать; то представляли мнѣ богатство *Сира Гарграфа*. Я отвѣчала имъ, что оное презираю. Онѣ уважили честность его чувствованій; а я, не преодолимое къ нему свое отвращеніе. Онѣ восхваляли пріятности его вида: а я имъ сказала, что онъ глазамъ моимъ представляется самымъ безобразнѣйшимъ и ненавистнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ. Наконецъ онѣ говорили мнѣ о опасности, коей я подвержена, и о великомъ затрудненіи, которое онѣ должны имѣть защищая меня еще отъ гораздо жесточайшаго поступка. Затрудненіе! вскричала я. Какъ, сударыня! развѣ сей домъ не принадлежитъ вамъ? Развѣ не имѣете вы сосѣдей и не можете просить у нихъ помощи? Я обязуюсь прислать вамъ тысячу гвиней въ сію же недѣлю тысячу гвиней, дражайшія мои госпожи! Я

клянусь вамъ въ томъ моею честностію, если вы меня спасете отъ такого насилія, которому честныя женщины никогда не могутъ способствовать.

Гонители мои, которые не далеко отъ насъ находились, безъ сумнѣнія слышали нѣкоторую часть сего разговора. Въ самую ту минуту *Сиръ Гарграфъ* появился, изъясляя на воспламененномъ лицѣ своемъ гнѣвъ, или злость. Онъ укорялъ себя передъ тремя женщинами, за то, что столь долгое время ихъ беспокоивалъ; что онѣ могутъ удалиться, и оставить его съ особою ему принадлежащею. Госпожа *Оберри* отвѣчала ему, что она не можетъ отъ меня отойти. Я увѣренъ, возразилъ онъ, что вы и ваши дочери окажете для меня сіе снисхожденіе; и взявъ меня за руку, *Миссъ Биронъ*, сказалъ онъ мнѣ рѣшительнымъ голосомъ, вѣрьте что вы принадлежать будете мнѣ. Ваши *Гревилы*, сударыня, *Фенвичи* и *Ормы*, когда узнаютъ, какихъ мнѣ стоило затрудненій и издержекъ овладѣть вами, почтутъ меня превосходящимъ ихъ..... Въ жестокости, Г. мой, не могла я воздержаться, чтобъ не прервать рѣчь его симъ отвѣтомъ, и самый лютый тигръ не можетъ съ вами въ томъ сравниться. Въ жестокости! сказалъ онъ мнѣ надмѣннымъ голосомъ. Не ужели *Миссъ Биронъ* говоритъ о жестокости! Вы, сударыня, начавъ говоришь съ наглостію: торжествуя съ пренебреженіемъ надъ великимъ множествомъ презренныхъ вами любовниковъ, вспомните только какимъ, образомъ вы со мною поступали, когда я стоялъ на колѣнахъ, унижаясь предъ вами какъ самый подлый человѣкъ, я на колѣняхъ просилъ вашего сожаленія! Тронула ли моя преданность нечувствительное ваше сердце? Неблагодарная и гордая красавица! однако я васъ не уничижаю: берегитесь! Я нимало не помышляю васъ уничижить. Мое намѣреніе, сударыня, состоитъ въ томъ, дабы васъ возвысить, обогатить, и возвести на высочайшую степень благополучія.... Но если вы будете сопротивляться и отвергать ту руку, которую я вамъ предлагаю.... Онъ хотѣлъ поцѣловать мою руку; но я отдернула оную съ негодованіемъ. Онъ старался ухватить у меня другую; но я обѣ отдернувъ держала за спиною. Онъ тотчасъ протянулъ шею, чтобъ похитить у меня поцѣлуй, но я тотчасъ оттолкнула отъ себя ненавистную его харю. Прелестная дѣвица! вскричалъ онъ съ страстнымъ голосомъ, и вдругъ называя меня жестокою, гордою и не благодарною онъ клялся Небомъ, что если я теперь не приму руки его; то онъ рѣшится меня уничижить.

Выдте, сказалъ онъ тремъ женщинамъ; сдѣлайте милость, выдте. Она будетъ госпожей *Поллексфенъ*; или всѣмъ тѣмъ чѣмъ пожелаетъ: оставте меня на единѣ съ нею.

Сей злодѣй взявъ за руку мать и двухъ дочерей повелъ ихъ къ дверямъ кабинета. Я обнявъ ту женщину, которая ближе всѣхъ отъ меня находилась, вскричала съ изумленіемъ: вы не должны меня оставлять. Развѣ сей домъ не принадлежитъ вамъ? Освободите меня изъ жестокихъ рукъ его, я клянусь всѣмъ тѣмъ что ни есть священнѣйшаго раздѣлить

мое имѣніе съ вашею семьею. Онъ насильно отдернулъ меня отъ той женщины, которая находилась въ моихъ объятіяхъ. Онъ всѣ трое вышли, будучи принуждаемы такимъ насильствіемъ, съ коимъ онъ ихъ понуждалъ; но можетъ быть и изъ снисхожденія къ нему. Находясь въ смятеніи, я ухватилась опять за ту женщину, которая шла позади. Я ее просила, заклинала ее, присовокупя къ тому усильнѣйшія прозъбы, не оставляй меня; я видя ее выходящую, я хотѣла уйти съ нею. Но варваръ, поспѣшивъ затворить двери, когда уже я переступила черезъ порогъ, такъ сильно ударилъ меня оными по головѣ, что въ ту же минуту потекла у меня изъ носа ручьями кровь. Я испустила томнымъ голосомъ крикъ: онъ ужаснувшись вострепеталъ. Чтожъ касалось до меня: то я столь мало приведена была тѣмъ въ страхъ, что оборотясь къ нему, я его спросила, доволенъ ли онъ тѣмъ? и поздравила его съ тѣмъ щастіемъ, что лишилъ меня жизни. По истиннѣ, глаза мои помрачились; я чувствовала въ головѣ боль, а руки мои были какъ бы переломаны. Однако, дабы все клонилось къ его ненависти, я должна признаться, что онъ не хотѣлъ мнѣ вредить. Скорьбъ моя столь была чувствительна, что съ нѣскольکو минутъ, находясь въ безчувствіи, я бросилась на ближайшей стулъ. И такъ, вы меня убили повторила я, очень хорошо, вы меня убили собственною своею рукою. Теперь уже вы удовлетворили свое желаніе: и видя, что онъ колебался исполненъ будучи нѣжностію и страхомъ: такъ, присовокупила я, вы должны теперь стенать о жребіи злощастной дѣвицы, которой смерти вы причиною. По истиннѣ, я почитала себя смертельно раненою. Я вамъ прощаю, сказала я ему, призовите токмо господжъ. Удалитесь, Т. мой, удалитесь. Я хочу здѣсь токмо видѣть особъ моего пола. При семь голова моя закружилась; глаза мои ничего уже болѣе не различали, и совершенно лишилась чувствъ.

Послѣ сего увѣдомили меня, что онъ находился въ ужаснѣйшемъ уныніи. Онъ заперъ изъ внутри двери; и съ нѣскольکو минутъ не имѣлъ смѣлости ихъ отворять. Между тѣмъ женщины, услышавшія печальныя восклицанія, и прибѣгши съ великимъ безпокойствіемъ, застучали въ двери. Тогда онъ поспѣшилъ оныя отворить, проклиная самъ себя. Онъ заклиналъ ихъ подать мнѣ вспомошествованіе, когда еще не поздно. Онъ мнѣ сказали, что смертная блѣдность разпростерлась на лицѣ моемъ, и что первыя ихъ движенія состояли токмо въ единыхъ вопляхъ. Кровь во мнѣ остановилась. Но извергъ и посреди своихъ ужасовъ не позабылъ о своей безопасности; онъ взялъ окровавленной мой платокъ, опасаясь чтобъ оный не послужилъ противъ него доказательствомъ, естли по нещастію я умру, и вышедши въ другую горницу, онъ бросилъ его въ огонь. Священникъ и его помощникъ были тогда у камелька, и пили горячее вино. Ахъ! государи мои, сказалъ имъ мерзавецъ, въ сію ночь не лзя ничего сдѣлать. Дѣвица совершенно въ не состояніи.... Возмите эти

деньги. Онъ просилъ ихъ удалиться, заплатя имъ весьма щедро за ихъ труды.

Молодая дѣвица, отъ которой я освѣдомилась о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, присовокупила, что выходя изъ покоевъ, они предложили, что желаютъ до завтра остаться, лишь бы только былъ разскладенъ хорошій огонь, и чтобъ не было недостатку въ водкѣ; но она имъ отвѣтствовала, что молодая особа уже скончалась, и что ихъ услуги были бесполезны: отъ чего будучи приведены въ великой ужасъ, они сказали, что уже время имъ ѣхать, и что они надѣются, поелику они не виноваты въ разсужденіи моей смерти, и не имѣли другаго намѣренія какъ токмо услужить *Сиру Гарграфу*, что ихъ имена не будутъ помѣщены въ тяжбахъ, могущихъ посему дѣлу случиться.

Пришедши въ чувство, я усмотрѣла себя среди трехъ женщинъ, но покрыта вся хладнымъ потомъ, и въ толь сильномъ трепетаніи, коему не могла противиться. Въ кабинетѣ тогда не было свѣчи. Онѣ повели меня къ тому камельку, отъ котораго отошли священники. Онѣ посадили меня въ большія кресла; ибо я еще въ не состояніи была стоять. Помощь, которую онѣ мнѣ подавали, состояла въ томъ, что терли мнѣ виски крѣпкими спиртами. Какъ ты думаешь, дражайшая моя *Люція*, о свойствѣ такихъ людей, кои въ состояніи столь жестоко играть здоровьемъ и благополучіемъ злостныхъ дѣвицъ, къ которымъ они почитаютъ себя исполненными любовію? Я страшусь, что можетъ быть никогда не приду въ прежнее мое состояніе. Я еще не совсѣмъ избавилась отъ беспамятствъ и не большихъ судорожныхъ припадковъ, кои еще причиняютъ мнѣ боль.

Мать и старшая ея дочь вскорѣ меня оставили, и пошли къ *Сиру Гарграфу*. Я не иначе могу судить о ихъ объявленіяхъ, какъ по тѣмъ дѣйствіямъ, которыя они произвели. Но младшая сестра, оставшись со мною, отвѣчала на всѣ мои вопросы съ великимъ, по видимому, чистосердечіемъ и жалостію. Сказавши мнѣ, что она весьма удивляется моему отказу столь богатому человѣку, и толико хорошаго вида какъ *Сиръ Гарграфъ*; она присовокупила, что я нахожусь въ такомъ домѣ, въ коемъ чрезвычайно стараются сохранить доброе имя; что ея мать ни за какія въ свѣтѣ богатства не согласится учинить худаго дѣла; и что у ней есть братъ служащей при таможенѣ, котораго почитаютъ честнѣйшимъ офицеромъ по своей должности. Она призналась, что знаетъ того новаго человѣка, котораго я приняла къ себѣ въ службу, и весьма выхваляла его вѣрность, которую онъ оказывалъ всѣмъ тѣмъ господамъ, у коихъ служилъ прежде нежели нанялся у меня, какъ будто бы вся заслуга служителя состояла въ слѣпомъ повиновеніи. *Г. Вильсонъ*, сказала она мнѣ, человѣкъ весьма пріятнаго вида и со временемъ можетъ сыскать себѣ щастіе и учиниться нѣкогда хорошимъ мужемъ. Я тотчасъ примѣтила, что сія молодая и невинная дѣвушка влюблена была въ сего

безчестнаго лицемѣра. Она съ великою горячностію его защищала. Она меня увѣряла, что онъ человѣкъ честной, и что естли онъ когда ни есть дѣлалъ худо, то конечно по приказанію тѣхъ, кои щедро ему платили за его къ нимъ повиновеніе. Они за то ручаются, присовокупила она; вы это знаете, сударыня.

Наши разговоры были прерваны тогда, когда я надѣялась получить новыя отъ нее освѣдомленія; ибо я узнала, что сей *Вильсонъ* былъ въ семь дѣлъ главнымъ начинщикомъ. Но старшая дочь вошедши къ намъ позвала свою сестру, а *Сиръ Гарграфъ* тотъ же часъ появился.

Онъ взялъ стулъ, на которой сѣлъ подлѣ меня, сложа ноги на крестъ, облокотясь на колѣно, и наклоня свою голову столь низко, что поддерживалъ оную рукою; онъ не говорилъ ни слова, но токмо кусалъ свои губы; онъ посмотрѣвши на меня не много обратилъ свои глаза на другую сторону; онъ обращалъ ихъ опять на меня, и сія его игра продолжалась разъ пять или шесть, какъ будто бы помышлялъ онъ о какомъ ниестъ зломъ намѣреніи. Презрительной человѣкъ! подумала я въ себѣ трепеща отъ сего страннаго молчанія, и ожидая какого ни есть новаго дѣйствія. Наконецъ я рѣшилась ему говорить съ толикою кротостію, сколько мнѣ было можно, опасаясь на себя навлечь новыя оскорбленія.

И такъ, Г. мой, неужели вы были въ состояніи столь далеко простирать свое насиліе противъ такой дѣвицы, которая не причинила, да и не помышляла никогда причинить вамъ зло? Я остановилась. Онъ ничего не отвѣчалъ.

Не ввергнули ли вы въ величайшія мученія господина и госпожу *Ревсъ*? Сердце мое обливается за нихъ кровію. Я опять остановилась. Онъ пребывалъ въ молчаніи.

Я ласкаюсь, Г. мой, что вы сожалѣете о нанесенныхъ вами мнѣ и моимъ друзьямъ нещастіяхъ. Я ласкаюсь Г. мой. . .

Онъ прервалъ рѣчь мою ужасными заклинаніями. Я замолчала, думая что онъ будетъ продолжать далѣе; но онъ ничего къ тому не присовокупилъ, перемѣня токмо свое положеніе, и вскорѣ опять принявъ первое.

Женщины сего дома, Г. мой, кажутся весьма честными людьми. Я ласкаюсь, что вы намѣрены были токмо меня утратить. Привести въ честное мѣсто, есть справедливое доказательство, что ничего худаго не заключалось въ вашихъ намѣреніяхъ.

Онъ еще прервалъ мою рѣчь тяжкимъ вздохомъ. Я думала что онъ хочетъ мнѣ отвѣтствовать.... но онъ кривлялся пошатавъ головою, и опять облокотился на руку.

Я вамъ прощаю, Г. мой, все то, что я отъ васъ ни претерпѣла. Друзья мои гораздо чувствительнѣе меня трогаютъ.... Я думаю что скоро будетъ свѣтъ, и попрошу госпожъ дашь о семъ знать Г. *Ревсу*....

При семъ онъ вскочилъ; *Миссъ Биронъ*, сказалъ онъ мнѣ, вы женщина, настоящая женщина. Онъ остановясь ударилъ кулакомъ себя по лбу, я не знала, чего должна была ожидать. *Миссъ Биронъ*, возразилъ онъ, вы представляете самую хитрую комедианку, какой я еще во всю мою жизнь не видалъ. Однако я очень знаю, что прелестнѣйшая особа изъ вашего пола впадаетъ въ обмороки, и лишается чувствъ, когда ей заблагоразсудится.

Отъ сей жестокой насмѣшки я вострепетала. Онъ продолжалъ; какъ я глупъ, безуменъ и смѣха достоинъ; я сущей дуракъ! я достоинъ смерти за глупую мою легковѣрность! но я вамъ объявляю, *Миссъ Биронъ*..... Онъ посмотрѣлъ на меня заблужденнымъ взоромъ, и какъ бы позабылъ что хотѣлъ сказать; онъ прошелся раза три по горницѣ. Лежать при смерти съ полчаса, сказалъ онъ про себя, и вдругъ говорить мнѣ столь язвительныя слова!

Я хранила глубочайшее молчаніе. Онъ возразилъ: я проклинаю свою глупость, что отослалъ священника! Я почиталъ себя болѣе свѣдущимъ о женскихъ лукавствахъ. Однако повѣрьте, сударыня, что всѣ ваши хитрости будутъ бесполезны. Все то чего нельзя будетъ здѣсь сдѣлать, будетъ совершено въ другомъ мѣстѣ. Я клянусь въ томъ всевышнимъ Создателемъ.

Слезы полились изъ глазъ моихъ, и я не имѣла силы произнести ни единого слова. Начинайте лишаться чувствъ, сказалъ мнѣ варваръ, и впадайте въ обмороки, это для васъ ничего не стоитъ? Видъ его соотвѣтствовалъ недостойнымъ его укоризнамъ. Милосердный Боже, вскричала я, яви мнѣ свое покровительство! При семъ онъ сказалъ мнѣ токмо три слова, жребій вашъ рѣшенъ, сударыня; онъ кликнулъ служанку, которая тотъ часъ пришла держа въ рукѣ капоръ. Она шепнула ему на ухо нѣсколько словъ, чемъ онъ весьма былъ доволенъ. Какъ скоро она вышла, то онъ подошелъ ко мнѣ съ капоромъ. Я задрожала, и чувствуя изнеможеніе силъ ухватилась за стулъ, дабы удержаться. Вашъ жребій рѣшенъ, повторилъ онъ твердымъ голосомъ. Наденьте сей уборъ, наденьте его и лишайтесь чувствъ, когда почтете то необходимымъ.

Ради Бога, *Сиръ Гарграфъ*.

Ради Бога, *Миссъ Биронъ*. Я знаю гораздо безопаснѣйшіи мѣста нежели сіе, гдѣ можетъ быть я буду имѣть нѣсколько болѣе надъ вами власти; еще повторяю я вамъ, наденьте сей уборъ. Еще не поздно; ваше снисхожденіе можетъ обратиться въ вашу пользу.

Я начала кликать женщинъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что ихъ уже нѣтъ; и въ ту же минуту кликнулъ двухъ своихъ лакѣвъ, которые тотчасъ прибѣжали. Сіе явленіе умножило мои ужасъ, я опять закричала столь громко, сколько слабость мнѣ тогда позволяла; но не могли вспомнить о именахъ женщинъ, я только произносила; *сударыня*.... *Миссъ*.... но столь

тихо, что не можно было далеко разслышать голоса. Наконецъ на мои крики пришла старшая дочь. О! дражайшая *Миссъ*, сказала я ей запыхиваясь, сколь я благополучна что васъ опять вижу! И для меня равномѣрно, сказалъ извергъ. Онъ просилъ сію молодую дѣвицу надѣть на меня капоръ. За чемъ? вскричала я. Что хотятъ со мною дѣлать? Я его не надѣну; но чудовище, обнявши меня обѣими руками столь сильно сжалъ меня оными, и въ томъ еще мѣстѣ, въ коемъ я чувствовала величайшую боль; что не могла удержаться отъ крику, а молодая *Миссъ* пользуясь таковою удобностію надѣла на мою голову капоръ.

Теперь, *Миссъ Биронъ*, сказалъ мнѣ мой тиранъ, будьте спокойны, приходите въ ярость, или имѣйте прибѣжище къ своимъ обморокамъ, для меня все равно; а обмороки болѣе еще могутъ споспѣшествовать моимъ намѣреніямъ. Сударыня, сказалъ онъ молодой дѣвушкѣ, прикажите быть всѣмъ въ готовности. Она вышла со свѣчею. За время ея отсутствія онъ кликнулъ одного лакѣя, которой и пришелъ держа епанчу. Варваръ взявъ у него епанчу, выслалъ всѣхъ людей вонъ, назнача каждому свое мѣсто. Дражайшая моя, сказалъ онъ мнѣ тогда съ насмѣшкою, въ которой я усмотрѣла наглою его видъ, вы сами можете рѣшить свой жребій, естьли ни въ чемъ затрудненія не имѣете. Онъ обернулъ меня епанчею. Я начала плакать и приносить жалостныя прозбы. Я бросилась къ ногамъ его, но тигръ, какъ *Г. Гревиль* по справедливости его называетъ, нималѣйшаго не оказывалъ ко мнѣ вниманія. Онъ всячески старался обертывать меня епанчею, и таща за руку принудилъ меня за собою слѣдовать даже до воротъ. Здѣсь ожидала меня карета заложенная шестернею, а старшая дочь стояла у воротъ со свѣчею. Я заклинала ее помочь мнѣ и удержать въ своемъ домѣ. Я кричала изъ всей силы призывая на помощь ея мать и сестру. Я съ преданностію просила, дабы мнѣ было позволено сказать хотя четыре слова ея матери; но мнѣ никто не внималъ, и не взирая на всѣ мои просьбы, мои усилія, и на все мое сопротивление, меня привлекли къ каретѣ.

Я увидѣла около кареты нѣсколько верховыхъ людей, между коими примѣтила безчестнаго моего *Вильсона*, и слѣдствіе доказало, что я въ томъ не обманулась. *Сиръ Гарграфъ* ему сказалъ, входя ко мнѣ въ карету: ты знаешь, что долженъ отвѣтствовать, естьли повстрѣчаются какіе ни есть наглецы.

Я опять начала кричать, видя себя звѣрски ухваченною поперекъ спины, и брошенною съ таковою же жестокостію въ карету. Но крики мои еще болѣе увеличились, когда я увидѣла моего хищника сидящаго подлѣ меня. Жестокой мнѣ сказалъ: кричите, кричите, естьли вамъ угодно, сударыня. Онъ былъ такъ подлѣ, что передразнивалъ меня, бляя какъ баранъ. Не задушила ли бы ты его своими руками, дражайшая моя *Люція*? Послѣ такого ругательства, онъ присовокупилъ какъ бы

торжественнымъ голосомъ: и такъ я теперь учинился совершеннымъ властелиномъ надъ *Миссъ Биронъ*! Но, видя что я неперестаю кричать, онъ зажалъ мнѣ ротъ своею рукою съ такою силою, что я принужденна была нѣсколько разъ кусать у себя губы. Кучеръ, которой безъ сумнѣнія получилъ уже отъ него наставленія, не ожидалъ другаго приказу и ударилъ по лошадамъ; и такъ твоя *Генриетта* отправилась въ путь.

Но какъ намъ должно было далеко ѣхать улицею; то я разсматривая въ темнотѣ дома прокричала раза съ два или три призывая къ себѣ на помощь. Но подъ тѣмъ видомъ дабы меня не простудить, *Сиръ Гарграфъ* повязалъ мнѣ на шею платокъ, и закрылъ мнѣ онымъ все лице, лобъ и ротъ. Потомъ закрывалъ меня епанчею гораздо тщательнѣе прежняго, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ во время сего упражненія, сжать мои руки изъ всей силы, такъ, чтобъ я оными не могла дѣйствовать; и когда онъ связалъ меня почти всю по своему желанію, то взялъ лѣвою своею рукою, обѣ мои руки, а правую обхвативши поперекъ, держалъ меня на скамейкѣ. И такъ, исключая небольшого отверстія, которое я иногда дѣлала себѣ движеніемъ своей головы, совершенно была я закрыта.

Вѣжжая въ другую деревню, услышала я шумъ и громко закричала, стараясь всячески выдернуть свои руки; тамъ карета остановилась, и я ясно слышать могла около себя много голосовъ. Какую ощутила я надежду! Но, увы! оно недолго продолжалось. Одинъ изъ его людей, коего я почла за *Вильсона*, отвѣчалъ за всѣхъ прочихъ, что это былъ ихъ господинъ, везущей свою жену изъ Лондона, откуда онъ съ великимъ затрудненіемъ могъ ее удалить отъ непристойностей. Его господинъ самый добродѣтельнѣйшей изъ всѣхъ мужей, присовокупилъ къ тому подлый лицемѣръ, на противъ того, естли признаться чистосердечно, наша госпожа самая безчестнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ. Я опять закричала. Такъ, такъ, сказалъ одинъ изъ незнакомыхъ, кричи сколько хочешь, естли ты столь безчестна. О бѣдномъ твоёмъ мужѣ должно жалѣть. И въ сію же минуту карета тронулась съ мѣста. При семъ случаѣ жестокой мой стражъ громко захохоталъ, прижавъ меня къ себѣ. Слышите ли о комъ говорятъ? сказалъ онъ мнѣ: ето обѣ васъ, любезная моя: вы безчестная женщина. Онъ началъ смѣяться; выхваляя себя въ своихъ изобрѣтеніяхъ; онъ презиралъ и нимало не боялся *Гревилля*, *Орма*, *Фенвича*, и всѣхъ таковыхъ ревнивцевъ. Не забавная ли ето будетъ исторія, присовокупилъ онъ, любезная моя *Биронъ*, когда вы выйдете изъ всѣхъ своихъ опасеній?

Я многократно лишалась чувствъ. Я изъ милости просила снять съ лица моего платокъ. Когда же мы проѣхали деревню, и почти удалены были отъ всего свѣта; то онъ согласился спустить платокъ покрывавшей глаза мои: однако не переставалъ держать оный у моего рта, такъ что исключая нѣсколькихъ минутъ, въ кои я усиливалась, шатая головою, нѣсколько высунуть свой ротъ, не могла я явственно выговорить ни

единого слова. Я и теперь еще чувствую отъ того ужасную боль у обѣихъ сторонъ шеи.

Занавѣски у оконъ каретныхъ почти во все время были опущены; и я догадалась что мы подъѣзжаемъ къ какому ни есть селенію, по тѣмъ попеченіямъ, съ коими онъ скоро возобновилъ жестокія свои предосторожности, закрывая мои глаза, дабы я ничего не видѣла, и лишая меня голоса. За нѣсколько времени передъ встрѣчею съ моимъ избавителемъ, я узнала по мостовому стуку что мы приѣхали въ городъ, и съ великою проворностію выдернула одну мою руку, дабы содвинуть платокъ, коимъ я была обвязана и закричала изъ всей моей силы. Но онъ толико исполненъ былъ варварствомъ, что въ ту же минуту зажалъ мнѣ ротъ своимъ платкомъ столь сильно, что я едва было отъ того не задохлась; еще и теперь чувствую отъ сего насилія, такъ какъ и отъ многихъ другихъ его жестокостей великую боль.

По истиннѣ, онъ иногда мнѣ извинялся въ той жестокости, къ которой онъ былъ принуждаемъ чрезвычайнымъ моимъ упорствомъ. Великое нещастіе для меня, сказалъ онъ, когда я учинюсь женою такого человѣка, какъ онъ, Вамъ должно на сіе рѣшиться, повторялъ онъ нѣсколько разъ, или на что ни есть еще худшее. Все ваше сопротивленіе тщетно; я клянусь Небомъ, что отомщу вамъ за нанесенное вами мнѣ смущеніе! Вы не сохраняете въ разсужденіи меня умѣренности, *Миссъ Биронъ*: будь я проклятъ, естли сохраню оныя и съ вами! Я ни мало о его звѣрствѣ не сумнѣвалась. Ею любовь не имѣла никакой нѣжности. Какъ же могла бы я согласиться, по оказаніи мнѣ столь малаго угожденія, на такія варварскія поступки, и со стороны столь ненавистнаго человѣка? Колико была бы я подла, естлибъ могла учинить сугубое преступленіе, то есть: предать забвенію то, чѣмъ я самой себѣ обязана?

Проѣзжая далѣе, я легко могла догадаться, по движенію кареты, что мы ѣдемъ по шероховатой и неровной дорогѣ; онъ освободилъ мои руки, желая со мной помириться, и позволилъ мнѣ свободно смотрѣть во всю остальную дорогу, естли я перестану токмо кричать. Но я ему объявила, что не соглашусь дать такое одобреніе его насильствіямъ. Карета тогда остановилась. Одинъ изъ его людей подошедши къ дверцамъ подаль своему господину не большую коробочку, въ коей находились нѣкія закуски. Онъ меня просилъ, скушать что ни есть такое, которое былобъ по моему вкусу; но я столько же не имѣла позыву къ пищѣ сколько и смѣлости. Я отвѣчала, что кушанье, коего я наѣлась вчерась, конечно было послѣднѣе въ моей жизни. Чтожъ касается до него, то онъ ѣлъ съ великою жадностію, продолжая оскорблять меня насмѣшками. А какъ онъ позволилъ мнѣ свободно смотрѣть на свѣтъ, то я ясно могла видѣть, что нахожусь въ весьма просторанномъ полѣ, и въ отдаленіи отъ большой дороги. Я не навѣдывалась уже, гдѣ кончится мое путешествіе. Естлибъ мнѣ оставалась хотя малѣйшая надежда къ

избѣжанію, то конечно произошло бы сіе при переѣздѣ черезъ городъ; но, я мало могла тѣмъ ласкаться. Я весьма была увѣрена что въ какоебѣ мѣсто они меня ни привезли, то конечно употребятъ въ ономъ новыя гоненія. Я рѣшилась лучше умереть, нежели согласиться принять его руку. Но при всемъ томъ, я чрезвычайно страшилась дабы паки не лишиться чувствъ; и всячески старалась, сколь было можно, менѣе отвѣтствовать на его варварскія оскорбленія, дабы чрезъ то сохранить остальные свои силы. Прежде нежели тронулись съ мѣста, онъ мнѣ сказалъ, что мое упорство заставляетъ его прибѣгнуть къ принужденію; и взявши платокъ дабы завязать мнѣ глаза, онъ осмѣлился раза три меня поцѣловать. Я оттолкнула его съ негодованіемъ. Жестокой мучитель! вскричала я въ горести моихъ чувствованій. Судьба моя опредѣлила мнѣ, къ нещастію моему, быть въ вашей власти. Такой злой поступокъ будетъ стоить вамъ дорого, прибавила я наклоня голову въ платокъ: вы сдѣлали жизнь мнѣ несною; я съ великимъ удовольствіемъ готова претерпѣть все то, что можетъ споспѣшествовать къ окончанію оной. Источники слезъ полились изъ глазъ моихъ. Я дѣйствительно почувствовала слабость силъ моихъ. Жестокой варваръ не имѣющей никакого сожалѣнія покрылъ мою голову и глаза платкомъ. Онъ закрылъ меня плащомъ съ величайшими предосторожностями. Онъ держалъ обѣ мои руки въ своихъ, и я переносила все сіе безъ малѣйшаго сопротивленія.

Мы не болѣе четверти часа проѣхали, какъ карета наша остановилась по причинѣ спору между кучеромъ *Сира Гарграфа* и кучеромъ другой кареты заложеной шестернею. Въ тогдашнемъ моемъ состояніи, я не могла вдругъ отгодать, отъ чего происходитъ сей шумъ; но какъ *Сиръ Гарграфъ* высунулъ въ то время голову въ окошко, то я вырвала отъ него одну мою руку. Я услышала голосъ человѣка, которой приказывалъ своему кучеру кричать, чтобъ дали дорогу. Какъ скоро одна рука стала у меня свободна; то я приподняла платокъ отъ моего рта выше глазъ, и закричала изъ всея силы: помогите, помогите! Тотъ же голосъ, которой по щастію моему былъ голосъ моего избавителя, приказалъ кучеру *Сира Гарграфа* остановиться; а *Сиръ Гарграфъ* напротивъ того приказывалъ ему съ угрозами и ужасными проклятіями продолжать путь несмотря ни на какія сопротивленія. Проѣзжающей говорилъ тогда съ моимъ хищникомъ, называя его по имени и укоряя его въ зломъ предпріятіи. Но сей мерзавецъ отвѣчалъ, что я была его жена, которую онъ заблагоразсудилъ захватить, поймавши ее въ преступленіи. О ужасной вымысль! и которая хотѣла уже бѣжать изъ маскарада съ своимъ обожателемъ. Онъ снялъ покрывавшую меня епанчу, дабы показать ему въ утвержденіе мое платье. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! прокричала я разъ съ пять или шесть: мое смущеніе лишило меня дыханія продолжать мой крикъ. Я простерла мои руки прося покровительства и сожалѣнія. Извергъ человѣческаго рода всячески старался зажать мнѣ ротъ

платкомъ, которой я опустила подъ мой подбородокъ, и звѣрски мнѣ наговорилъ нѣсколько жестокихъ ругательствъ. Но проѣзжающей не удовольствовавшись тѣмъ изъясненіемъ, пожелалъ знать сіе отъ самой меня, не взирая на ярость *Сира Гарграфа*, которой съ презрительнымъ видомъ и угрозами спрашивалъ его, какой онъ человѣкъ? Онъ меня спросилъ, справедливо ли то, что я его жена? О! нѣтъ! нѣтъ; я болѣе не въ состояніи была отвѣтствовать. Я признаюсь, что будучи ободрена фізіономією моего избавителя нимало не колебалась и въ ту же минуту бросилась я въ его руки, хотя въ другомъ случаѣ я бы весьма опасалась учинить сіе, смотря по его лѣтамъ. Колико была бы я несчастна, когдабъ избавившись изъ рукъ одного изверга, впала въ руки другаго, и естлибъ второй *Гарграфъ* употребилъ во зло священное названіе покровителя, присоединя къ тому преступленію, измѣнить моей довѣренности. Но могла ли я страшиться какого ни есть новаго злощастія, когда единая настоящая погибель занимала всѣ мои мысли?

Ты лучше понять можешь, что я не въ силахъ выразить того ужасу, въ коемъ я находилась, когда *Сиръ Гарграфъ*, выхвативъ шпагу, съ великою жестокостію нанесъ ударъ на моего защитника, произнося такія слова, по которымъ я думала что ударъ его свершился, ибо я ничего не могла съ той стороны видѣть. Но, когда я увидѣла, что онъ ухватилъ моего тирана побѣдительною своею рукою и выдернулъ его изъ кареты съ толикою силою, что карета отъ того затрелась; то едва было не лишилась чувствъ отъ радости, равно какъ и отъ ужасу. Я бросила съ себя плащъ и развезла платокъ. *Сиръ Карлъ Грандиссонъ* обхвативъ меня руками понесъ въ свою карету; я тогда находилась не въ состояніи переступить ни единого шага. Единныя ругательства, проклятія и угрозы *Сира Гарграфа* были тогда слышны. Не опасайтесь его болѣе, сказалъ мнѣ *Сиръ Карлъ*, не смотрите на нею, сударыня. Онъ приказалъ кучеру побережь своего господина, которой лежалъ запутавшись ногою въ заднемъ колесѣ; и посадя меня въ свою карету тотчасъ за мною затворилъ дверцы. Онъ нѣсколько минутъ занимался осматривая вокругъ себя различныя мѣста. Потомъ приказалъ своему человѣку увѣдомить *Сира Гарграфа*, кто онъ таковъ, и возвратился ко мнѣ.

Онъ нашелъ меня на днѣ кареты лежащую, куда я безъ чувства упала, будучи столько же слаба сколько и утрачена. Онъ меня поднялъ. Онъ чрезвычайно старался меня успокоить съ братскою нѣжностію, и сѣвши подлѣ меня приказалъ своему кучеру возвратиться въ *Кольнеброкъ*. Любопытство ни малаго не произвело въ немъ желанія, чтобъ спросишь меня о моемъ приключеніи; но, дабы возстановить мои чувствія, онъ мнѣ сказалъ самымъ пріятнѣйшимъ голосомъ, что онъ хочетъ препоручить меня попеченіямъ одной изъ своихъ сестеръ, коей выхвалялъ онъ мнѣ благоразуміе и добродѣтель; а по томъ продолжалъ свой путь въ *Лондонъ*. Какую пріятность ощущала я во время моего

пути, когда онъ поддерживалъ меня своею рукою, въ сравненіи съ руками вѣроломнаго *Гарграфа*?

Г. *Ревсъ* уже тебѣ описалъ безподобную его сестру. О дражайшая моя *Люція*! его сущіе Ангелы.

Не жалуясь, что я тебѣ не довольно подробно описала о моихъ несчастіяхъ и моемъ освобожденіи. Въ другомъ письмѣ я тебѣ обѣщаюсь изъяснить изыщныя качества сего брата и его сестры, когда мои силы нѣсколько укрѣпятся. Но чтожь должна я тебѣ сказать о моей благодарности? Я толико во внутренности моего сердца тѣмъ пронзена, что предъ ними не иначе могу оную изржать какъ молчаніемъ. Однако на моихъ взорахъ начертаны бывають помышленія моего сердца. Почтеніе присоединяется къ благодарности. Впрочемъ есть нѣчто весьма пріятнаго и веселаго въ поступкахъ одного и другой? О дражайшая *Люція*! еслибъ я не чувствовала, что искренное мое почтеніе равномѣрно клонится какъ къ сестрѣ такъ и къ брату; еслибъ я не ощущала, послѣ всѣхъ моихъ размышленій, что сія любви достойная сестра толико мнѣ стала любезна по нежнымъ своимъ о мнѣ стараніямъ, колико ея братъ по щастливымъ дѣйствіемъ своей храбрости, какъ ты легко о томъ судить можешь вмѣсто всякаго страха внушаетъ къ себѣ почтеніе, словомъ, еслибъ я не чувствовала въ себѣ, что люблю сестру и уважаю брата; то признаюсь, что ужасалась бы моей благодарности.

Мое письмо продолжительно и я чувствую изнеможеніе моихъ силъ писавши столь долгое время. О дражайшіе мои друзья! дражайшіе мои родственники! благополучное мое избавленіе отношу я къ усерднымъ вашимъ о мнѣ молитвамъ и неизреченной вашей ко мнѣ любви. Можетъ быть я того была недостойна, отважившись по неразумію идти на самое смѣха достойное изъ всѣхъ зрѣлицъ, одѣвшись какъ безумная, и добровольно подвергая себя всѣмъ слѣдствіямъ слѣпаго моего неблагоразумія! Коликократно, въ теченіе моего несчастія, и послѣ щастливаго окончанія онаго, ни обращала на себя глазъ своихъ, но всегда отводила оныя со стыдомъ и отвращеніемъ, которыя были не легчайшею частію моего наказанія? И для того, любезная моя, я заклалась во всю мою жизнь не ходить въ маскарады.

Мнѣ кажется, что не должно бы никому сообщать сего печальнаго приключенія, безъ необходимости; а особливо не увѣдомлять о томъ Г. *Гревилля* и Г. *Фенвича*, поелику весьма вѣроятно, что они всячески будутъ стараться сыскать *Сира Гарграфа*, наипаче Г. *Гревилья*, хотябъ онъ и сдѣлалъ что нибудь, но сіе былобъ единственно для того дабы обнаружить тѣ требованія, которыя онъ надо мною имѣеть.. Я почла бы себѣ за величайшее несчастіе быть предметомъ какой ни есть новой распри, тѣмъ болѣе что до сего времени я весьма увѣрена, что столь трогательное приключеніе довольно еще щастливо окончилось. Да пребудеть ненавистный тотъ человѣкъ доволенъ и спокоенъ, еслии того самъ

пожелаетъ. Единое утѣшеніе, коего я желаю, состоитъ въ томъ, дабы не видать мнѣ его во вѣки.

Г. *Ревсъ* отошлетъ тебѣ въ моемъ конвертѣ письмо моего избавителя, которое содержитъ въ себѣ его изъясненія. Прощай, любезнѣйшая моя Люція.

ПИСЬМО XX.

Сиръ Карль, къ Г. Ревсу.

Изъ Канторбери, 22 февраля.

Я получилъ въ сію минуту, Г. мой, весьма продолжительное письмо отъ вашего подлаго *Вильсона*, которое приписываетъ онъ болѣе мнѣ, какъ самъ говоритъ, нежели вамъ, поелику опасается, что вы никогда ему того не простите, на противъ того онъ отъ меня надѣется, ради своего раскаянія, которое ему кажется весьма оправданнымъ по произвольному и чистосердечному его признанію, что я употреблю всевозможное стараніе склонить васъ, дабы не подвергать его правосудію. Я не могу судить о его чистосердечіи; однако его признаніе кажется искренно, ибо онъ ни за что бы въ свѣтѣ не согласился объяснить оное письменно. Но, поелику я думаю, что вы не намѣрены приводить въ разгласку явными розысками такое преступленіе, которое осталось безъ всякаго дѣйствія; то вы по милости своей увѣдомя сестру сего мерзавца, что ея братъ внѣ опасности, можете способствовать хорошимъ его намѣреніямъ, естли письмо его чистосердечно; и онъ можетъ быть совершенно оставить ту жизнь, которая не токмо приведетъ его самого къ пагубному концу, но учиняется вредною многимъ честнымъ людямъ, по слѣдствію его отчаянія.

Изъ одного его письма усмотрѣтъ можно, когда бы и никакихъ другихъ о томъ доказательствъ мы не имѣли, что онъ въ состояніи сдѣлать много зла. Онъ признается, что съ самаго своего младенчества, къ величайшему его несчастію, попалъ въ весьма худыя руки; безъ чего, естественныя его качества учинили бы его полезнымъ обществу. Онъ повѣствуетъ о разныхъ господахъ, коимъ онъ служилъ, и о мерзкихъ предпріятіяхъ, въ кои онъ вмѣшивался изъ угожденія имъ. Но нѣтъ ничего подобнаго съ тѣмъ описаніемъ, которое онъ учинилъ о нѣкоемъ *Багенгалъ* живущемъ въ Ридингѣ; и о Лондонскомъ Жидѣ, называемомъ *Мерцеда*, двухъ примѣрныхъ злодѣяхъ, естли въ томъ ему вѣрить, которые употребляли его въ различные безпорядки долгое время, совѣтовали *Сиру Гарграфу* принять его къ таковымъ же услугамъ. Онъ рассказываетъ подробно о зломъ предпріятіи, въ коемъ онъ былъ главнымъ распорядителемъ. Сверхъ милости новаго своего господина онъ надѣялся сочетаться бракомъ съ молодою дѣвицею изъ Падингтона, коей мать склонилъ онъ употребить свой домъ и помощь въ пользу *Сира*

Гарграфа, обѣщая знатную сумму денегъ, которая послужила бы приданымъ ея дочери. Но онъ присовокупляетъ, что все сіе происходило съ честными намѣреніями, и что госпожа *Оберри*, коей онъ надѣялся быть зятемъ, совершенно не такого свойства, чтобъ могла стерпѣть хотя малѣйшую неблагопристойность. Отъ страху ли, или отъ угрызенія совѣсти онъ говоритъ съ ужасомъ о заблужденіяхъ своей жизни. Онъ клянется, что уже ни о чемъ болѣе не помышляетъ какъ о томъ единственно, чтобъ жить честнымъ образомъ; что онъ лучше согласится умереть съ голоду, нежели вступить въ службу къ выше означеннымъ господамъ; и дабы изгнать во мнѣ всякое сумнѣніе о его чувствованіяхъ, онъ меня увѣряетъ, что при встрѣчѣ въ Гонслоу, онъ воспрепятствовалъ двумъ своимъ сотоварищамъ въ меня стрелять. Однако, моя жизнь, говоритъ онъ, и теперь еще находится въ великой опасности.

Я избавляю его отъ того безпокойствія, которое онъ имѣетъ о моей безопасности: но я разсуждаю, что онъ еще молодъ, и въ состояніи обратиться на путь истинный; что его исправленіе уменьшить число развратниковъ приумножа оное честныхъ людей: и кто знаетъ, не можетъ ли его примѣръ произвести вліянія надъ подобными ему людьми, къ добру или ко злу? естли онъ совокупится съ тою молодою дѣвицею, моею домогается, и которой нравы весьма похваляютъ, то ваше снисхожденіе, Г. мой, не можетъ ли вообще всю фамилію привести къ добродѣтели?

Предполагаемое въ немъ преступленіе, оставшееся безъ успѣха нельзя почестъ уголовнымъ преступленіемъ, и сверхъ пользы, которую бы можно было получить изъ его признанія, естлибъ поступишь по законамъ кажется мнѣ, что надлежитъ отъ того надѣяться другой выгоды; когда же сей презлой господинъ не можетъ исполнить злыхъ своихъ намѣреній безъ помощи подобнаго себѣ слуги; то какое гнѣздо лютыхъ змій не можно бы было вдругъ раззорить, или но крайней мѣрѣ привести въ безсиліе, лишая трехъ выше означенныхъ мною человекъ помощи такого дѣлопроизводца? Когда люди должны были многого лишаться, то иногда обращались охотнѣе къ честности нежели предавались людямъ столь сумнительной вѣрности.

Пожалуйте, Г. мой, засвидѣтельствуйте мое почтеніе госпожѣ *Ревсъ* и любезной вашей питомицѣ. Вы видите что я такія же имѣю какъ и вы требованія къ чести столь славнаго союза. Я думаю что сія любезная дѣвица находится въ совершенной безопасности. Вѣрьте мнѣ въ томъ, Г. мой, впрочемъ пребываю навсегда вашъ и прочая.

Сиръ Карлъ.

ПИСЬМО XXI.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Пятницу, февраля.

Господинъ *Ревсъ* немедлѣнно написалъ письмо къ сестрѣ сего *Вильсона*, что ея братъ можетъ привыкать къ честнымъ поступкамъ, не опасаясь нималѣйшаго отъ насъ препятствія. Въ семъ случаѣ рѣшились поступать по совѣтамъ моего избавителя. Какое ужасное письмо *Вильсона*! ибо *Сиръ Карлъ* присовокупилъ къ своему самой подлинникъ. Боже мой, какихъ людей на свѣтѣ не находится! хотя мы въ книгахъ и находили примѣры онымъ, но я нимало себя не почитала тѣмъ угрожаемою, не имѣвши никогда съ ними сообщенія.

Мы гораздо болѣе беспокоимся, нежели самъ *Сиръ Карлъ*, о извѣстіи касающемся, до его жизни. *Г. Ревсъ* узналъ отъ разныхъ людей, что *Сиръ Гарграфъ* не останется спокойнымъ и что изыскиваетъ великое множество средствъ къ отмщенію. Для чегожъ я возвратилась въ Лондонъ?

Въ сію минуту принесли мнѣ пакетъ писемъ въ коихъ познала я начертаніе моихъ родителей, моихъ ближнихъ, и всего того что ни есть для меня на свѣтѣ любезнѣйшаго. Съ какимъ удовольствіемъ и восторгомъ принимала я отъ нихъ поздравленія! Сколь пріятны тѣ минуты, кои я препроводила въ семъ утѣшительномъ чтеніи! но ты, дражайшая моя, которая обыкновенно пишешь за всю мою фамилію, такъ какъ я всегда надписываю на твое имя, съ какою нѣжностію и какимъ искусствомъ изображаешь ты всѣ чувствованія, описанныя въ пяти или шести письмахъ! гдѣжъ могу я обрѣти таковыя изрѣченія, коими бы могла изразить всѣ мои чувствованія?

И такъ ты желаешь, чтобъ я тебѣ подробно описала свойство и видъ *Сира Карла Грандиссона* и его любви достойной сестры. Какая необходимость понудила тебя предложить мнѣ такой вопросъ? и какъ могла ты себѣ представить, чтобъ я употребивши мое перо для начертанія толикаго множества людей, заслуживающихъ токмо обыкновенное достоинство смертныхъ, способна была не упомянуть въ томъ о двухъ такихъ особахъ, кои составляютъ украшеніе своего вѣка, и честь всего человѣческаго рода? Ты не сумнѣваешься, говоришь ты, что еслии я начну превозносить ихъ похвалами, что пылкость моей признательности не простерлась до высочайшей степени; и совѣтуешь, что надлежитъ привести въ настоящіе предѣлы всѣ тѣ изящныя вещи, къ коимъ уже *Г. Ревсъ* тебя приготовилъ. Можетъ быть ты не обманываешься въ семъ ожиданіи; ибо уже нѣсколько времени тому назадъ, какъ меня укоряютъ въ нѣкоемъ восторгѣ по причинѣ моей признательности. Однако, еслии въ самомъ дѣлѣ ты усмотришь, что а буду выходить изъ предѣловъ, то припиши мои излишества слѣдующей причинѣ.

Кого же прежде должна я описать брата, или сестру? Ты угрожаешь меня своимъ проницаніемъ; ахъ! дражайшая *Люція*, вѣрь что я тебя разумѣю, но будь увѣрена, что я не ощущаю инныхъ чувствованій кромѣ тѣхъ, кои происходятъ отъ признательности.

Однако ты приводишь меня въ великое замѣшательство; ибо я увѣрена, что еслии начну съ брата; то ты присоедилишься къ моему дядѣ, крича изъ удивленія, и качая головою: Ахъ! любезная *Генріетта*! еслии же я начну съ сестры, то не скажешь ли ты, что оставляю драгоценной мой предметъ для обстоятельнаго о немъ описанія? Въ семь случаѣ весьма трудно избѣжать сужденія, между такими судьями, которые желаютъ принять на себя дѣйствительное качество судителей. Но будь столько проницательна сколько тебѣ угодно, дражайшая моя *Люція*; я тебѣ ручаюсь, что таковая опасность ни малѣйшей не произведетъ въ моемъ сердцѣ скрытности, и что мое перо будетъ ему свидѣтелемъ. Чегожъ должна я страшиться, находясь въ такой довѣренности и будучи увѣрена, что совѣты друзей моихъ могутъ быть мнѣ полезны и утѣшительны?

Миссъ Грандиссонъ, ибо мое перо соотвѣтствующее моему чувствованію само собою начинаетъ описывать сестру, съ какою бы тонкостію любезная моя *Люція*, ни старалась въ оное проникнуть. *Миссъ Грандиссонъ* имѣетъ отъ роду двадцать четвертой годъ. Станъ ея весьма благороденъ и совершенно строенъ. У ней важная походка, черные величественные и весьма проницательные глаза, коими она все оживотворяетъ, и которые первое привлекаютъ вниманіе въ ея фізіономіи. Ея волосы подобнаго же онымъ цвѣту, чрезвычайной красоты, и съ природы кудреваты. Лице ея хотя бѣлизною снѣгу не уподобляется; но чрезвычайно чисто и нѣжно. Черты ея вообще правильны, а ея носъ, которой нѣсколько продолговатъ, придаетъ имъ нѣкое величество. Зубы ея до чрезвычайности бѣлы и ровны. Я никогда такого пріятнаго рта не видѣла. Кроткій и постоянной видъ, сопровождающей прелѣстнѣйшею улыбкою, вдругъ внушаетъ къ ней и любовь и почтеніе. Когда она начинаетъ говорить, то вся исполнена бываетъ пріятностями.

Она сама сказала, что до возвращенія ея брата, почитали ее гордою, надмѣнною и злобною; но я съ трудомъ могу тому вѣрить: мнѣ кажется совершенно невозможно, чтобъ въ теченіе одного года, то есть, съ того времени какъ *Сиръ Карль* возвратился въ Англію, можно было совершенно истребить худую привычку, не оставя ни малѣйшей къ тому примѣты.

Въ ней усматривается пленительная живость. Голосъ ея весьма нѣженъ и строенъ, судя по пѣснямъ, кои она съ утра почти до вечера распѣваетъ. Она учтива до чрезвычайности; но при всемъ томъ, еслии кто не знаетъ ее совершенно, то насмѣшливая привычка, которая ей

будто свойственна, можетъ привести въ безпокойство тѣхъ, которые живутъ съ нею. Но я увѣрена, что она чистосердечна откровенна и чрезвычайно ласкова; искусство съ коимъ она обращаетъ все достоинство приписываемое ею въ честь своего брата, заставляетъ судить, что она столько же покорна, сколько кротка. Съ недавняго времени, естли ей вѣрить, возымѣла она охоту къ чтенію; но я рѣшилась недовѣряться всему тому, что она про себя ни говоритъ. Она думаетъ о себѣ, что была столь легкомысленна и весела что никакъ не могла забавляться уединенными забавами. Однако признается, хотя наименѣе всего о томъ думаетъ, что она весьма свѣдуца въ Исторіи и Географіи. Она также довольно знающа въ музыкѣ. Горнишная ея женщина, которая съ удовольствіемъ во время прилагаемыхъ ею о мнѣ попеченіяхъ выхваляя свою госпожу, сказала мнѣ, что она совершенно знаетъ Французской и Италіанской языки; что она пишетъ со всевозможною пріятностію, и въ великомъ уваженіи по причинѣ своего разума, кротости и ласковыхъ своихъ обхожденій. Она приписываетъ ей другое достоинство, коимъ я восхищалась, къ чести *Миссъ Клемеръ* и всѣхъ молодыхъ особъ любящихъ чтеніе; она прилагаетъ всевозможные старанія ко всему тому, что касается до домашняго обиходу.

Женни, горнишная ея женщина умна и весьма хорошо воспитана, по своему состоянію, сказала мнѣ изъ довѣренности, что ея госпожа имѣетъ двухъ обожателей. А я весьма удивляюсь, что она не имѣетъ ихъ двухъ дюжинъ. Первой есть *Кавалеръ Ваткинсъ*, человѣкъ чрезвычайно богатой; а второй, *Милордъ Ж.....* сынъ *Графа Ц....* Но непримѣтно даже до сего времени, чтобъ она къ которому ни есть изъ нихъ имѣла склонность.

Таковыя суть качества, украшающія *Миссъ Шарлоту Грандиссонъ* одну изъ прелѣстнѣйшихъ въ свѣтѣ особъ. Я почту себя чрезвычайно щастливою, естли когда мы гораздо короче познакоимся я буду казаться хотя въ половину столь любви достойною въ глазахъ ея, сколько она въ моихъ. Не ревнуй тому, дражайшая моя *Люція*; я имѣю толь пространное сердце, что могу помѣститъ въ оное пять или шесть нѣжныхъ пріятельницъ моего пола; такъ, любезная моя, когда бы ты предполагала тому любовь другаго роду, на примѣръ, которую я долженствую оказывать супругу при моемъ выборѣ, естли на конецъ рѣшусь выдти за мужъ, то и та любовь никогда дружбѣ не воспрепятствуетъ.

Возвратимся къ брату, къ великодушному моему избавителю. Ты предупредила меня, любезная *Люція*, чего я должна опасаться отъ твоего проницанія. Я увѣрена, что ты съ нетерпѣливостію желаешь наслаждаться смущеніемъ моего сердца въ такомъ описаніи, которое я хочу начертать о человѣкѣ, которому до чрезвычайности обязана. Что ты скажешь, естли наше ожиданіе будетъ тщетно, и естли я, не взирая на то, не отдамъ справедливости такимъ совершенствамъ, коимъ я никогда

и ничего подобнаго не знала? Что ты скажешь, естли въ томъ человѣкѣ, котораго достоинству удивляюсь, усмотрю я такіе недостатки, коихъ не примѣтила въ сестрѣ его? Надмѣнная *Генріетта!* я воображаю себѣ, что ты говоришь: продолжай свое повѣствованіе, и оставь на наше попеченіе тебя проникнуть; остерегайся также, чтобъ недостатки, которые ты стараешься усмотрѣть, не были бы тебѣ предметомъ къ измѣненію твоихъ чувствованій. Я чистосердечно тебя благодарю за такую предосторожность, дражайшая моя; но я ни какой въ ней не обходимости не усматриваю. Перо мое послужитъ къ начертанію чувствованій моего сердца; и естли онъ покажется для меня толико же честенъ, сколько осмѣливаюсь я сказать, кажется онъ честенъ всякому человѣку; то я ничего не опасаюсь, ни твоего проницанія, ниже дяди моего *Сельби*, которой для меня гораздо еще страшнѣе.

Естли ты хочешь знать *Кавалера Грандиссона* относительно къ его виду; то онъ настоящій красавецъ. Его талія нѣсколько выше посредственной, и совершенной препорціи. Лице его нѣсколько продолговато, и изъявляетъ цвѣтущее здоровье, подкрѣпляемое трудами. Цвѣтъ лица его былъ бы излишне нѣженъ для мущины, естлибъ не примѣтила, что онъ мало берегъ его и переносилъ болѣе жаровъ, нежели холоду. И по тому не удовольствовавшись, объѣхать всю Европу былъ онъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Асіи, Африки, а особливо препроводилъ весьма долгое время въ Египтѣ.

Я не знаю, какаябъ необходимость была для мущины имѣть столь прекрасные зубы и ротъ, какими *Кавалеръ Грандиссонъ* могъ бы хвалиться, естлибъ токмо былъ способенъ къ такому тщеславію.

Онъ въ видѣ своемъ имѣетъ нѣчто великаго и благороднаго, возвѣщающаго въ немъ человѣка отличнаго достоинства. Естлибъ пленительный видъ былъ предметомъ престола, то *Сиръ Карлъ* мало бы имѣлъ себѣ соперниковъ. Въ блестящихъ глазахъ его... по истиннѣ, любезная моя *Люція*, изъявляется гораздо болѣе благородства и возвышеннаго разума нежели въ глазахъ сестры его. Пожалуйте не дѣлайте никакого заключенія, дражайшей мои дядюшка, вы знаете всѣ, что я за что почитаю красоту мущины. Впрочемъ его видъ такой величественный и соединенъ съ толикимъ чистосердечіемъ и ласковостію, что не менѣе привлекаетъ къ себѣ любви какъ и почтенія, Ето такой безподобной человѣкѣ, сестра его сказала, что онъ прежде всего избѣгаетъ недовѣрчивости и скрытности, которыя обыкновенно имѣютъ особы вновь знакомящіеся. Сіе для него весьма легко; ибо во всемъ томъ, что онъ ни говоритъ и ни дѣлаетъ, онъ увѣренъ что понравится. Я ничего лишняго не прибавляю, любезная моя *Люція*, качай головою, сколько тебѣ угодно. Словомъ, его видъ такой свободной и учливой, что ему совершенно естественъ, и не токмо въ его рѣчахъ и во всѣхъ его дѣянїяхъ; но и во всякомъ его поступкѣ оказывается всегда

хорошіи вкусъ и безпритворность, которая заставляетъ его почитать за самаго любезнѣйшаго человѣка въ свѣтѣ, хотя бы онъ не могъ отличиться многими другими преимуществами.

Сирь Карлъ не потерялъ напрасно своего времени въ путешествіяхъ. Сестра его сказала *Г. Ревсу*, что онъ женившись сдѣлаетъ великое множество женщинъ несчастными, и дѣйствительно, любезная моя, онъ столько имѣетъ личныхъ качествъ, что приведетъ въ безпокойство такую женщину, которая особенныя склонности къ нему возчувствовала. Слабость почти вообще нашего пола, изъясняется къ тѣмъ мужчинамъ, кои пленительнаго вида; тогда разсудокъ женщинъ управляется глазами. Я знаю что въ семъ случаѣ ты будешь мнѣ совѣтовать не увеличить число таковыхъ неблагоразумныхъ особъ. Твой совѣтъ, любезная моя *Люція*, не будетъ упущень.

Сирь Карлъ нимало не подверженъ своенравію или премѣнчивости. Онъ всегда избѣгаетъ такихъ споровъ, которые предметомъ своимъ имѣютъ однѣ бездѣлицы; но еще болѣе удаляется онъ отъ ласкательствъ, которыя бы могли вредить его совѣсти или честности. *Миссъ Грандиссонъ* нѣкогда мнѣ сказала, говоря о своемъ братѣ: ни хорошіи его видъ, ни порода, ни богатство, дѣлаютъ его любезнымъ тѣмъ людямъ, кои его знаютъ; но самое совершенное совокупленіе всѣхъ тѣхъ качествъ, кои существенно означаютъ честнаго человѣка. Она нѣкогда сказала мнѣ еще, что правило его жизни напечатлено въ его сердцѣ; и что, не взирая на то великое щастіе, по коему онъ нравится каждому человѣку, онъ не иначе поставляетъ разсужденіе, или одобреніе другаго, какъ во второмъ степени. Словомъ, мой братъ, присовокупила она, и сіе названіе изъявило въ ней нѣкую гордость, не можетъ ослѣпиться должною славою, ниже охладѣвать отъ ложнаго стыда. Онъ называетъ два сіи заблужденія, величайшими сѣтми для своей добродѣтели. Какой человѣкъ! любезная *Люція*, какая изящность души! и сколь совершенна женщина, могущая различать всѣ сіи дарованія между величайшими качествами своего брата! Но что значу я, въ сравненіи съ однимъ или съ другою? Однако и у меня есть обожатели. Самое бѣдное созданіе можетъ быть имѣть своихъ между низшими людьми. Нѣсколько здраваго разсудка можетъ намъ показать полезныя сіи сравненія; и не довольноли бы было, возвысить наши очи превыше самихъ себя и получить милость за наше уничиженіе?

Однако, мнѣ кажется, любезная моя, что *Сирь Карлъ* не столько избѣгаетъ мнѣнія другихъ, сколько его сестра себѣ воображаетъ, когда она увѣряетъ, что правило его жизни напечатлено во внутренности его сердца. Во первыхъ онъ подражаетъ модамъ; онъ имъ слѣдуетъ, хотя по истиннѣ безъ всякаго пристрастія; но онъ одевается всегда богато, и благородная его фізіономія получаетъ отъ того новый блескъ. Живость изъясняющаяся въ глазахъ его, сообщается всѣму его виду. *Женни*

сказала мнѣ по довѣренности, что онъ весьма бываетъ чувствителенъ къ пригожимъ женщинамъ. Его экипажи отличнаго вкуса, а сіе происходитъ не столько отъ любви къ пышности, сколько отъ ревности, которую онъ желаетъ внушить въ другихъ, или которою онъ исполненъ самъ до такой степени, что ни кому ни въ чемъ не хочетъ уступить. Онъ обыкновенно ѣздитъ съ многочисленною свитою; а что можетъ показаться нѣсколько особеннымъ въ экипажѣ сего человѣка, то у его лошадей никогда не бываютъ хвосты обрезаны. Они завязываются просто, когда онъ куда ниестъ ѣдетъ, такъ какъ я то примѣтила возвращаясь въ Лондонъ. Ты видишь, любезная моя, что я нахожу въ немъ слабость, по крайней мѣрѣ въ наружности его, и сіе для того чтобъ казаться тебѣ безпристрадною, не взирая на благодарность и почтеніе, коими я ему обязана. Но еслии онъ судить, что природа одарила благородныхъ сихъ животныхъ хвостами не для при умноженія ихъ красоты, но дабы они могли защищаться онъ безпокоющихъ ихъ насѣкомыхъ; и еслии онъ не имѣетъ другаго намѣренія какъ токмо ихъ облегчить, такъ какъ и сами его люди сказали о томъ Г. *Ревсу*; то думаешь ли ты, любезная моя, чтобъ сія причина была хулы достойна, и чтобъ челолюбіе, показываемое въ такомъ, примѣрѣ, не изъясляло ясно, чего можно надѣяться отъ столь сострадательнаго сердца въ величайшихъ случаяхъ?

Съ толико живымъ и пленительнымъ видомъ, и со всѣмъ тѣмъ блескомъ, которой я тебѣ представила въ *Сирѣ Карлѣ*, ты легко судить можешь, что, безъ всякаго смертельнаго ужасу, не опасалась я жестокаго поступка, коимъ была угрожаема; а еслиибы не имѣла нималѣйшей надежды въ другомъ покровительствѣ, то тогда бы не улѣтела птичка гонимая ястребомъ слѣдуя сравненію *Сира Карла*, которое Г. *Ревсъ* мнѣ часто повторялъ, и которой съ толикою нѣжностію изображалъ мнѣ мое состояніе, что привелъ меня въ нѣкое смущеніе, когда я вспомнила о тѣхъ пагубныхъ обстоятельствахъ. По истиннѣ, любезная моя, я стыжусь даже и стѣнъ вспоминая о томъ странномъ видѣ, которой представляла я въ маскерадномъ платьѣ, обнявшись съ молодымъ человѣкомъ.... Находишь ли ты, что ни есть ужаснѣе сей мысли? Впрочемъ не почитаютъ ли можетъ быть меня и здѣсь способною къ учиненію столь страмнаго стыда, изъ чего *Сирѣ Карлѣ* хотя исключается?

Но я нахожу нѣчто хулы достойнаго въ свойствѣ такого человѣка, коего сестра почитаетъ почти безъ недостатковъ. Сіе-то усмотрѣла я изъ ея собственныхъ словъ. Въ нѣкоторое время, когда она хвалилась что имѣетъ откровенное сердце, она мнѣ сказала, что не взирая на то, весьма сожалѣетъ, что не въ состояніи была рассмотретьъ себя яснѣе въ такомъ случаѣ, въ которомъ ея братъ принималъ ея откровенности хладнокровно. Она присовокупила, что не показывая никакого вида къ любопытству, онъ имѣлъ природное дарованіе извлекать изъ сердца

другаго человѣка то, чего со всѣмъ даже и не помышляютъ ему сообщать, и что она сама не чувствительно обольщаема бываетъ благопривѣтливимъ видомъ и ласковою улыбкою, съ коими онъ принималъ великое удовольствіе ее слушать: и что приведена будучи въ нѣкое замѣшательство посреди того повѣствованія, которое начала рассказывать не имѣвши къ тому нималѣйшаго намѣренія, она пожелала употребить все свое искусство, дабы склонить его изъясниться о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, кои, казалось ей, онъ отъ нее скрываетъ; но при всемъ своемъ искусствѣ, она отчаялась въ томъ успѣть.

Боже милостивый! Вскричала я, взирая на *Миссъ Грандиссонъ*, гдѣ я? Я тотчасъ остановилась, приводя себѣ на память, не сказала ли я чего неблагопристойнаго ея брату.

Дѣйствительно, любезная моя, сія скрытность къ такой сестрѣ, какъ *Миссъ Грандиссонъ*, и въ столь важныхъ обстоятельствахъ, которыя она желала съ нетерпѣливостію знать, весьма не простительна *Сиру Карлу*. Пріятельница! Сестра! Для чегожь сохранять тайну съ дной стороны, когда она не сохраняется съ другой? По видимому *Сиръ Карлъ* не болѣе будетъ имѣть довѣренности и къ супругѣ своей. Впрочемъ бракъ не составляетъ ли высочайшую степень человѣческой дружбы? Можешь ли ты вообразить себѣ, любезная моя, чтобъ тайна могла сохраняться между друзьями? Сестра его, не познавая въ немъ никакихъ недостатковъ, старается его извинить, и думаетъ, что онъ, познавши всю ея внутренность не имѣетъ другаго намѣренія, какъ токмо быть еще болѣе ей полезнымъ. Но ты по крайней мѣрѣ можешь заключить изъ моего наблюденія, что до какой бы степени ни была я обязана *Сиру Карлу* моею благодарностію, однако сужу о немъ безъ всякаго пристрастія. Мнѣ совершенно невозможно почестъ его извинительнымъ, естли онъ имѣетъ къ великодушной своей сестрѣ такую недовѣрчивость и скрытность, коихъ она къ нему не имѣетъ. Въ обращеніи, которое я ласкаюсь продолжать далѣе съ достойными моей привязанности друзьями, по крайней мѣрѣ естли ихъ милость не охладѣетъ къ тѣмъ, коихъ они осыпаютъ всякими благодѣянiami, буду тщательно присматривать надъ всѣмъ поведеніемъ сего чрезвычайнаго человѣка; надѣясь однако найти его толико же совершеннымъ какъ о немъ и говорятъ, въ томъ единственно намѣреніи, дабы смѣло его хвалить, такъ какъ превосходная его сестра будетъ за всегда составлять предметъ моего удивленія. Естли я усмотрю въ *Сирѣ Карлѣ* хотя нѣкія непростительныя погрѣшности; то не сумнѣвайся, чтобъ моя благодарность не учинилась равнодушною. И тотъ, коего я наименовала, одинъ будетъ въ силахъ защитить мое сердце, естли я когда ни есть почувствую, что моя благодарность ввергаетъ оное въ опасность.

Теперь, дражайшей мой дядюшка, не имѣю ли я права просить у васъ нѣкоей справедливости для вашей племянницы! я увѣрена, и весьма

увѣрена, что нимадой не имѣю причины недовѣряться моему сердцу. естли я примѣчу, что оно мнѣ измѣняетъ, то откровенно и съ великимъ удовольствіемъ увѣдомлю о томъ любезную *Люцію*. И такъ, дражайшей мой дядюшка не укоряйте меня единими мечтательными и неосновательными догадками.

Я и половины еще не сказала изъ всего того, что желала сказать о такомъ человѣкѣ, котораго я не престану называть удивительнымъ человѣкомъ: но нѣжная дружба ощущаемая мною къ любвидостойной его сестрѣ, вспомошествовала мнѣ открыть въ немъ нѣкоторые недостатки, и мое безпристрастіе завело меня столь далеко, что я съ трудомъ могла возвратиться къ первому содержанію. Здѣсь я останавлиюсь; ибо сіе письмо такъ уже продолжительно, что я намѣрилась остальное изъяснишь въ другихъ извѣщеніяхъ, коими я не престану тебя отягощать.

ПИСЬМО XXII.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

24 и 25 февраля

Я должна, употребить всю недѣлю, дражайшая моя *Люція*, на то чтобъ о всемъ тебя обстоятельнѣе увѣдомить. Повѣствованіе моего нещастія, изображеніе моихъ избавителей, и всѣ тѣ подробности, коихъ ты отъ меня требовала, единственно почти будутъ занимать мои мысли. И такъ я тебѣ сообщу небольшую поденную записку сей недѣли, въ коей я изключу токмо то, о чемъ уже ты извѣстна изъ писемъ *Г. Ревса*.

Будучи привезена спокойно въ свой домъ *Сиромъ Карломъ* и его сестрою; коихъ *Г. Ревсъ* къ печали своей не могъ удержать у себя откушать; а я не вовсе еще освободясь отъ слабости, принуждена была нѣсколько успокоиться. Но во время чаю, мнѣ доложили, что *Г. Роландъ Мередитъ* желаетъ со мной видѣться, отъ сего имени я вдругъ почувствовала силу и сошла въ низъ. Дня съ три тому назадъ, сказано было честному сему *Кавалеру*; что я бывши въ маскарадѣ нѣсколько утомилась, и что меня отвезли на нѣкоторое время въ загородной домъ. *Утомилась!* дражайшая моя, такъ я и въ самомъ дѣлѣ утомилась. Меня также *отвезли*, и отвезли, какъ должно было; ты ето знаешь. *Г. Роландъ* примѣтилъ, по перемѣнѣ лица моего, что я была нѣсколько не здорова; я весьма съ нимъ въ томъ согласна. Онъ весьма чувствительно изобразилъ мнѣ свою нетерпѣливость, съ коею желалъ со мною видѣться, и печаль, съ коею онъ отъѣзжаетъ въ Кермартенъ, не пожелавъ благополучія жестокой своей дочери; ибо ето тщетно, сказалъ онъ мнѣ, тщетно, я ето ясно вижу.... И остановясь, какъ будто бы страшился окончить рѣчь свою,

онъ находился въ молчаніи розинувши ротъ, и у с тремя свои глаза на мое лице.

Пожалуйте скажите мнѣ, Г. мой, прервала я его молчаніе дабы его успокоить, все ли въ добромъ здравьи мой братецъ *Фулеръ*? Вашъ братецъ, вашъ братецъ, повторилъ онъ съ нѣкоею досадою; отъ сего то происходитъ мое и его прискорбіе, сударыня.... но я остерегаюсь.... Вдругъ изъ глазъ его покатались слезы, такъ какъ обыкновенно старики скоро могутъ заплакать. Я завтра отъѣзжаю, повторилъ онъ; я давно бы уже выѣхалъ изъ Лондона, естлибъ не былъ удержанъ нетерпѣливостію съ вами видиться. Ты мнѣ говоришь, дражайшая *Люція*, что ты чувствительно была тронута разговоромъ происходившимъ между старымъ *Кавалеромъ* и мною, о коемъ я уже тебя увѣдомила; но ты еще чувствительнѣе будешь тронута, естли я тѣбѣ изобразу нѣжность его прощаній, и соотвѣтствованіе мое на оную при сей разлукѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что Г. *Фулеръ* вскорѣ долженъ за нимъ отправиться, естли, естли, естли.... присовокупилъ онъ, взирая на меня пристрастнымъ окомъ, но не окончивъ своей рѣчи. Я его увѣряла, что съ превеликимъ бы удовольствіемъ желала видѣться съ моимъ братцемъ, дабы пожелать ему благополучнаго пути

Во Вторникъ по утру, *Миссъ Грандиссонъ* и ея братъ прислали о мнѣ человѣка освѣдомиться о моемъ здоровьѣ; а черезъ нѣсколько часовъ, сія любезная пріятельница пріѣхала и сама дабы лично объ ономъ освѣдомиться. Она прямо вошла въ мой кабинетъ, гдѣ, не допустя меня встать дабы ее встрѣтить, сѣла подлѣ меня; и мы вступили въ разговоръ, которой наполняла она всѣми пріятностями, кои умѣетъ оказывать въ дружескихъ собесѣдованіяхъ. Она мнѣ сказала, что *Сиръ Карлъ* уѣхалъ сегодняшнего утра въ Канторбери; что онъ дня съ два или три пробудетъ въ отсутствіи; что она не извѣстна о тайнѣ его отъѣзда, и что всячески прилагала стараніе открыть оную; что онъ скрываетъ отъ ней любовныя свои дѣла, хотя она безъ всякаго затрудненія ему свои сообщаетъ, выключая одной, присовокупила она улыбаясь. Что же касается до меня, то она обѣщалась ничего не скрывать, съ тѣмъ однако условіемъ, дабы и я равномѣрную къ ней имѣла довѣренность. Потомъ, говоря мнѣ объ одномъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ, о коемъ уже я отъ ней слыхала въ *Кольнеброкѣ*, и коего она представляетъ такъ какъ молодого человѣка весьма хорошаго свойства. Она мнѣ сказала, что на канунѣ за ужиномъ съ нимъ и съ ея братомъ, разговоръ дошелъ до меня; они превозносили меня своими похвалами, однако нисколько не касались моего приключенія, и что сей двоюродной братъ, которой до чрезвычайности обожаетъ нашъ полъ, вышелъ толико будучи исполненъ мною, что умиралъ отъ нетерпѣливости меня видѣть.

Не будетъ ли уже етотъ новымъ любовникомъ, коего мнѣ представить желаютъ? подумала я про себя, ощущая нѣкое движеніе

досады. Боже меня сохрани отъ того! Женщина, любезная *Люція*, легко можетъ беспокоится отъ тщеславія.

Сего утра, продолжала она, по отъѣздѣ моего брата, онъ пришелъ ко мнѣ завтракать; и зная, что я имѣю намѣреніе тебя посѣтить, просилъ у меня позволенія ѣхать со иною. Я не захотѣла, любезная моя, беспокоить тебя множествомъ новыхъ обожателей. *Р. Грандиссонъ*, двоюродной мой братъ, довольно обращался въ свѣтѣ; онъ чрезвычайно смѣлъ, и легко знакомится, хотя по истиннѣ не безъ благопристойности. Его почитаютъ за человѣка посредственнаго ума, за филозофа, и примѣчаютъ, что онъ весьма много о самомъ себѣ думаетъ, когда гдѣ ни есть бываетъ безъ двоюроднаго своего брата. До возвращенія *Карла*, когда мы его ожидали со дня на день, *Г. Грандиссонъ*, узнавши что свойство двоюроднаго его брата состояло въ искренности, хотѣлъ нѣсколько пошутить на его щетъ, и обѣщалъ намъ его *освистать*: его новоизобрѣтенное слово, любезная моя, нашихъ разумниковъ; ибо таковая рѣчь имъ весьма прилична. Но какъ скоро увидѣлъ онъ моего брата; то въ двухъ разговорахъ научился онъ содержать себя въ предѣлахъ благопристойности, а въ немъ осталось одно только величайшее почтеніе къ тѣмъ качествамъ, коимъ Небо не подаетъ ему способности подражать. Каковъ бы онъ ни былъ, любезная моя, однако я не ручаюсь, чтобъ онъ васъ не посѣтилъ. Но еслии онъ по своей милости и пожалуетъ; то вы вольны его принять, или себя отъ того уволить: а наипаче ни мало не почитайте себя обязанною моему брату или мнѣ, я и сама не желаю чтобъ вы съ нимъ увидѣлись безъ моего брата, поелику онъ весьма много выигрываетъ тѣмъ, что приходитъ куда ни есть съ нимъ. Впрочемъ онъ столь почитаетъ себя увѣреннымъ въ томъ, что женщины любятъ удивленіе, имъ оказываемое, и съ удовольствіемъ слушаютъ льстивыя рѣчи его пола, что воображаетъ себѣ: будто самыя прелѣстнѣйшія особы нашего пола съ толикимъ же удовольствіемъ принимаютъ посещение мущины, желающаго ихъ видѣть въ семь намѣреніи, какъ живописецъ принимаетъ любопытныхъ приходящихъ удивляться его картинамъ.

Я надѣюсь, присовокупила *Миссъ Грандиссонъ*, что Двоюродной ея братъ никогда не станетъ простирать до такой степени свою наглость; но во всякомъ случаѣ она почитаетъ себя обязанною меня предупредить. Я ее благодарила за оное, не желая нимало проникнуть въ ея намѣренія. Въ сіе время, находилось во кругъ меня нѣсколько листиковъ моихъ писемъ. Она бросилась читать ихъ съ обыкновенной своею живостію. *Г. Ревсъ* ее не обманулъ, сказала она мнѣ, увѣряя ее, что никто своего пера столь часто не употребляетъ сколько я. Она меня просила, чтобъ я сообщила ей нѣкогда все писанное мною къ моей бабушкѣ *Шерлей*, къ моему дядѣ и моей тетушкѣ *Сельби*, къ двоюроднымъ моимъ сестрамъ *Люціи* и *Нанси*; ибо она уже о всѣхъ толико мнѣ любезныхъ именахъ илзѣстна. Она

желаетъ, чтобъ я всегда называла ее *Шарлотою*, такъ какъ она и сама обѣщалась называть меня любезною своею *Генриеттою*. Она увѣдомила меня о именахъ своихъ любовниковъ. Она уже знаетъ отчасти и моихъ; а ея братъ увѣряетъ, сказала она мнѣ, что признаніе сердечныхъ тайнъ составляетъ часть дружбы между молодыми дѣвушками.

Какъ? прервала я ея рѣчь, *Сиръ Карль*.... такъ, точно, возразила она, самъ *Сиръ Карль*. Думаешь ли ты, чтобъ человекъ могъ судить о человѣческой природѣ, не включая въ то число женщинъ? Дѣйствительно, любезная моя, *Карль* проникнетъ во внутренность нашего сердца въ одну минуту. Остерегайся, любезная *Генриетта*, естли.... И такъ я весьма буду его остерегаться, вторично прервала я рѣчь ея.

Для чегожъ? сказала она мнѣ, естли ты имѣешь добрую совѣсть. Произнося сіи слова, она взглянула на меня столь пристально, что я покраснѣла. Она продолжала на меня смотрѣть еще пристальнѣе, а я безъ сумнѣнія краснѣла болѣе. Не сказала ли я уже тебѣ, любезная *Люція*, что она своими глазами дѣлаетъ все что ни пожелаетъ? Но какое бы было ея въ то время мнѣніе?

Признаться по совѣсти, любезная моя *Генриетта*, возразила она, мнѣ кажется, что женщины судя по ихъ сердцу нѣсколько плутоваты.

Не ужели по засвидѣтельствованію своей совѣсти *Миссъ Грандиссонъ* такъ мнѣ говорила?

Я тому вѣрю, сказала она мнѣ. Но время уже ѣхать. Я должна побывать почти въ десяти мѣстахъ еще до обѣда. И такъ вы мнѣ расскажите о своихъ любовникахъ, разумѣете?

Вы также изъясните мнѣ, отвѣчала я, ту повѣсть, о коей *Карль* неизвѣстенъ.

Ето не легкое дѣло, возразила она, но вы меня ободрите своею откровенностію. Мы сочтемъ всѣхъ нашихъ обожателей, одного послѣ другаго, и прикажемъ имъ оставить васъ спокойными, до того времени, пока намъ угодно будетъ о нихъ вспомнить.

Но у меня нѣтъ ни единого такого, сказала я ей, котораго бы я пожелала удостоить симъ названіемъ. Я отъ всѣхъ ихъ отреклась.

Я дѣйствительно имѣю двухъ, возразила она, коимъ я не хочу отказать, и кои не желаютъ быть отпущенны: я не щитаю съ поддюжины другихъ, которые мнѣ иногда говорятъ много безпутныхъ словъ, и которыхъ надлежитъ почитать за обыкновенныхъ любовниковъ, съ которыми должно увеселяться и изъяслять изъ себя не большую кокетку.

О! сказала я ей, я ни мало не подозреваю *Миссъ Грандиссонъ* въ кокетствѣ.

Она мнѣ отвѣчала, что я конечно бы не была справедлива, естлибъ предполагала въ ней много онаго свойства; но она дѣйствительно

нѣсколько онаго въ случаѣ употребляетъ, и то единственно для того, дабы платить людямъ тою монетою, которая для нихъ столь обычайна.

Плѣнительная живость! сказала я ей, я пропаду, когда вы перестанете меня любишь.

Не опасайтесь того, возразила она. Хотя я выдаю себя за весьма странную дѣвицу, но самое солнце не можетъ быть постояннѣе въ своемъ теченіи, сколько я въ моей дружбѣ, а наши взаимныя сообщенія, послужатъ намъ самымъ тѣснымъ союзомъ, естли вы обходясь со мною изтребите въ себѣ всю скрытность. По окончаніи сихъ словъ, она встала, желая отъ меня идти; но я ее упросила отложить половину своихъ посѣщеній до другаго времени, и посидѣть у меня: нѣсколько долѣе. Она на то согласилась, съ тѣмъ договоромъ, дабы я приказала сюда позвать Г. и Гжу. *Ревсъ*, которые небезызвѣстны что она сидитъ у меня уже съ четверть часа.

Они пришли по первому слову. Разговоръ начался тотчасъ о *Сирѣ Карль*. Я ее спросила, не имѣетъ ли ея братъ какихъ ни есть родственниковъ въ Канторбери. Сего то я совершенно не знаю, отвѣчала она; но я весьма увѣрена что нѣтъ тамъ ниединаго. Развѣ я тебѣ не сказывала, что *Карль* имѣетъ свои тайности?

Она мнѣ сказала, что въ скоромъ времени будетъ просить насъ къ обѣду въ свой домъ находящейся въ *Сент-Жамс-Скварѣ*; но токмо желаетъ сперва склонить на оное своего брата. Чтожъ касается до васъ и до меня, присовокупила она, то я весьма увѣрена, любезная моя, что мы часто будемъ видѣться въ вашемъ или въ моемъ кабинетѣ; при семъ она вставъ съ великою торопливостію прощайте, прощайте, любезные мои друзья, сказала она вамъ всѣмъ тремъ, оборачиваясь къ каждому изъ васъ, къ одному послѣ другаго; мы безъ сумнѣнія будемъ видѣться, какъ можно чаще и безъ всякой церемоніи. Вспомните, что мы любимъ другъ друга съ самага перваго вашего свиданія. при семъ она вышла съ таковою же торопливостію, сказавъ мнѣ, чтобъ я ни на шагъ не трогалась съ своего мѣста, дабы ее провожать. Гжа. *Ревсъ* также не могла успѣть ее проводить, а Г. *Ревсъ* не мало имѣлъ труда сойти въ низъ такъ проворно, какъ она. Она сѣла уже въ карету прежде нежели онъ могъ подать ей руку. Естли въ однихъ путешествіяхъ пріобрѣтаютъ наши Англичане учтивость и свободной видъ; то не сказали ли бы, что *Миссъ Грандиссонъ* обѣхала, какъ и ея братъ всѣ Европейскія дворы.

Въ Среду пріѣзжала къ намъ Гжа. *Вилліамсъ* и *Мисс Клемеръ*, съ коими я препроводила нѣсколько часовъ изъ того времени, которое я назначила къ тебѣ писать. Онѣ остались ужинать съ *Кавалеромъ Аллестрисъ*, его племянникомъ и дочерью.

Въ Четвертокъ я окончила письмо содержащее, въ себѣ повѣсть моего нещастія и избавленія; ужасный предметъ, съ какимъ восхищеніемъ видѣла окончаніе онаго. Въ тотъ же день, Г. *Ревсъ* получилъ

письмо отъ *Сира Карла*, которое касалось до подлаго *Вильсона*. Помнится, слышала я когда-то, любезная моя, что храбрые и великіе люди суть самые нѣжнѣйшіе и чувствительнѣйшіе къ жалости, на противъ того подлые люди жестоки, тираны и наглы въ исполненіи своей власти. Сіе-то ясно доказывается тѣмъ письмомъ, въ коемъ героическое свойство *Сира Карла* столь славно ознаменовано его кротостію и милостію, и по поступку *Сира Гарграфа Поллексфена*, которой такъ безчестно употребилъ во зло ту власть, которую хитрымъ образомъ получилъ надо мной. Я бы желала, съ самыми чистолюбивыми желаніями моего сердца, чтобъ самая изящнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ была Королевою великаго народа, и чтобъ для приведенія *Сира Карла* въ состояніе оказывать всѣ тѣ благодѣянія, кои онъ дѣлать можетъ, зависѣла отъ меня учиниться его женою; тогда, любезная моя, почитала бы и себя увѣренною вскорѣ учинить весь тотъ народъ благополучнымъ! Но поелику мы получили извѣстія, отъ многихъ постороннихъ людей, что *Сиръ Гарграфъ* угрожаетъ жизни *Сира Карла*, то *Вильсоново* письмо толико стѣсняетъ мое сердце, что не прежде освобожусь отъ своею унынія какъ по окончаніи опасности.

Вчера получила я письмо отъ всѣхъ любезныхъ моихъ родственниковъ, и вдругъ почувствовала что силы мои оживотворились, дабы изъяснить тотъ порокъ которой ты предполагаешь во мнѣ. Съ коликою пріятностію и удовольствіемъ приступаемъ мы къ тѣмъ предметамъ, кои намъ кажутся любезными! Перо начертываетъ оныя явственнѣе. Здѣсь дѣло идетъ о тонѣ, дабы изобразить *Сира Карла* и сестру его; я весьма удивляюсь что могла такъ много написать до ночи.

Миссъ Грандиссонъ къ вечеру приказала засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе, также и отъ ея брата которой, пріѣхалъ изъ Канторбери. Я совершенно не понимаю, что бы могло его удержать столь долгое время въ такомъ городѣ, въ коемъ, какъ сестра его меня увѣряетъ, она никого не знаетъ. Она приказала мнѣ сказать, что чрезвычайно желалабъ засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе лично; но какъ она увѣрена, что ея братъ неотмѣнно пріѣдетъ до обѣда, то и надѣется привезти его съ собою; поелику сего дня они ѣдутъ вмѣстѣ въ Кольнеброкъ, уповая сего вечера видѣть тамъ *Графа и Графиню де Л...* возвратившихся изъ своихъ Шотландскихъ помѣстьевъ.

Не кажется ли тебѣ, любезная моя *Люція*, что *Карль* могъ бы удостоить меня своимъ посѣщеніемъ передъ отъѣздомъ въ Канторбери, которое на долгое время должно было продолжишься? Признайся, что по своему великодушію долженъ онъ оказать вниманіе свое къ такой дѣвицѣ, которую онъ осыпалъ своими благодѣяніями. Я здѣсь не о иномъ чемъ говорю, какъ ты судить можешь, а о простой учтивости; ибо совершенно нельзя его похулить со стороны добродушія; поелику отъ него самаго произошло предложеніе къ составленію неразрывнаго

союза между двумя фамиліями, и жить на подобіе родныхъ братьевъ и сестръ. Я весьма бы желала обрѣсти въ *Сиръ Карль* толико же искренности, сколько въ сестрѣ его, въ засвидѣтельствваніяхъ его дружбы. Можетъ быть привезъ онъ съ собою что нибудь страннаго отъ иностранныхъ дворовъ, но сіе не препятствуетъ ему превосходить большую часть нашихъ молодыхъ людей, которые часто получаютъ изъ своихъ путешествій, худыя произведенія другихъ климатовъ; но я бы ему, не простила таковыхъ небольшихъ слабостей, безъ коихъ обыкновенно человѣкъ весьма легко можетъ обойтись. Долгъ требуетъ, еслии вамъ не противно будетъ, *Сиръ Кавалеръ Грандиссонъ*, по предложенной намъ самими вами искренной дружбѣ, позволить мнѣ говорить вамъ съ великимъ чистосердечіемъ, о вашихъ недостаткахъ, еслии я столь проницательна буду, что усмотрю оныя.

Ты найдешь въ сестрѣ своей *Генріеттѣ* [не качай головою, *Люція*, здѣсь ни о чемъ инномъ не спрашивается] весьма справедливую судію, но равно и скромную. Сестра твоя *Шарлота* почитаетъ тебя излишне уже совершеннымъ.

Вся моя опасность состоитъ въ томъ, чтобъ нѣжныя чувствованія *Сира Карла* не относились къ тому единому состоянію, въ коемъ онъ меня обрѣлъ, и что можетъ быть они не долѣе будутъ продолжаться, какъ и слабость моего здоровья. Впрочемъ онъ обѣщался со мною обходиться такъ какъ долгъ требуетъ отъ роднаго брата и сестры, въ то время когда уже я довольно здоровьемъ поправилась. Весьма бы было не простительно, еслиибъ онъ столь скоро вознамѣрился отрѣчься отъ наименованія брата.

Но не причиняетъ ли ему какого ниестъ безпокойствія собственное мое поведеніе? Онъ кротокъ, великодушень, и можетъ быть состраданіе его есть всему тому причиною. Робкая моя признательность, которая иногда принуждаетъ меня потуплять передъ нимъ глаза мои, и коей качество онъ не довольно отличаетъ, можетъ быть приводить его въ опасеніе, чтобъ я не приумножила число тѣхъ женщинъ, кои какъ, его сестра говорила, учинятся несчастными, еслии онъ вознамѣрится сочетаться съ кѣмъ ниестъ бракомъ. Въ такомъ предположеніи, любезная моя, твою *Генріетту* можно бы было почесть весьма виновною, еслиибъ примѣръ другихъ не научилъ ее имѣть за всегда нѣкую предосторожность. Словомъ, мужчины вообще должны имѣть странную мысль о нашемъ сердцѣ, когда они почитаютъ его составленнымъ изъ толь легко загарающихся веществъ. Самомалѣйшей искры довольно бы было для нихъ.... но, по истиннѣ, сей превосходной человѣкъ, сей удивленія достойной *Кавалеръ* весьма бы обманулся, еслиибъ имѣлъ такое мнѣніе о твоей *Генріеттѣ*.

Но что такое я? когда о томъ помыслию: къ чему такъ тщеславиться? Дѣйствительно, ужасное предпріятіе *Сира Гарграфы*, еще не изстребилось

иль моей памяти. Не взирая на то, мнѣ кажется, что я еще не пришла въ первое мое состояніе. Я дѣйствительно не могу совершенно понять, которое изъ двухъ приводитъ мои чувствованія въ смятеніе, воображеніе ли мое или сердце. Скажи, дражайшая *Люція*, не примѣтила ли ты чего нибудь? Искренняя дружба тебя обязываетъ меня увѣдомишь, не усматриваетъ ли во мнѣ какую нибудь перемѣну, и прошу еще болѣе, чтобъ мой дядюшка.... Но какуюжь имѣю я причину его опасаться? Я не знаю; однако не давайте ему знать о семъ. Мужчины, дражайшая моя, весьма мало имѣютъ.... о чемъ я говорю? весьма мало увѣренности и угожденія въ своихъ насмѣшкахъ! я лучше соглашусь подвергнуться власти моей бабушки, тетушки и твоей.

Но въ какомъ же состояніи находилась я въ то время, когда перемѣнила мое намѣреніе, и когда предалась моему воображенію? Я никогда не знала таковыхъ мечтательныхъ мыслей. О презрительной *Гарграфъ!* конечно ты привелъ всѣ мои чувствованія въ смятеніе и неустройство. Я увѣрена, что сердце мое невинно.

Теперь я начну говоришь о *Миссъ Грандиссонъ* и о ея братѣ. Какія новыя явленія! Представлятъ взорамъ моимъ мое несчастіе! я благодарю всевышняго, слѣдуя тѣмъ мнѣніямъ, кои *Сиръ Карлъ* объяснилъ въ мою пользу, что несчастіе учинилось для меня источникомъ благъ! я намѣрена совокупить дѣвицу *Клемеръ* тѣсною дружбою съ новыми моими друзьями, то есть, если буду имѣть щастіе сама сохранить ихъ ко мнѣ дружбу. Что же касается до всѣхъ прочихъ Лондонскихъ моихъ знакомыхъ, съ коими я познакомилась уже послѣ сего, по средствомъ сей любезной сестры и сего удивленія достойнаго брата, и которые бы весьма много заняли мѣста въ моихъ письмахъ, хотя бы многіе были изъ нихъ и весьма того достойны; то я ихъ оставляю, по крайней мѣрѣ для тѣхъ избранныхъ мною предметовъ, описаніемъ коихъ буду упражнять свое перо. Прощай, любезная моя, и проч:

Генріетта Биронъ.

ПИСЬМО XXIII.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Субботу въ вечеру.

Милосердый Боже! какъ быть? что дѣлать, дражайшая моя? Злобный *Гарграфъ* объявилъ по всѣмъ правиламъ поединокъ *Сиру Карлу*. Что изъ того выдетъ? Увы! да чемъ я пріѣхала въ Лондонъ? я посылаю тебѣ списокъ съ того письма; оно прислано мнѣ отъ *Багенгалля*. Я всячески старалась списать письмо; но нѣтъ, я была не въ состояніи.

Салли, горнишная моя спишетъ оное вмѣсто меня. Всемогущій Боже! что со мною будетъ?

Двѣицѣ Биронъ.

Лондонъ 25 февраля

Милостивая государыня.

„Вы легко судить можете, что по нанесеніи *Сиру Гарграфу Поллексфену* жесточайшей обиды отъ *Сира Карла Грандиссона*; такое дѣло не останется безъ слѣдствій. Я клянусь вамъ Богомъ, что *Сиръ Гарграфъ* дѣйствительно не знаетъ, что я имѣю честь къ вамъ писать. Во всѣхъ моихъ размышленіяхъ я нахожу единый токмо способъ къ избѣжанію кровопролитія, а сей способъ, государыня моя, состоитъ въ вашей власти. *Сиръ Гарграфъ* клянется, что всегда имѣлъ относительно къ вамъ честныя намѣренія. Вы знаете, какое онъ сдѣлалъ употребленіе изъ той власти, которую имѣлъ надъ вами. Естьлибъ онъ поступилъ съ вами неблагопрістойно, то конечно бы не признался мнѣ въ истиннѣ. Молодая особа, какихъ бы она достоинствъ ни была, съ коею желаетъ совокупиться бракомъ знатной человѣкъ, имѣющей десять тысячъ фунтовъ Штерлинговъ ежегоднаго дохода, наипаче будучи увѣренъ, что сердце ея совершенно свободно не должна почитать себя тѣмъ обиженною; и тотъ, которой побуждаемъ былъ самолюбіемъ принять насильственныя мѣры, дабы учинить ее своею супругою гораздо менѣ зла сдѣлалъ ей, нежели самому себѣ.

И такъ, государыня моя, когда *Сиръ Карлъ Грандиссонъ* до того времени былъ ни что иное, какъ неизвѣстный для васъ человѣкъ, а *Сиръ Гарграфъ* считалъ за честь имѣть о васъ принятые намѣренія; вы же ни къ кому еще не имѣли склонности: то изъ всего выше сказаннаго я заключаю, что еслии благоволите согласиться быть супругою *Поллексфена*, и еслии *Кавалеръ Грандиссонъ* пожелаетъ просить прощенія явнымъ образомъ, за причиненную отъ него жестокою обиду, къ коей не подано ему нималѣйшаго повода: то я отрѣкусь въ сей ссорѣ быть Секундантомъ *Сиру Гарграфу*, полагая, что онъ не пожелаетъ принять такого удовольствія, кое я почитаю равностоющимъ тому насилія, на кое онъ жалуется. Я торжественно повторяю, что онъ нимало неизвѣстенъ о той вольности, которую я принимаю къ вамъ писать. Вы можете о семъ посовѣтоваться съ *Г. Ревсомъ*, двоюроднымъ вашимъ братцемъ; но позвольте мнѣ истребовать, чтобъ къ нему только и была вся ваша довѣренность, еслии вы дадите мнѣ честное слово, что въ продолженіе одного мѣсяца, вы согласитесь сочетаться законнымъ бракомъ съ *Сиромъ Гарграфомъ*; то я всячески постараюсь употребить мою власть, которую

по щастію имѣю надъ его разумомъ, дабы привести его къ примиренію по вышесказаннымъ условіямъ.

„Вчера по полудни, я принялъ на себя трудъ отнести къ *Сирю Карлу* письмо отъ *Сира Гарграфа*. Въ то время онъ уже садился въ карету съ своею сестрицею. Онъ развернувши письмо, сказалъ мнѣ, съ приличною ему учтивостію, что онъ отъѣзжаетъ въ Кольнеброкъ, для принятія весьма любезныхъ для него особъ, возвратившихся изъ Шотландіи; что онъ не прежде понедѣльника можетъ возвратиться въ Лондонъ, и что ощущаемое имъ удовольствіе видѣться съ такими друзьями, съ которыми онъ уже весьма долгое время былъ въ разлукѣ, не позволяетъ ему до того времени даже и помышлять о писанномъ къ нему, но что по возвращеніи онъ не преминетъ отвѣтствовать на оное съ достодолжнымъ почтеніемъ, я отъ васъ не скрою, государыня моя, что будучи плѣнень столь отличнымъ видомъ *Сира Карла*, его благородными поступками, и всѣмъ тѣмъ что ни примѣтилъ чрезвычайнаго въ его свойствѣ чистосердечно желалъ, чтобъ столь короткое время, оставшееся до понедѣльника, могло произвести какую ни есть благополучную перемѣну. Я почелъ себѣ за долгъ учинить вамъ вышеозначенныя мною предложенія, и надѣюсь что вы не менѣе почтете себя обязанною, какъ и я, предупредить, естли можно, тѣ пагубныя слѣдствія, коихъ должно страшиться отъ такой распри и между такими знатными особами.

„Хотя я не имѣю чести, государыня моя, быть лично вами знаемъ; но нравы мои толико извѣстны, что нимало не сумнѣваюсь, дабы можно было приписать мнѣ другія причины, кромѣ тѣхъ, въ коихъ уже я вамъ отчетъ отдалъ. Естли вы по милости своей удостоите *Сира Гарграфа* своимъ отвѣтомъ, хотя бы оный состоялъ въ двухъ словахъ, надписавъ на мое имя въ Кавендиш-Скваръ; то я могъ бы познать изъ того ваши намѣренія. При семъ пребываю, милостивая государыня, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію, вашъ и проч.

Багенгаль.

О дражайшая моя! сколь ужасно сіе письмо! Сердце Г. и Гжи. *Ревсъ* чувствительно онымъ поражено. Г. *Ревсъ* весьма почитаетъ себя увѣреннымъ, что естли сей *Гарграфъ* твердо будетъ настоять въ своемъ предпріятіи; то *Сиръ Карлъ* не можетъ отрѣчься изъ чести, чтобъ не удовлетворить его желанія. Честь! ужасная мечта! И такъ что значить честь въ такомъ смыслѣ? Не естли ли она въ семъ случаѣ врагъ долгу, благодушію, закону и всѣму тому, что ни естль въ свѣтѣ почтеннѣйшаго и священнѣйшаго между человекѣми? Какъ могу я тогда перенести взоры *Миссъ Грандиссонъ*? Я должна страшиться отъ нее ужасной ненависти. Проститъ ли Она меня когда ни будь, что вторично подвергаю опасности жизнь ея брата?

Но что ты о томъ думаешь? Гжа. *Вильліамсъ* такого мнѣнія... поелику Г. *Ревсъ* тайнымъ образомъ просилъ совѣта у Гжи. *Вильліамсъ*. Она сказала, что если надлежитъ предупредить злѣшныя слѣдствія.... справедливое Небо! она сказала, что почитаетъ меня обязанною.... увы! дражайшая моя, учиниться женою такого человѣка, каковъ *Гарграфъ*! исполненнаго злостію, жестокостію, вѣроломствомъ! о чемъ думаетъ Гжа. *Вильліамсъ*? Однако, если состоитъ въ моей власти спасти жизнь *Сира Карла*; то позволено ли мнѣ будетъ отрещись отъ оной изъ самолюбія, и къ пользѣ толико же кратковременнаго благополучія, какова жизнь, между тѣмъ когда видимъ великое множество честныхъ женщинъ осужденныхъ жребіемъ влачить злѣшную жизнь съ злыми мужьями?.... Но сей кровожаждущій человѣкъ не получилъ ли уже пожертвованія моей жизни? Я во всякое время готова ему оною жертвовать. Если варваръ желаетъ пронзить кинжаломъ мою грудь и удовлетворить свою алчность моею кровію; то я ни единою минутою не замедлю.

Съ другой стороны, Г. *Ревсъ* судить, что *Сиръ Карлъ* не легко согласится на принесеніе прощенія. Могу ли я сумнѣваться, отвѣчала я, чтобъ проклятой *Гарграфъ*, если желаетъ чрезъ *Багенгала* получить себѣ удовольствіе тою цѣною, какую отъ меня требуетъ, удобно склонился отречься отъ всякаго другаго требованія, дабы обратить на него всю свою мстительность, когда я къ злѣшности моему учинюсь его женою? Не каварень ли онъ, не злобенъ ли, и не мстителенъ ли? Но да удалена будетъ и самая мысль, чтобъ я когда ни есть склонилась раздѣлить съ нимъ мой жребій.... Впрочемъ произойдетъ ли отъ того какая ни есть переменна? Самый гробъ мой можетъ ли произвести въ томъ какую ни есть переменну? и его ненависть къ изящнѣйшему изъ всѣхъ человѣковъ, не учинится ли отъ того еще жесточайшею? О *Люція*! какое бы страшное изображеніе ни начертала я тебѣ о моихъ прискорбіяхъ, опасностяхъ, и о жестокомъ поступкѣ претерпѣнномъ мною отъ сего изверга, но никогда я не ощущала еще того, что теперь дѣйствительно происходитъ въ моемъ сердцѣ.

Но, еслибъ *Миссъ Грандиссонъ* совѣтовала мнѣ и понуждала меня принять то условіе, которое приводитъ меня въ трепеть; то могла ли бы я отказать ей въ моемъ согласіи? Не имѣетъ ли она права требовать отъ меня сего повиненія для безопасности невиннаго своего брата? И не поучали ли насъ, что сей свѣтъ есть мѣсто искушенія и печалей? И нещастіе не необходимо ли для насъ нужно, дабы отдаляться отъ суеты его? Если въ моихъ доводахъ видна справедливость и благодарность; если я помышляю токмо о спасеніи гораздо драгоцѣннѣйшей жизни, нежели моя собственная, и которая подвержена была опасности единственно ради меня; то должна ли я колебаться хотя единую минуту?... Однако, дражайшая моя *Люція*, чтожь могу я тебѣ сказать?

увы! koliko я злощастна тѣмъ, что не могу просить совѣта у столь нѣжной сестры, которая великое принимаетъ участіе въ сей драгоцѣнной жизни, и которая была бы въ состояніи наставить меня спасительными своими совѣтами, естлибъ я того была достойна!

Г. *Ревсъ* спрашиваетъ, не лъзяли, не взирая на клятвы сего *Багеналля*, которой увѣряетъ что *Сиръ Гарграфъ* дѣйствительно неизвѣстенъ о томъ, что онъ ко мнѣ пишетъ, подозрѣвать его, что онъ писалъ ко мнѣ съ его согласія. Но въ семъ самомъ предположеніи, условіе не естли самое существенное дѣло? И мой отказъ, не воспалитъ ли въ нихъ ярость? Поединокъ не объявленъ ли уже *Сиру Карлу*, и не объявилъ ли уже онъ, что отвѣтствовать на оной будетъ въ понедѣльникъ? Я не усматриваю въ семъ никакой корысти. *Сиръ Карлъ* чувствительно будучи тѣмъ тронутъ, не въ состояніи предать оное забвенію. Честь дѣйствительно не позволяетъ ему никакихъ предлагать договоровъ, ниже принимать оныя. А понедѣльникъ не наступитъ ли послѣ завтра? Сей день, единый день мнѣ остающейся, есть такой, которой я назначила для возблагодаренія Всемогущаго за щастливое мое избавленіе, въ мѣстѣ посвященномъ святому его имени; и естли я буду имѣть щастіе сохранить жизнь мою, то конечно пагубою такого человѣка, которой гораздо достойнѣе той жизни, коею я была ему обязана.

Движенія, волнующія мое сердце, принуждаютъ меня оставить перо. Возри на сію бумагу орошенную горькими моими слезами. Сего дня весьма уже поздно отсылать къ тебѣ письмо мое; а хотя бы еще и не весьма было поздно; но я не столь была бы жестока, чтобъ заставила тебя принимать участіе въ моихъ мученіяхъ, происходящихъ отъ столь ужасной неизвѣстности.

Въ Воскресенье по утру.

Ни съ малѣйшимъ вниманіемъ писать мнѣ не можно. Во всю ночь я не могла сомкнуть глазъ даже ни ни единую минуту, и конечно они опухли отъ безпрестаннаго теченія слезъ. Г. *Ревсъ* дѣйствительно рѣшился предать все забвенію, до возвращенія *Сира Карла* или сестры его; то есть: ничего не дѣлать, не посовѣтовавшись съ однимъ или съ другою; впрочемъ онъ принялъ весьма хорошія мѣры, дабы имѣть освѣдомленіе о всѣхъ движеніяхъ ненавистнаго сего *Гарграфа*. Насъ увѣряютъ, что во время моего отъ него освобожденія, онъ лишился трехъ самыхъ здоровыхъ своихъ зубовъ. Боже мой! любезная моя, какое пораженіе для человѣка толико тщеславящагося своимъ видомъ! разсуди о его бѣшенствахъ.

Г. *Ревсъ* будетъ также увѣдомленъ о возвращеніи *Сира Карла*, какъ скоро онъ прибудетъ. Ему сказано тайнымъ образомъ, что *Сиръ Гарграфъ*

почти безпрестанно сидить въ уединеніи съ *Багенгаллемъ*. О дражайшая моя! сіе обстоятельство приводитъ меня въ великое замѣшательство.

Я совершенно предалась на разсужденіе *Г. Ревса*, которой, почитая сего *Багенгалля* за безчестнаго человѣка, и слѣдовательно неспособнаго писать въ хорошихъ намѣреніяхъ, сказалъ мнѣ, что не надлежитъ ничего ему отвѣтствовать. Не взирая на то, я было покусилась приняться за перо, но совершенно не знала, что должна была писать. Не желаете ли вы, спросилъ меня *Г. Ревсъ*, подать какую ни есть надежду совмѣстнику *Сира Гарграфа*? Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала я ему. Если вы хотите то сдѣлать, присовокупилъ онъ, то я весьма увѣренъ, что не смотря на ваше великодушіе и на побудительныя причины, вы будете презираемы *Сиромъ Карломъ* и его сестрою.

ПИСЬМО XXVI.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Понедѣльникъ 27 февраля.

Колико несносенъ былъ для меня вчерашній день! ночь не менѣе терзала мои чувствованія. Прозьбы мои не были вняты Небомъ, поелику они не подали мнѣ никакой надежды, которая долженствовала бы за оными послѣдовать. Колико я была благополучна до отъѣзда моего въ Лондонъ. Я нахожусь не въ состояніи писать. Мнѣ не возможно о всемъ изъясниться подробно. *Г. Ревсъ* освѣдомился, что *Сиръ Карлъ, Милордъ Л...* и двѣ его сестры прибыли вчерашняго числа весьма поздно. О дражайшая *Луція!* какъ окончится сегоднешній день?

Я получила записку отъ *Миссъ Грандиссонъ*, которая проситъ меня отзавтракать у нее съ *Графинею* ея сестрою. Сіе, говоритъ она, случилось нечаянно, безъ чего она увѣдомилабъ меня о томъ еще вчерашняго вечера, какъ бы они поздно ни пріѣхали. Она весьма пріятно насмѣхается надъ тою нетерпѣливостію, съ какою сестра ея желаетъ со мною видѣться, что весьма вѣроятно положить можно, что никто изъ нихъ не имѣетъ нисколько свѣденія о жестокой причинѣ моихъ опасеній. Коликую радость не принесло бы мнѣ сіе посещение въ другое время? Но теперь приноситъ оно мнѣ токмо задумчивое удовольствіе, и такое, какое восчувствовали бы печальные друзья, отъ больнаго въ отчаяніи лежащаго, увидя прибывшаго лѣкаря, коего они весьма долгое время ожидали, и коего вспомошествованіе не иное что имъ предвѣщаетъ, какъ сумнительныя облегченія. Но я слышу у воротъ стукъ кареты....

Я побѣжала къ окну, которое было на улицу. О дражайшая моя! дѣйствительно карета остановилась. Но я въ ней никого болѣе не видала, кромѣ двухъ особъ. Боже милостивый! можетъ быть это *Сиръ Карлъ*.... сердце мое предчувствуетъ....

Я вошла въ свой кабинетъ съ нѣскольکو большимъ спокойствіемъ, хотя оное смѣшано было со страхомъ. Ты прочтешь здѣсь подробное о всемъ произшедшемъ у насъ во время трехъ часовъ описаніе.

Г. *Ревсъ* вышедшій принять ихъ къ каретѣ, подалъ руку *Графинѣ*. Я сошла въ большой залъ прежде, нежели онѣ вошли въ оный. *Миссъ Грандиссонъ*, съ весьма веселымъ видомъ, сказала тогда своей сестрѣ: и такъ, естли тебѣ угодно, познакомтесь теперь съ двоюродною нашею сестрою *Ревсъ*. *Графиня* по оказаніи почтенія Гжѣ. *Ревсъ*, обратилась ко мнѣ. Вотъ она самая, возразила *Миссъ Грандиссонъ*; вотъ любезная наша *Генриетта*. *Милади* оказала мнѣ свое почтеніе. Но что такое значить! вскричала сестра ея, устремивъ на меня глаза свои; что такое, любезная *Генриетта*? Позвольте, сударыня, сказала она сестрѣ своей, переговорить мнѣ нѣскольکو съ любезною сею дѣвицею. Она отошла со мною къ окну, что я вижу, сказала она мнѣ. Что значать печальные сіи глаза? Любезные мои родственники, продолжала она оборотясь къ Г. и Гжѣ. *Ревсъ* нѣскольکو громче, вы конечно изьясните мнѣ сію неизвѣстность.

Какая плѣнительная живость въ *Миссъ Грандиссонъ*, подумала я въ себѣ, однако вы не долго пребудете въ такомъ положеніи.

Она опять взяла меня за руку, и подведши къ кресламъ сама сѣла подлѣ меня, держа въ другой рукѣ вейеръ. Я хочу знать тому причину, начала она говорить, и видя меня усиливающуюся усмѣхнуться объявила мнѣ, что я ее нимало не обману притворнымъ своимъ видомъ. Я вздохнула. Очень хорошо, сказала она мнѣ; но откуда происходитъ столь тяжкій вздохъ! Все ли въ добромъ здаровѣ, наша бабушка *Ширлей*?...

Слава Богу, она въ совершенномъ здравіи, сударыня.

А наша тетушка, дядюшка нашъ *Селби*, двоюродная наша сестрица *Люція*?

Они равномѣрно находятся въ добромъ здравіи.

И такъ, какая же мука терзаетъ любезную сію дѣвицу? Не закололся ли кто ниестъ изъ ея невольниковъ? Не приводятъ ли ее прочіе въ такое уныніе? Но сіи непонятности, конечно вскорѣ объяснены будутъ. *Графиня* подошедши къ намъ, укоряла ее за то смущеніе, въ кое она меня привела сильными своими прозьбами, пеняя ей весьма пріятнымъ образомъ за излишнюю живость, которую одинъ *Карлъ*, сказала она, былъ бы въ состояніи умѣрить. Я отвѣчала, что невозможно ничемъ инымъ упрекать *Миссъ Грандиссонъ*, какъ чрезвычайною милостію.

Гжа. *Ревсъ* весьма къ стати при семъ словѣ меня ободрила. Она говорила о томъ безпокойствіи, которое *Сиръ Гарграфъ Поллексфенъ* безпрестанно намъ причиняетъ. Ахъ! сударыня, сказала ей *Графиня*, онъ не имѣетъ причины ниже смѣлости о томъ помышлять. Онъ не можетъ предпринять никакого другаго намѣренія, какъ токмо остаться въ спокойствіи, естли вы токмо по милости своей оставите оное на его волю.

Я ясно могла изъ того примѣтить, что обѣ сестры совершенно ничего не знаютъ о поединкѣ. *Миссъ Грандиссонъ* спросила, развѣ вы получили что нибудь отъ *Сира Гарграфа*, я весьма искусно увернулась отъ отвѣтствованія на сей вопросъ, спрашивая у ней сама: не получилъ ли чего нибудь отъ него *Сиръ Карль*? Совершенно ничего, отвѣчала она мнѣ. Я присовокупила, что самое жесточайшее прискорбіе, коего я страшусь, есть, видѣть паки возраждающуюся такую распрю, коей я, по злостному моему жребію, была причиною, и произвести нѣкое безпокойствіе въ такой фамиліи, которую толико побудительныя причины обязываютъ меня любить и почитать. Обѣ сіи исполненныя пріятностями сестры приписывали мою признательность хорошему моему свойству, и сказали мнѣ, что ихъ братъ, которой вскорѣ обѣщанъ сюда быть съ *Милордомъ Л...* подастъ совершенно иное наименованіе тому случаю, въ которомъ онъ имѣлъ щастіе мнѣ услужить. Но мы не дождемся ихъ къ завтраку, продолжала *Миссъ Грандиссонъ*; *Графиня* встала нынчѣ прежде обыкновеннаго времени, да и мнѣ никогда не случалось вставать послѣ всѣхъ. Я весьма голодна, сказала она; мнѣ однако не хочется ѣсть перчатки: и подошедши къ моимъ клавесинамъ, какъ будто бы желая прогнать свой аппетитъ, она заиграла я такимъ искусствомъ, изъ коего могли мы заключить, что она въ состояніи изразать на оныхъ самую свою мысль. Завтракъ тогда принесли, но я на оный не взирала, и единственно помышляла о тонъ ужасномъ письмѣ *Багенгалля*, отъ коего мое сердце обмирало. Но поелику я совершенно была увѣрена, что *Сиръ Карль* имѣетъ сильныя причины скрывать такое обстоятельство отъ своихъ сестръ, то и не хотѣла говоришь о томъ явно; и не взирая на то, желала бы узнать нѣчто могущее успокоить мои мысли, предавая на его волю объявить о томъ двумъ своимъ сестрамъ, когда онъ то за благо рассудитъ. Въ замѣшательствѣ, въ коемъ я находилась, дабы начать съ ними говорить, я спросила у *Графини*, не въ прошедшую ли субботу прибыла она въ замокъ *Кольнеброкъ*? Колико любезенъ сей домъ для меня пребудетъ? Онъ служилъ мнѣ убѣжищемъ. Она мнѣ отвѣчала, что пріѣхали жъ самый тотъ день, но что для нее гораздо будетъ любезнѣе то мѣсто, въ коемъ окончатся мой нещастья. Я думаю, сударыни, начала я съ весьма малою связностью рѣчь, что вы слышали о письмѣ писанномъ къ *Сирю Карлу*... отъ того злобнаго *Вильсона*... Такъ, сказала мнѣ *Графиня*, и я чрезвычайно рада, услыша что столь ужасный заговоръ по щастію уничтоженъ. Нѣкоторые мѣста того письма, присовокупила она, приводятъ меня въ великое безпокойствіе. Чтожъ бы они въ себѣ заключали? спросила меня *Миссъ Грандиссонъ* съ трогательной пріятностію. Они заключали въ себѣ, сударыня, то, что *Сиръ Гарграфъ* не о чемъ толико не помышляетъ, какъ о мщеніи. Нашъ братецъ ничего намъ о томъ не сказалъ, возразила *Графиня*, но совсемъ не вѣроятно, чтобъ человѣкъ, устыженный своимъ поступкомъ, вздумалъ

помышлять о мщеніи. На противъ того намъ сказано, что онъ не выходитъ ни наединный шагъ изъ своего покоя, или отъ стыда, или отъ болѣзни.

Она не успѣла еще окончить своихъ словъ, когда послышался каретной стукъ, и *Миссъ Грандиссонъ* увидѣла, что пріѣхалъ *Милордъ Л...* и ея братъ. Пришедши въ чрезвычайное восхищеніе отъ радости, я даже не довѣрялась и самой себѣ: и притворяясь будто что нибудь забыла, я вышла съ великою поспѣшностію въ однѣ двери изъ зала, между тѣмъ какъ они вошли въ залъ другими дверьми: я остановилась въ кабинетѣ. Я благодарила Небо! Сердце мое пришло въ толикую слабость, что я не въ состояніи была принести ему мою благодарность такую какъ бы долженствовало. Я едва не лишилась чувствъ. Ты конечно не удивляешься, любезная моя *Люція*, что мое движеніе столь было стремительно послѣ той ужасной неизвѣстности въ коей я дня съ два находилась, и въ тѣхъ мучительныхъ моихъ помышленіяхъ о спасеніи, коимъ я почитала самага изящнѣйшаго изъ человѣковъ подверженнаго за сохраненіе моей честности и жизни.

Я весьма уже испытала, что изумленія бываемыя отъ радости могутъ скорѣе проходить, нежели когда благодарность составляетъ оной начало, нежели отъ сильнѣйшихъ страстей. Въ сію минуту *Гжа. Ревсъ* ко мнѣ вошла. Любезная моя, сказала она мнѣ, наше отсутствіе будетъ замѣчено: я сію минуту, приду, отвѣчала; да и дѣйствительно я только что хотѣла идти. Мы вошли въ залъ вмѣстѣ.

По оказаніи первыхъ учтивостей, *Миссъ Грандиссонъ* не преминула сказать своему брату, что *Миссъ Биронъ*, Г. и *Гжа. Ревсъ* находились въ великомъ безпокойствіи отъ нѣкоторыхъ значеній *Вильсонова* письма. Я воспользовалась симъ объявленіемъ: вы весьма худо бы судили о моей благодарности, Г. мой, продолжала я послѣ ее, естлибъ я не призналась вамъ, что извѣстіе *Вильсона*, присоединенное къ тѣмъ угрозамъ, о коихъ насъ увѣдомили, заставляють меня страшиться, чтобъ ваша жизнь не была въ опасности, по той причинѣ, что вы съ толикимъ великодушіемъ за меня вступились.

Онъ отвѣчалъ, что чувствованія *Миссъ Биронъ* весьма ея достойны; но чтожъ касается до заступленія, то она не можетъ сумнѣваться, чтобъ находился въ свѣтѣ хотя единый честный человѣкъ, которой бы не поколебался какъ и онъ въ подобномъ сему случаѣ; что онъ желалъ бы, безъ сумнѣнія, чтобъ и ему оказали такую же услугу касательно сестеръ его; что онъ поступалъ съ величайшею умѣренностію, и что вспоминая о тогдашнихъ обстоятельствахъ, онъ ничемъ укорить себя не можетъ. Не безпокойтесь нимало о слѣдствіяхъ, присовокупилъ онъ, ничего случиться отъ того не можетъ, естли я буду доведенъ до необходимости защищаться. *Миссъ Грандиссонъ* не преминула его спросить, съ нѣкимъ прискорбнымъ видомъ, не ужели должно чего

нисть страшиться отъ извѣстія *Вильсона*? весьма неудивительно, что человекъ имѣющій свойство *Сира Гарграфа* старается угрожать; и что лишившись всей своей надежды, бывши уже столь близокъ къ исполненію оной, конечно тѣмъ былъ пораженъ; но долгъ требуетъ ни за что почитать слова оскорбленнаго; поелику люди исполненные истинною храбростію, никогда грозить не стануть.

Г. *Ревсъ* попросилъ его на минуту переговорить съ нимъ на единѣ. Они оба вошли въ кабинетъ, тамъ Г. *Ревсъ* подалъ ему письмо отъ *Багенгалля*. Онъ его прочелъ. Ето весьма чрезвычайное письмо, сказалъ онъ отдавая его обратно Г. *Ревсу*, но что о томъ думаетъ *Миссъ Биронъ*? Согласно ли она на требуемое отъ нея? Вы легко о томъ судить можете, отвѣчалъ Г. *Ревсъ*, изъ того, что она въ чрезвычайномъ находится замѣшательствѣ. Я думаю, возразилъ *Сиръ Карль*, что молодая особа столь отличнаго свойства, которая возвышаетъ уже до высочайшей степени оказанную мною ей услугу, прочла сіе письмо съ нѣкимъ прискорбіемъ; но сумнѣвалась ли она принять надлежащее въ такомъ случаѣ намѣреніе? Не призираетъ ли она и письма и того, кто къ ней оное писалъ? Я бы почиталъ *Миссъ Биронъ*...

Онъ остановился: но начиная опять говорить, онъ столь сильно разгорячился, что произнесъ нѣсколько весьма вспльчивыхъ выраженій. Г. *Ревсъ* признается, что до сего времени онъ дѣйствительно не почиталъ его способнымъ вдругъ воспламеняться съ толикимъ жаромъ. Я бы желала, дражайшая *Люція*, что бы онъ не останавливался. Я бы хотѣла чтобъ онъ сказалъ, что онъ думаетъ о *Миссъ Биронъ*. Я тебѣ признаюсь, что мнѣ весьма было бы несносно, естлибъ *Сиръ Карль* имѣлъ худое мнѣніе о моихъ чувствованіяхъ.

Онъ прервавши рѣчь Г. *Ревса*, которой желалъ оправдать мои безпокойствія? спросилъ у него, не учинено ли чего нисть по случаю сего письма? не рѣшились ли предать оное забвенію, и изьявлять къ виновнику величайшее презрѣніе? Г. *Ревсъ* увѣрилъ его, что не писали никакого отвѣта: моглили сіи подлецы, возразилъ онъ, ибо я не иначе называю тѣхъ, которые стороны къ предумышленной подлости ожидать отъ меня *прощеній*, за то, что я воспрепятсвовалъ имъ исполнишь ихъ злодѣянія? Никто, Г. *Ревсъ*, не имѣетъ болѣе меня униженія просить извиненій, я говорю даже и гораздо о низшихъ меня, естли я по нещастію преступлю долгъ мой; то никакая власть не принудить меня не признать какого нисть справедливаго дѣянія.

Г. *Ревсъ* спросилъ его откровенно, не подалъ ли ему *Багенгалль* письма, и *Сиръ Гарграфъ* не объявилъ ли ему поединка? Онъ получилъ первое и освѣдомился о другомъ; и что отложилъ до нынѣшняго понедѣльника на оное отвѣтствовать, поелику онъ нимало не думалъ, чтобъ таковое дѣло заслуживало къ сокращенію хотя единой минуты того удовольствія, которомъ онъ услаждаться хотѣлъ принимая въ

объятія любезнѣйшую сестру и ея супруга; онъ написавши отвѣтъ отослалъ сегодняшняго утра.

Вы отослали, сказалъ ему Г. *Ревсъ!* какъ я опасаюсь, Г. мой!....

Онъ увѣрялъ Г. *Ревса*, что онъ ничего не долженъ опасаться. Однако онъ просилъ ничего о томъ не говорить его сестрамъ и *Милорду Л...* поелику онъ не желаетъ, чтобъ такое дѣло, которое его нимало не беспокоитъ, причинило тщетныя прискорбія и нечтательныя страхи такимъ особамъ, о благополучіи коихъ онъ искренно печется. Я не могу стерпѣть, присовокупилъ онъ чтобъ моимъ друзьямъ не доставало какого ни есть удовольствія.

Но согласныли вы на поединокъ, спросилъ у него Г. *Ревсъ?*

Онъ отвѣчалъ, что ему весьма часто случалось быть въ подобныхъ сему обстоятельствахъ; что онъ никогда не обнажалъ своей шпаги, развѣ для своего защищенія и то тогда, когда уже не имѣлъ болѣе никакого иннаго средства; что онъ не можетъ сносить никакой обиды, и что съ природы весьма вспыльчивъ, что единая прежде сего минута весьма много ему стоила, дабы умѣрить страсть свою; но когда уже по необходимости долженъ бываетъ приходиться въ гнѣвъ, то весьма много претерпѣваетъ отъ собственныхъ своихъ разскажній, чао находится уже не въ состояніи преодолѣть первую свою вспыльчивость.

Но я надѣюсь, Г. мой, возразилъ двоюродной мой братъ, что вы не согласитесь....

Я не соглашусь ни съ кѣмъ, Г. *Ревсъ*, касательно поединка. Я ни мало не опасаюсь, чтобъ меня почли за трусливаго человѣка. Я имѣю во внутренности моихъ чувствованіяхъ.... простите меня въ семъ тщеславіи, Г. *Ревсъ*: но я живу на свѣтѣ не для людей, а для самаго себя, и для того судіи, которой обитаетъ въ моей внутренности.

Г. *Ревсъ* всячески старался восхвалить его движеніями своихъ рукъ и глазъ, ибо голосъ ему измѣнилъ, и онъ не въ силахъ былъ выразишь всего словами. Онъ былъ какъ восхищенъ удивлялся тому благородству, съ какимъ произнесены были послѣднія сіи слова, и мнѣ видѣть свѣтлые лучи, блестящіе на лицѣ *Кавалера Грандиссона*.

Разговоръ еще не кончился. *Сирь Карль* продолжалъ: между безчисленнаго множества злоупотребленій, кои я часто оплакиваю, нѣтъ ни единаго могущаго привести меня въ толикое уныніе, какъ предумышленные поединки. И такъ въ чемъ же состоитъ великодушіе такого человѣка, которой не можетъ отличиться отъ общенародныхъ мнѣній? Не знаемъ ли мы множества фамилій, въ коихъ глубокая печаль вѣчно продолжаться будетъ за убіеніе отца, сына, брата, увлеченныхъ симъ звѣрствомъ. Человѣкъ вызывающей на поединокъ другаго, и склоняющей его на особенное сраженіе ясно показываетъ что онъ презираетъ власть своею Создателя. Надѣется ли онъ получишь чрезъ то какую нисть инную выгоду, кромѣ того, какъ быть смертоубійцею, и

учинить неизгладимый порокъ всей невинной фамиліи? Но поелику вы довели меня до такою степени, тѣмъ страннымъ письмомъ, которое позволили мнѣ прочесть, то я желаю сообщить вамъ также письмо полученное мною отъ *Сира Гарграфа*: оно содержитъ въ себѣ слѣдующее:

„Я похваляю, Г. мой, то великодушіе, по которому объявили вы свое имя. Я весьма не доволенъ моими людьми, которые такъ далеко отъ меня были, что не могли осмотрѣть, по обыкновеннымъ примѣтамъ, кто былъ врагъ на подающей на большой дорогѣ на невиннаго человѣка: на невиннаго, покрайней мѣрѣ, касательно васъ, весьма вѣроятно, что вы надѣялись получить отъ меня какія нибудь извѣстія, и вы конечно получили бы оныя гораздо скорѣе, еслибы тѣ дѣйствія жестокаго и нечаяннаго нападенія, коими вы умѣли воспользоваться, не лишили меня даже до сего времени свободы выходить изъ моего покоя. Я требую отъ васъ удовлетворенія, приличнаго честному человѣку. Изберите время, лишь бы токмо оное не далѣе было будущей среды. Сей отсрочки весьма довольно будетъ для распорядженія вашихъ дѣлъ. Мѣсто, если вы на то согласитесь будетъ въ Кенсингтонѣ. Я возму съ собою два пистолета, изъ коихъ отдамъ на вашу волю выбрать себѣ одинъ, если вы не захотите доставить мнѣ одинъ изъ вашихъ. О прочемъ же стараніе поручено будетъ моему другу, Г. *Багенгаллю*, которой принялъ на себя трудъ отдать вамъ сію записку, и тому, кого вы назначите съ своей стороны. Пребываю государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга

Гарграфъ Поллекефенъ.

Въ Субботу.

Прочитавши сіе письмо Г. *Ревсу*, онъ ему сказалъ, что равномерно желаетъ прочесть ему и учиненный на оное отвѣтъ; что оный можетъ показаться ему весьма продолжителенъ; но еслибы *Сиръ Гарграфъ* зналъ его нѣсколько короче, то довольно бы было къ тому шести строкъ.

„Письмо ваше, Г. мой, доставлено мнѣ въ прошедшую Субботу, чрезъ Г. *Багенгалля*, въ самую ту минуту, какъ я садился въ карету отъѣзжая на цѣлыя сутки въ загородной домъ. Я ни мало не сумнѣвался, чтобъ сей предметъ или время могли перемѣнить мое намѣреніе. Сестра моя находилась уже въ Коляскѣ. Мнѣ не захотѣлось привести въ безпокойствіе женщину. Я отложилъ до понедѣльника вамъ на оное отвѣтствовать.

„Я объявляю вамъ, Г. мой, что я всегда ощущалъ отвращеніе, хотя и весьма часто встречались со мною таковыя случаи, обнажать шпагу въ такомъ смертельномъ поединкѣ. И въ самое то время, я почиталъ себя столько увѣреннымъ въ боевомъ искусствѣ, что отдавалъ себѣ въ томъ

справедливость. Поелику вступая въ таковое дѣло, я имѣлъ другія причины кромѣ моей безопасности.

„Имѣете ли вы друзей, Г. мои? Любимы ли вы ими? Любите ли вы ихъ сами? Желаете ли вы препровождать жизнь свою для ихъ пользы равно и для своей? Имѣете ли вы также и враговъ, которые весьма будутъ радоваться видя кончину нашей жизни? Да произведутъ сіи разсужденія вліяніе надъ вашимъ разумомъ, такъ какъ они всегда производили и надъ моимъ. Я весьма хладнокровенъ, но вы можетъ быть, не столько равнодушны. Въ таковомъ случаѣ долгъ требуетъ отъ того, которой въ состояніи обладать самимъ собою, представить другому справедливыя размышленія. Не взирая на то вы можете дѣлать все что вамъ угодно.

„Но позвольте мнѣ предложить вамъ другой вопросъ: если вы почитаете себя оскорбленными, то благородно ли подавать мнѣ новый случай къ учиненію вамъ обиды можетъ быть гораздо оскорбительнѣе прежней?

„Вы вступили въ такое дѣло, которое противно всѣмъ общественнымъ законамъ, если вы не чувствуете, что въ такомъ случаѣ поступилилибъ и сами такъ какъ я поступилъ, то вѣрьте мнѣ, Г. мой, что вы не составляете такого честнаго человѣка, съ коимъ бы тотъ, которой почитаетъ за величайшее достоинство сіе названіе, долженъ ревностно сразиться. Я не получилъ надъ вами никакой выгоды, коей бы вы могли меня укорять. Вы обнажили свою шпагу; я же до моей не коснулся. Вспомните, что когда вы находились въ коляскѣ, то сіе положеніе не весьма ли было вамъ опасно; и что по нанесеніи на меня своего удара, вы чрезвычайно должны благодарить за умѣренность мою. Я нимало не сожалѣю, что подаль просимою отъ меня помощь, не причина вамъ всего того зла, на кое вы жалуетесь. Нельзя дѣйствительно подозревать, чтобъ въ моихъ намѣреніяхъ заключалась какая нибудь злоба. Колико я ощущалъ къ вамъ омерзенія, да и теперь еще нѣсколько чувствую, за то насиліе, въ коемъ вы оказались виновнымъ касательно женщины не имѣющей ни какого защищенія, и заслуживающей, какъ я то скоро усмотрѣлъ, не токмо обожанія отъ васъ, но и отъ всего свѣта; и по тому менѣ помышлялъ я за нее мстить, сколько подать ей помощь.

„Я пишу къ вамъ столь продолжительное письмо для того, что мое перо составляетъ единое орудіе, которое я вознамѣрился употребить. Простите мнѣ, если я повторю, что послѣ происшедшей между нами распри, хотя касательно молодой особы, или насъ самихъ, мы не можемъ сражаться явнымъ образомъ, хотя по другимъ правиламъ, а не по моимъ, поединокъ есть дозволенное дѣло. Если примутъ право, по причинѣ моего отказа меня оскорблять, и тѣмъ приведутъ меня въ необходимость себя защищать, то познаютъ, что единая моя рука въ состояніи меня спасти противъ великаго множества. Но, и въ семъ самомъ предположеніи, я всегда предпочту лучше оправдаться

честными объясненіями, поелику не желаю чтобъ кто ниестъ могъ меня укорять въ смертоубійствѣ. Я не имѣю ни малой власти надъ моею жизни; а гораздо еще менѣе надъ жизнью другаго. До какой степени презираю я того человѣка, которой иначе о семъ мыслить, кажется гораздо болѣе я его презираю, нежели самъ могу быть имъ презираемъ; и естли онъ представляетъ себѣ, что сіе объявленіе подаетъ ему права нападать на жизнь мою, пусть его оное предпринимаетъ; но въ семъ случаѣ будетъ поступлено по средствомъ сходствующимъ съ моими правилами.

„Словомъ, естлибъ меня ненавидѣлъ кто ниестъ до такой чрезвычайности, и рѣшился бы меня подвергнуть игу законовъ своея земли; то мои поступки никогда не были бы о порочены; нѣтъ ни одинаго дня ниже часа въ которой бы не можно было меня найти во всякомъ мѣстѣ, куда я бываю призываемъ по должности или по обыкновенію. Моя шпага составляетъ единое орудіе моего защищенія; и я никакого другаго изъ ней употребленія не дѣлаю. Пистолеты беру я токмо при отъѣздѣ въ дорогу, и ни для чего иннаго какъ для устрашенія разбойниковъ; и самыхъ безопаснѣйшихъ орудій иногда довольно для меня бываетъ, для отраженія отъ себя нечаяннаго нападенія.

Естли *Кавалеръ Поллексфенъ* имѣетъ хотя нѣкое благоразуміе; то можетъ быть возблагодарить меня за сіе объясненіе, которое впрочемъ я оставляю не его волю наименовать какъ ему заблагоразсудится. Пребываю покорнѣйшимъ ею слугою.

Карль Грандиссонъ.

Въ Понедѣльникъно утру.

Г. Ревсъ просилъ у *Сира Карла* позволенія дозволишь мнѣ прочесть сіи два письма. Онъ на то согласился, ибо не намѣренъ, присовокупилъ онъ, согласиться на предложеніе *Сира Гарграфа*. Но поелику я приняла смѣлость списать ихъ, безъ его вѣдома; та я прошу искренно, любезная моя *Люція* не выдавать ихъ изъ фамиліи. Ты легко судить можешь о томъ удовольствіи, которое я почувствовала отъ послѣдняго письма, и нимало не сумнѣваюсь, чтобъ и ты не ощущала онаго вкупѣ со мною. Однако, поелику самъ *Сиръ Карль* нимало не надѣется, чтобъ такое дѣло предано было забвенію, и соглашается, что слѣдуя общественнымъ нравамъ честности, его врагъ конечно желаетъ чего ниестъ гораздо оскорбительнѣйшаго; думаешь ли ты, любезная моя, чтобъ я была спокойна, когда почитаю себя какъ бы единымъ предметомъ возмущенія. Весьма вѣроятно, что *Сиръ Карль* пребываетъ теперь въ глубочайшемъ спокойствіи. Душа его основывается на другихъ правилахъ, а не на правилахъ мечтательной честности. Колико сіе

благородное свойство возвышаетъ его въ моихъ мысляхъ! Дѣйствительно, любезная моя, я иногда чувствую, что благородность созидаетъ для него какъ бы нѣкій престолъ въ моемъ сердце; но токмо въ качествѣ друга или брата. Я не въ состоянїи положить предѣловъ моего къ нему почтенїя.... будь увѣрена, любезная моя, что сіе высокопочитанїе будетъ содержать всѣ мои чувствованїя въ границахъ благопристойности.

Когда онъ вошелъ къ намъ съ Г. *Ревсомъ*, то разговоръ учинился общимъ, но сердце мое будучи стѣснено всѣми сими обязанностями лишило меня всякой живости. *Миссъ Грандиссонъ* однажды мнѣ сказала, что она почитаетъ меня гордою: но я взглянувъ на *Сира Карла*, въ то время когда онъ смотрѣлъ жъ другую сторону, размышляла о томъ чего еще надлежитъ ему опасаться, хотя и не смертоубійства, отъ такого человѣка, которой будетъ пораженъ нѣкоторыми мѣстами письма; но можетъ быть тѣхъ ранъ, кои долженъ будетъ носить на лицѣ своемъ, даже до окончанїя своей жизни; отъ сего я не могла не восчувствовать сильнаго и нѣжнаго безпокойствїя о другѣ толико отличнаго достоинства, которой, сколь ни весель, сколь ни благополученъ между нами казался, но можетъ быть нѣсколько часовъ послѣ.... могла ли я воспротивиться симъ ужаснымъ опасностямъ? Въ другое время я взирала бы на него съ превеличайшимъ удовольствїемъ, какъ на единаго въ свѣтѣ человѣка, которому бы я желала, даже и въ нещастїи моемъ, быть столь чувствительною обязанною. Его кротость, подумала я въ себѣ, ни малаго не наложить бремени на мою благодарность. Онъ отнюдь не поставляетъ оказанное имъ ииѣмъ благодаренїе за великую услугу; самыя величайшія и великодушнѣйшія дѣянїя ему свойственны. Естьлибъ мнѣ случилось, быть обязаною кому нїесть другому, которой бы, по причинѣ знатнаго своего богатства, надѣялся получить нѣкую пользу за ту опасность, которой за меня подвергся, и коего договоръ или нравъ конечно привелъ бы въ замѣшательство мою благодарность....

Но отъ сего человѣка я имѣю сердце свободное. Однако, я вторично подумала въ себѣ, что *Сиръ Карлъ* есть такой человѣкъ, къ которому я не должна питать нѣжныхъ чувствованїй. Колико буду я имѣть соперницъ! Такой человѣкъ, на коего весь свѣтъ взираетъ съ удивленїемъ! Непремѣнный долгъ, какъ нѣкогда сказала мнѣ его сестра, обязываетъ женщинъ ожидать, что онѣ будутъ предупреждены! Сердце *Сира Карла* должно быть исполнено тѣми нѣжными ощущенїями, которыя перемѣнятся въ недрѣ сего человѣка въ сильную и пылающую страсть къ первому и единому предмету его обожанїя. Я ручаюсь жизнию, любезная *Люція*, естьли говорю не истинную правду: что, между великимъ множествомъ женщинъ, коихъ бракъ *Сира Карла* учинитъ злосчастными, хотябъ то было въ *Конторбери*, или въ другихъ мѣстахъ, нѣтъ ни единой, коей бы онъ оказывалъ болѣе благосклонности нежели къ другой.

Миссъ Грандиссонъ пригласила насъ, какъ то Г. и Гжу. *Ревсъ* равно и меня въ будущую Среду къ себѣ отобѣдать и мы на оное согласились съ превеликимъ удовольствіемъ. *Графиня*, какъ казалось, весьма мною была довольна, хотя къ тогдашнемъ моемъ колебаній, и показывала весьма печальный видъ во все время ихъ у насъ пребыванія. Я хочу подать тебѣ въ семъ письмѣ изображеніе, о ней о ея супругѣ, поелику рѣшилась описывать тебѣ всѣхъ моихъ новыхъ знакомцевъ! Я безъ сумнѣнія должна тебѣ оное учинить; но я токмо не знаю въ состояніи ли теперъ оное предпринять. По истиннѣ, любезная *Люція*, все случившееся со мною за пять дней, толико меня уничижило, что я дѣйствительно почитаю себя лишенною того пламени, которой оживотворялъ какъ мое сердце такъ и перо мое.

Графиня лѣтами старѣе однимъ годомъ *Сира Карла*: но она во всѣхъ своихъ чертахъ, имѣетъ всю пріятность и нежность, которыя составляютъ самую любви достойнѣйшую фізіономію; не считаютъ двумя или тремя годами моложѣ. Она высокаго росту, и величественной осанки, въ видѣ же и чертахъ *Миссъ Грандиссонъ* заключается нѣчто гораздо живѣйшаго - и благороднѣйшаго, нежели въ *Графининныхъ*; но снисхожденіе и ласковость изъявляющіеся на лицѣ *Графини*, внушаютъ къ ней болѣе довѣренности и склонности нежели къ сестрѣ ея. Первую можно полюбить при первомъ видѣ: у другой же напротивъ того какъ будто бы должно просить позволенія ее любить, и быть въ готовности на то склонится какъ скоро она того пожелаетъ, впрочемъ же, хотябъ она на оное согласилась или нѣтъ, но никакъ не можно чтобъ ее не любить. Каждой человѣкъ говоритъ о *Милади Л...* съ толикимъ же почтеніемъ какъ и любовію. Каждой выхваляетъ ея кротость и благоразуміе, *Миссъ Грандиссонъ*, по своему свойству гораздо вольнѣе, но не всегда получаетъ то одобреніе, которое заслуживаетъ; и будучи довольно засвидѣтельствowanіями своего сердца, она ни мало и не помышляетъ о мнѣніи другаго.

Милордъ Л... хотя не можетъ похестся за красавца, но имѣетъ весьма пріятный видъ. Милость начертывается на очахъ его, съ такимъ видомъ благоразумія и честности, которой заставляетъ его почитать. Онъ одаренъ всѣмъ тѣмъ что его глаза ни возвѣщаютъ; услужливъ, благоразумень, великодушень; словомъ истинной благородный человѣкъ древняго времени.

Мы обѣщали рассказать всю повѣсть о сихъ двухъ фамиліяхъ, также о любовныхъ произшествіяхъ *Милорда* и его супруги, и одолженіяхъ коими они обязаны своему брату, о коемъ онъ безпрестанно говорятъ, и къ которому оказываютъ весьма нѣжное почтеніе, изъражающееся даже на ихъ взорахъ. что же надлежитъ думать о семъ братѣ? Не ужели онъ имѣетъ тайну, что пріобретаетъ себѣ права къ благодарности отъ всѣхъ тѣхъ, которые хотя нѣкое имѣютъ къ нему отношеніе? Я съ величайшею

нетерпѣливостію желаю быть на единѣ съ *Миссъ Грандиссонъ*, и замѣтить, можетъ быть, изъ какого ниестъ искренняго разговору какимъ искусствомъ убѣждаетъ онъ каждого человѣка признавать въ немъ то превосходство, которое большая часть людей обыкновенно съ великой ревностію пріобрѣсти стараются.

Естьли я удовлетворю тѣмъ мои желанія, то отрекусь отъ всѣхъ прочихъ моихъ знакомыхъ, во время пребыванія моего въ Лондонѣ, дабы единственно предаться сей пленяющей меня фамиліи; по крайней мѣрѣ, естьли сіе можно будетъ сдѣлать, не опасаясь быть для нихъ въ тягость. Остальное мое время препровожу я съ Г. и Гжею. *Ревсъ*, коихъ я всячески буду стараться избавить совершенно отъ всѣхъ причиненныхъ мною имъ смущеній. Съ какою нетерпѣливостію ожидаю я приближающейся среды, дабы увидѣть себя посреди всей фамиліи *Грандиссоновъ*! ибо они всѣ соберутся вмѣстѣ. Я имѣю довольно побудительныхъ причинъ ожидать съ нетерпѣливостію сего дня. Впрочемъ вспоминая о семъ лютомъ *Гарграфѣ*, я прихожу въ трепеть.

ПИСЬМО XXV.

Госпожа Сельби, къ Генріеттѣ Биронъ.

Изъ замка Сельби, 15 февраля.

Хотя уже съ весьма даннаго времени мы рѣшились, любезнѣйшая моя *Генріетта*, оставить тебѣ полную власть въ своемъ выборѣ; однако мы не можемъ преминуть дабы не увѣдомить тебя о представляемыхъ намъ въ разсужденіи твоего супружества предложеніяхъ. Впрочемъ отъ единой тебя будетъ зависѣть ихъ принять или отвергнуть.

Уже прошло болѣе мѣсяца, какъ *Милади Д....* вдова, происходящая отъ знатной фамиліи, удостоила меня своимъ письмомъ, какъ ты то увидишь по числу ея письма. Но она просила меня сохранить сіе въ тайнѣ до того времени, пока позволить мнѣ произвести оное въ дѣйство. Сего дня я получила отъ нее другое письмо, въ коемъ она меня проситъ увѣдомить тебя о всѣхъ ея представленіяхъ. Я сообщила моей матушкѣ, Г. *Сельби* и *Люціи*, все происшедшее между нами съ сей госпожею. Они ничего мнѣ не сказали что о томъ думаютъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ и я не открою тебѣ моего о томъ мнѣнія то есть, до того времени, пока ты сама, въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ, не потребуешь отъ насъ нашего мнѣнія.

Но не видимъ ли мы, дражайшая моя племянница, что въ теченіе нѣсколькихъ дней, весьма довольно случилось перемѣнъ могущихъ послабить надежду всѣхъ старавшихся тебѣ нравиться, а особливо естьли они познаютъ тѣ обстоятельства и положеніе, въ коихъ ты находишься. Я увѣрена, моя возлюбленная, что никогда не станешь сопротивляться

движеніямъ той признательности, которая всегда имѣла власть надъ твоимъ сердцемъ. Нѣжность ощущаемая къ тебѣ твоимъ дядею, принудила его оставить, въ такомъ случаѣ, склонность свою къ насмѣшкамъ, о коей ты не безъизвѣстна. Онъ объявляетъ, любезная моя, что весьма о тебѣ сожалѣетъ. Въ то время когда сія любезная дѣвица, говоритъ онъ, тщеславилась вамъ своими силами, отвергая одного или отпуская другаго, она почитала себя въ независимости отъ того домогательства, передъ которымъ долгъ требуетъ, рано или поздно, чтобъ женщины преклонили голову; то я ее не щадилъ: но теперь, когда ее вижу объятою сильною страстію, когда она довольно можетъ представить доказательствъ къ своему извиненію, и когда мы можетъ быть ласкаемся токмо единою надеждою, во время торжества *Сира Карла*; то ея состояніе, естли въ самомъ дѣлѣ таково, какимъ я его себѣ представляю, вперяетъ въ меня толикое состраданіе, что я не осмѣливаюсь приводить ее въ печаль моими издѣвками, наипаче по притерпѣннымъ ею отъ подлаго *Гарграфа* озлобленіяхъ.

Многія мѣста твоихъ писемъ, любезная моя, ясно намъ представили твою склонность. Въ началѣ воспламененія любви молодыя особы всячески стараются скрывать собственное свое состояніе. Онѣ усиливаются потушить огонь прежде, нежели стануть просить помощи; но сіе самое усиліе еще болѣе оный воспламеняетъ. Онѣ изыскивають различные имена къ названію своихъ чувствованій, на примѣръ, такія какъ благодарность. Но познай, любезная *Генріетта*, что столь твердо основанная благодарность, какъ твоя, есть не иное что какъ источникъ къ любви. Достоинство предмета, изящность твоего сердца, твердость свойствъ, долженствуютъ произвести любовь съ одной стороны, а можетъ быть и съ обѣихъ, естли то множество женщинъ, о коихъ ты говорила, имѣють посредственныя совершенства: однако, любезная моя, на семь не должно полагатся, поелику добродѣтельныя сердца не чувствительно между собою сопрягаются. Весьма также вѣроятно, что тѣ женщины можетъ быть будутъ предпочтены по наружному виду. Пригожій человекъ не имѣетъ нужды во всѣхъ качествахъ *Кавалера Грандиссона* къ привлеченію большей части сердецъ нашего пола.

Опасности наши еще болѣе умножаются отъ того, любезная *Генріетта*, что мы всѣ влюблены въ него до чрезвычайности. Дядя твой разговаривалъ съ *Г. Доссаномъ* весьма славнымъ Адвокатомъ Нуртингама, которому препоручены нѣкоторыя дѣла отъ *Сира Карла*. Разговоръ въ которой *Г. Доссанъ* вступилъ о его свойствахъ, касательно токмо его откупщиковъ и подвластныхъ, весьма достачествовалъ къ подтвержденію всего того, что самая пылающая благодарность и страстнѣйшая любовь могли бы сказать въ его пользу. Мы иногда совершенно не помышляемъ, должны ли сожалѣть о безчестномъ злодѣянніи *Гарграфа*, хотя ты впрочемъ не можешь сумнѣваться, чтобъ извѣстіе о претерпѣнныхъ

тобою мученіяхъ, не пронзило насъ до глубины сердца, естли окончаніе соотвѣтствовать будетъ нашимъ желаніямъ; то я дѣйствительно ни о чемъ сожалѣть не буду. Но въ семь то состоитъ вся наша опасность. Что тогда я должна дѣлать, вечеръ сказала твоя бабушка, естли предметъ всей моей нѣжности объять безнадежною страстію? Разсмотримъ сіе обстоятельнѣе, естли ты усматриваешь въ томъ хотя нѣкую вѣроятность, то спѣши помочь себѣ, заливая огонь, пока онъ еще мелькаетъ, и когда еще отбрасываетъ токмо единыя искры; долгъ твой требуетъ отъ тебя утушить его, любезная моя: и какимъ же другимъ средствомъ можешь ты до того достигнуть, естли-не тѣмъ, что должно оставить толико любви достойную фамилію, и имѣть съ нею токмо переписку, то естли: возвратиться и жить съ нами, пока еще пламя не вспыхнуло? Когда ты будешь у насъ; то можешь подать нѣкую надежду любви достойному *Орму*, или обратиться къ новому о тебѣ предложенію. Поелику самое чувствительнѣйшее и нѣжнѣйшее для насъ удовольствіе состоитъ въ томъ, дабы видѣть тебя благополучно сочетающуюся бракомъ; ибо мы ничего болѣе съ толикою горячностію и не желаемъ. Естли же ты усматриваешь хотя нѣкую надежду..... то увѣдомъ меня. Я бы презрила и корону, любезная моя, въ сравненіи съ симъ....

Прощай, нѣжное утешеніе любви моей. Я обманываюсь, естли то благоразуміе, которое до сего времени приносило тебѣ великія похвалы, не подвергнуто опытамъ, коихъ ты еще никогда не знала. Пребываю въ тебѣ на всегда съ матернею любовію.

Маріанна Сельби.

ПИСЬМО XXVI.

Вдовствующая Графиня Д.... къ госпожѣ Сельби.

25 Генваря.

Позвольте мнѣ, сударыня, хотя я лично васъ не знаю, писать къ вамъ о нѣкоемъ важномъ дѣлѣ, и въ самое то же время просить васъ хранить оно въ тайнѣ, до полученія вторичнаго отъ меня письма, какъ для *Г. Сельби*, такъ и для той молодой особы, о коей я говорю. Никто иль моей фамиліи, не исключая и *Графа Д....* моего сына, неизвѣстенъ о моихъ намѣреніяхъ, и нималѣйшаго о томъ не будутъ имѣть свѣденія, пока вы по милости своей ихъ не одобрите.

Сыну моему не давно минуло двадцатьчетыре года, весьма мало есть такихъ молодыхъ людей, происходящихъ отъ знатной породы, коимъ можно было приписать лучшія качества. Его младость подала мнѣ надежду, когда онъ вступилъ въ лѣта, препоручить ему весьма знатное имѣніе, котораго онъ нимало не утратилъ съ того времени, какъ жилъ въ

независимости. Касательно вида, въ немъ нѣтъ ничего хулы достойнаго. Ему отдають справедливость въ знаніяхъ и разсудкѣ; за поступки же въ своихъ путешествіяхъ онъ заслужилъ уваженіе. Вы можете о тонѣ искать всѣ освѣдомленія приличествующія благоразумію.

Мы съ величайшею нетерпѣливостію желаемъ, такъ какъ вы представить себѣ можете, видѣть его благополучнымъ по сочетаніи брака. Онъ всегда старался быть добрымъ сыномъ. Онъ оказывалъ ко мнѣ нѣжность и уваженіе. Отъ почтительнаго же сына можно надѣяться хорошаго мужа: онъ меня увѣряетъ, что его сердце свободно, и что приметъ съ величайшимъ уваженіемъ мое одобреніе. Я изыскиваю приличную ему невѣсту; хотя по истиннѣ *Милордъ* и не весьма равнодушенъ къ красотѣ, но я разматриваю далѣе, нежели наружность въ женщинѣ. Первое мое намѣреніе клонится къ той фамиліи, которой молодая особа обязана своею породою и воспитаніемъ, что же касается до знатности, то я ни мало о томъ не помышляю, поелику мужъ знатнаго достоинства, какъ вы то знаете, дѣлаетъ таковою же и жену свою. Я желаю токмо честнаго и древняго благородства. Извѣстно, сударыня, что вы таковыми преимуществами изобилуете; и если въпрочемъ всѣ ваши упомянутые договоры взаимно за благоприняты будутъ, то признаюсь вамъ, что я почла бы да великое щастіе быть въ родствѣ съ вами. Поелику молодая она особа получила свое воспитаніе отъ васъ; то ваше свойство составляетъ для меня самую побудительнѣйшую къ тому причину.

Почти по всему свѣту носится слухъ и удивленіе о красотѣ, достоинствѣ и изящномъ свойствѣ племянницы вашей *Биронъ*. Нѣтъ ни единого дня, въ которой бы я не слыхала приписываемыхъ ей похвалъ. Теперь же, сударыня, я предлагаю вамъ токмо единый вопросъ и неотступно прошу васъ отвѣтствовать мнѣ на оный съ таковою искренностію, которая приличествуетъ сему важному случаю, и которую мнѣ кажется я заслуживаю моимъ искреннимъ признаніемъ, наипаче, когда я обѣщаюся хранить тайну съ такою же вѣрностію, съ какою и отъ васъ оной ожидаю. Совершенно ли склонности *Миссъ Биронъ* свободны? Наша разборчивость простирается до чрезвычайности касательно сего пункта: теперь я о семъ токмо одномъ дѣлѣ спрашиваю. Если вашъ отвѣтъ согласоваться будетъ съ моимъ желаніемъ, то мы съ обѣихъ сторонъ вступимъ въ дальнія объясненія. Единое слово, сударыня, когда вы меня онымъ удостоите, наичувствительнѣйше обяжетъ покорнѣйшую и преданнѣйшую вашу

М. Д....

Приложеніе. Гжа *Сельби* присовокупила къ сему письму отвѣтъ писанной ею къ *Милади Д....* увѣряя ее что она совершенно неизвѣстна о сердечной склонности *Миссъ Биронъ*, хотя всѣмъ извѣстно, что у ней

многіе были домогатели, которые старались получить ее въ супружество съ весьма выгодными предложеніями; и увѣдомляли также что *Миссъ Биронъ* не весьма богата, и не болѣе имѣетъ пять надцати тысячъ фунтовъ Штерлинговъ всего имѣнія, хотя правда надѣется большаго приращенія онаго, но то весьма еще сумнительно; она также присовокупила къ оному другое письмо отъ *Милади Д...* полученное 15 февраля, которымъ сія госпожа увѣдомляетъ ее, что по полученіи ея письма она говорила о своихъ намѣреніяхъ своему сыну, коего нашла толико предупрежденнаго общенароднымъ слухомъ въ пользу *Миссъ Биронъ*, что онъ токмо желаетъ изыскать случай ее видѣть; и что на возраженіе касательно богатства онъ отвѣчалъ, что человекъ имѣющій, такъ какъ онъ, 12000 фунтовъ Штерлинговъ ежегоднаго дохода, не долженъ искать въ супругѣ другихъ богатствъ кромѣ добродѣтели и достоинствъ. *Графиня* присовокупляетъ, что точно такой отвѣтъ получила она отъ своего сына, равно и ея собственной, такой есть того ради она проситъ Гжу. *Сельби* доставить скорое свиданіе двумъ молодымъ особамъ, дабы поспѣшить къ заключенію брака, въ коемъ состоитъ все благополучіе ея жизни, объявляя, что она уже ощущаетъ къ *Миссъ Биронъ* всю матернюю нѣжность.

ПИСЬМО XXVII.

Генріетта Биронъ, къ госпожѣ Сельби.

Изъ Лондона, 28 февраля.

По истиннѣ, дражайшая моя матушка, ваше письмо приводитъ меня въ чрезвычайную печаль. Колико я неблагодарна, что осмѣлилась сіе сказать, когда вы всегда оказывали ко мнѣ снисхожденіе, но если я въ самомъ дѣлѣ чувствую наказаніе, хотя можетъ быть и безъ причины; то не должна ли я въ томъ искренно вамъ признаться?

И такъ какое же мое состояніе? Какія суть тѣ обстоятельства, кои лишили меня той власти, которую я должна имѣть надъ собою, и перемѣнили въ состраданіе ту склонность, которую мой дядя завсегда имѣлъ къ насмѣшкамъ. Объятая сильною страстію! Надежда съ моей стороны; а торжество съ другой! Письма мнѣ измѣняющія; а вамъ изъясляющія мою склонность! Начало воспламененія любви, которую стараются скрывать въ себѣ! Огонь, искры и пламя! благодарность и любовь, такія слова, которыя одно за другимъ слѣдуетъ! Ахъ! любезная моя тетушка, какъ могли вы снести, чтобъ мой дядя писалъ ко мнѣ въ такихъ выраженіяхъ. Какъ могли вы оныя списать и переслать мнѣ подъ своимъ именемъ? Не взирая на то, я усматриваю нѣкія черты нѣжности, которыя не могутъ произойти ни отъ какого мужчины, ниже отъ какой ниестъ другой женщины, кромѣ любезной моей тетушки.

Но чтожь вы дѣлаете, сударыня, когда объявляете мнѣ собственныя ваши предложенія въ пользу такого человѣка, коего вы почитаете имѣющаго надо мною толикую власть? Какая же необходимость понудила васъ дать мнѣ знать, что его возвышенныя качества произвели надъ нами чрезвычайное впечатлѣніе? Да и моя бабушка нимало не щадить своей внучки. Она трепещетъ *о безнадежной страсти*. Увы! пусть я лучше лишусь жизни, нежели когда ниестъ заслужу столь жестокое состраданіе!

Какъ могло ваше перо начертать слова, тлѣющей огонь, отскакивающія искры, и увѣщевать меня заливать пламя. Любезная тетушка! какія изображенія! къ чему же они причтены? и къмъ? И такъ неужели я въ безпамятствѣ писала мои письма? Нѣтъ, нѣтъ, все мною писанное впечатлѣно въ моей памяти. Но должны ли вы сказать, что мнѣ простите, естли я нахожусь въ такомъ печальномъ состояніи? Должныли вы сказать, что *вы вствѣ влюблены* въ сего превосходнѣйшаго человѣка, также говорятъ о Г. *Доссантъ*, и о всѣхъ тѣхъ похвалахъ, кои онъ ему приписывалъ? На противъ того, вамъ долженствовало бы мнѣ объявить, что естли моя благодарность обратиться въ любовь; то вы никогда мнѣ онаго не простите. Тогда я бы всячески старалась изтреблять ту страсть, коея успѣхъ, какъ кажется, весьма васъ беспокоить.

Такъ теперъ мнѣ единое бѣгство остается защищеніемъ: меня увѣщеваютъ въ скоромъ времени возвратиться въ Нортгамптон Ширъ, для того ли, чтобъ тамъ заключить новое обязательство съ *Милордомъ*.... или дай бы подать надежду которому ниестъ изъ прежнихъ моихъ докучителей. Бѣдная *Генріетта Биронъ*! и такъ какая тебѣ необходимость въ столь скоропостижномъ средствѣ? И не ужели подаетъ тебѣ сей совѣтъ тетушка твоя *Сельби*? Но развѣ ты не надѣешься, чтобъ *Сиръ Карль* равно принялъ тебя въ свое покровительство? Не ужели онъ, увидя тебя *объятою* столь сильною страстію, не подастъ тебѣ руку помощи? Нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ! будучи толико имъ обязана, можешь ли ты надѣяться получишь еще болѣе? Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли онъ сдѣлать что ниестъ болѣе того, сколько уже для тебя сдѣлалъ?

Но да будетъ мнѣ позволено по крайней мѣрѣ испытать мои силы: ибо я не почитаю себя толико немощною, какъ то себѣ представляютъ. Завтрешняго дня я отважусь идти къ обѣду, и естли почувствую въ себѣ толико слабости, что не въ состояніи буду пребыть тамъ долѣе, то послѣдую тому пріятному совѣту, которой мнѣ подають. Я лучше уйду, нежели увеличу число тѣхъ злощастныхъ женщинъ, которыя можетъ быть уже съ давняго времени воздыхаютъ по превосходнѣйшемъ изъ человѣковъ. Но и въ семъ предположеніи, то есть: естли я приму намѣреніе искать у васъ покровительства, надѣюсь что совершенно не буду имѣть необходимости воспламенять новую страсть, дабы тѣмъ

истребить другую мысль. Дружба Г. Орма всегда для меня будет драгоценна; но я чувствую великое отвращение думать о немъ подъ какимъ ниестъ другимъ названіемъ.

Чтожь касается до предложеній Госпожи. Д... то они не требуютъ никакихъ размышленій. Вы знаете, любезнѣйшая моя тетушка, что я ни мало еще не отвергнута тѣмъ человѣкомъ, въ коего *вы всѣ влюблены*. Но еслии долгъ требуетъ изъясниться мнѣ искреннѣе, то я признаюсь, что не ощущая ничего иннаго кромѣ благодарности, которая, по истиннѣ, составляетъ весьма сильную власть, я чувствую ко всѣмъ людямъ, не токмо равнодушіе, которое я всегда чувствовала, но еще нѣкой родъ отвращенія; и вникнувъ въ чувствованія моего сердца, мнѣ кажется, что я лучше бы согласилась препровождать по одному часу въ каждую недѣлю съ *Сиромъ Карломъ* и его сестрою, нежели видѣть себя женою кого ниестъ изъ тѣхъ людей, коихъ я видала или знала до сего времени. Еслии сіе предположеніе рано или поздно обратится въ любовь; и еслии я увижу себя *объятою безнадежною страстію*; то единый мой предметъ составитъ *Сиръ Карлъ*. Я увѣрена, что онъ не сочтетъ себѣ за право оскорблять меня за оное, и единое ласковое его слово предпочту я любви всякаго другаго человѣка.

И такъ, сдѣлайте милость, любезнѣйшая моя тетушка, отпишите къ *Милади Д...* что я остаюсь чувствительно ей обязанною за то хорошее мнѣніе, которое она о мнѣ имѣетъ; что почтеніе, коимъ она меня удостоиваетъ, толико впечатлѣлось въ моей памяти, что заставляетъ меня принимать участіе въ благополучіи ея сына, и что, не считая совершенно необходимымъ равенство имѣнія къ благополучію брачнаго союза, я думаю, что на сіе обстоятельство не долженствовало бы взирать съ равнодушіемъ. Но вы гораздо лучше знаете, нежели я, сударыня, какимъ образомъ надлежитъ вамъ писать отвѣтъ, по такому изъясненію моихъ чувствованій. Я васъ увѣряю, что они дѣйствительно таковы, какъ я ихъ изобразила, и что я презирала бы самую себя, еслиибъ стала держать честнаго человѣка въ недоумѣніи, между тѣмъ когда бы сама колебалась въ пользу другаго.

Я опасаюсь, сударыня, чтобъ сіе письмо не показалось вамъ нѣскольکو дерзновеннымъ. Но мое сердце и мысли въ ужасномъ находятся волненіи: всѣ сіи люди наносятъ мнѣ токмо печаль, одинъ послѣ другаго. А *Сиръ Гарграфъ* дѣйствительно усовершилъ оную; и еслиибъ я къ несчастію моему не познала самаго превосходнѣйшаго изъ сего пола; то думаю, что рѣшилась бы препровождать жизнь свою въ дѣвствѣ; по крайней мѣрѣ до того времени, пока бы не истребила предметъ, учинившейся мнѣ несноснымъ по ненависти, которую я за всегда ощущала къ льстивымъ обожаніямъ. Я ласкаюсь что вы съ обыкновеннымъ вашимъ снисхожденіемъ, простите меня въ моихъ

погрѣшностяхъ, и испросите такую же для меня милость у моей бабушки и моего дяди. Пребываю съ обыкновенною моею преданностію.

Генріетта Биронъ.

ПИСЬМО XXVIII.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Во Вторникъ въ вечеру, 28 февраля.

Я съ великою нетерпѣливостію желаю, любезная моя, отдать тебѣ отчетъ въ посѣщеніи, учиненномъ Г. Ревсомъ въ Сент-Жамес-Скварръ. Онъ возвратившись оттуда принесъ съ собою бумагу содержащую въ себѣ все происшедшее между Г. Багенгаллемъ и Сиромъ Карломъ, касательно досаднаго обстоятельства, приводящаго меня въ великій ужасъ. Сиръ Карлъ, по прозбѣ его дозволилъ ему сообщить намъ оное.

Г. Багенгалль пришедши вчерашняго вечера къ Сиру Карлу, просилъ его отъ имени Сира Гарграфа на поединокъ, которой назначаемъ былъ завтнешняго дня, на рубежахъ Кензингтона. Сиръ Карлъ просилъ Г. Багенгалля войти съ нимъ въ его кабинетъ. Какъ скоро они сѣли, то Г. Багенгалль сказалъ ему, что онъ, находясь принужденнымъ вступить въ такое обстоятельство, узналъ къ великому своему прискорбію, что его поступки не были такъ представлены какъ того долгъ требовалъ, и что совѣтовали принять такую предосторожность, которая можетъ показаться чрезвычайною; но какъ для удовольвенія Сира Гарграфа, такъ и для того, дабы быть извѣстну въ истиннѣ всѣхъ обстоятельствъ, онъ привелъ съ собою молодаго писца, о коемъ просилъ дабы позволено ему было начертать все происшедшее въ семъ разговорѣ на бумагѣ. Сиръ Карлъ отвѣчалъ ему, что онъ отдаетъ на его волю приказать ему войти; но что онъ не усматриваетъ въ томъ никакой необходимости, и что то, что онъ желаетъ сказать ни мало не требуетъ долговременнаго изьясненія. Весьма будетъ довольно и двухъ минутъ, возразилъ Г. Багенгалль. Я на то согласенъ, сказалъ ему Сиръ Карлъ; и позвоня въ колокольчикъ приказалъ послать писца; онъ поставилъ предъ нимъ чернилицу и бумагу. Писанное было читано по окончаніи разговора; а поелику долженствовало списать оное для Сира Гарграфа, то Сиръ Карлъ и для себя потребовалъ съ онаго списокъ, которой и прислали ему того же вечера. Я въ точности, любезная моя, оный списала, и каждая статья преслѣдуема будетъ тѣмъ именемъ кто говоритъ.

С. К. Вы объяснили мнѣ, Г. мой, намѣреніе Сира Гарграфа. Читали ли вы отвѣтъ на его письмо мною писанной?

Г. Багенгалль. Я его читалъ, Г. мой.

С. К. Желаете ли вы, чтобъ я писалъ вторично?

Г. Багенгалль. *Сирь Карль* конечно признается что его отвѣтъ не такой, которымъ бы честной человѣкъ долженствовалъ ограничиться.

С. К. Отъ васъ ли сіе мнѣніе происходитъ, Г. Багенгалль, или отъ *Сира Гарграфа*?

Г. Б. Отъ *Сира Гарграфа*, Г. мой, да мнѣ кажется что оно можетъ произойти и отъ всякаго честнаго человѣка.

С. К. Отъ всякаго честнаго человѣка! Г. Багенгалль, честный человѣкъ не имѣлъ бы никогда такого случая, которой понудилъ васъ ко мнѣ придти. Впрочемъ, говоря вамъ такимъ образомъ, я предлагаю, что въ сей распрѣ есть соучастники.

Г. Б. Никакъ нѣтъ, Г. мой, но я не хотѣлъ было вамъ дать знать, что оная распря состоитъ между двумя особами.

С. К. Сдѣлайте милость, скажите мнѣ, совершенно ли вы извѣстны о предпріятіи *Сира Гарграфа*, и о всѣхъ его обстоятельствахъ.

Г. Б. *Сирь Гаррафъ* безъ сумнѣнія, рассказалъ мнѣ все въ точности. Онъ не имѣлъ другихъ честныхъ намѣреній въ разсужденіи *Миссъ Биронъ*.

С. К. Конечно онъ имѣлъ о себѣ весьма высокое понятіе, естли воображалъ, чтобъ то, что онъ въ состояніи былъ сдѣлать самаго выгоднѣйшаго для *Миссъ Биронъ*, могло принести ему честь. Но вы Г. Багенгалль, думаете ли чтобъ въ семъ случаѣ *Сирь Гарграфъ* поступилъ такъ, какъ должно честному человѣку?

Г. Б. Я уже сказалъ *Сиру Карлу*, что ни малѣйшаго не принимаю участія въ семъ дѣлѣ, и нимало не думаю оправдать поступокъ *Сира Гарграфа*.

С. К. И такъ позвольте мнѣ сослаться въ томъ на письмо мое; поелику я не имѣю нужды писать другога. Извините меня, Г. Багенгалль, я нимало не намѣренъ преступишь ту учтивость, которою вамъ обязанъ.

Г. Б. Не ужели вы не желаете написать другаго письма, *Сирь Карль*?

С. К. [къ Писцу] Поелику *Сирь Гарграфъ* долженъ читать ваше извѣстіе; то пишете, Г. мой, какъ я то повторяю; что я не имѣю ни малѣйшей необходимости писать другаго отвѣта; что тотъ, которой уже я писалъ къ *Сиру Гарграфу* удовлетворить его долженъ, что оный весьма приличествуетъ такому честному человѣку, которой за благоразсудилъ не писать другаго, и что человѣкъ способный къ такому злодѣянію, на кое *Сирь Гарграфъ* отважился, обязанъ меня за оное благодарить. Написали ли вы, Г. мой?

Писецъ. Написалъ, Г. мой.

С. К. Продолжайте, пожалуйста, въ собственныхъ моихъ словахъ; что *Сирь Гарграфъ* долженъ себѣ почитать за великое щастіе, естли родственники *Миссъ Биронъ* оставятъ сіе важное дѣло; не взирая на то, я беру на себя трудъ освободить его отъ таковыхъ опасностей, поелику я и теперъ еще почитаюсь покровителемъ *Миссъ Биронъ*, въ слѣдствіяхъ

приключенія, случившагося въ *Гунслов-Ліотъ*; что я съ великимъ тщаніемъ постараюсь исполнить весь долгъ покровительства; но что я не инному чему приписываю сіе названіе, какъ токмо тѣмъ поступкамъ, кои мое сердце оправдать можетъ, и что твердо пріобыкъ не повиноваться наглѣмъ вызовамъ на поединокъ.... Впрочемъ мнѣ кажется, Г. *Багенгалль*, что я токмо повторяю писанное мною прежде.

Г. Б. Вы чрезвычайно исполнены живостію, Г. мой.

С. К. По истинѣ, нѣтъ. Я изъясняю истинныя мои чувства, и я гораздо бы сказалъ менѣе, естлибъ *Сиръ Гарграфъ* не долженъ былъ знать все между нами происшедшее.

Г. Б. Угодно ли вамъ, Г. мой, назначить время и мѣсто?

С. К. Для чего же, Г. мой?

Г. Б. Дабы отдать справедливость *Сиру Гарграфу*.

С. К. Скажите лучше, дабы оказать ему услугу; а сему-то и самый смертельнѣйшій мой врагъ меня не склонитъ. Да будетъ ему извѣстно, Г. мой, что я не для чего иннаго писалъ къ нему такое продолжительное письмо, какъ для того, дабы облегчить свой разсудокъ отъ всего того, что бы мнѣ въ такомъ случаѣ сказать было должно.

Г. Б. Не ужели въ семь-то единомъ состоитъ вашъ отвѣтъ?

С. К. Присовокупите къ тому, пожалуйста, что естли случиться *Сиру Гарграфу* вторично предпринять такое подлое дѣло, и естли употребятъ мое покровительство противъ его жестокостей, то я постараюсь оное оказать сколько моихъ силъ будетъ, хотя бы онъ былъ окруженъ толикимъ множествомъ воиновъ, сколько у него находится людей въ услугахъ. По крайней мѣрѣ я предполагаю, что никакого не будетъ мнѣ наказанія отъ законовъ; ибо я не учиню ничего противнаго правиламъ начальства, и не поставляю себѣ за честь учиниться властелиномъ моего мщенія, или исполнителемъ мщенія другаго.

Г. Б. Вы весьма благородно помышляете, Г. мой. Но *Сиръ Гарграфъ* увѣряетъ, что онъ нимало васъ не оскорбилъ. Достоверность, съ кою слыхалъ я о вашемъ свойствѣ съ давняго времени, и та увѣренность, которую я имѣю о храбрости моего друга, принудили меня изыскивать средства къ предупрежденію пагубныхъ слѣдствій, и по сей-то самой причинѣ, принялъ я на себя смѣлость писать къ *Миссъ Биронъ*, что *Сиръ Гарграфъ* любитъ ее болѣе своей жизни. Естли тѣ предложенія, кои я ей представляю....

С. К. Они весьма странны, Г. *Багенгалль*. Могли ли вы надѣяться получить чрезъ то какой ниестъ плодъ?

Г. Б. Для чегожъ и не такъ, Г. мой? Кажется что она еще ни съ кѣмъ обязательства не имѣетъ. Я также нимало себѣ не воображаю, чтобъ и самъ *Сиръ Карль* имѣлъ въ разсужденіи ея какіе ниестъ виды.

С. К. Мы не чувствительно коснулись, Г. мой, до того предмѣта, которой ни малѣйшаго не имѣетъ отношенія къ нашимъ изъясненіямъ.

Скажите *Сиру Гарграфу*, если вы не пожелаете, чтобы сіе было написано, что я совѣтую ему избрать время для освѣдомленія о моемъ свойствѣ, и о тѣхъ побудительныхъ причинахъ, кои не позволяютъ мнѣ согласиться на предлагаемый мнѣ имъ поединокъ. Скажите ему, что наглецы иногда меня раздражали; но что въ такихъ случаяхъ, я всегда имѣлъ щастіе ихъ наказывать, не лиша даже ни одного изъ нихъ жизни, и не удаляясь отъ главныхъ моихъ правилъ касательно поединка.

Г. Б. Вотъ, Г. мой, величественныя выраженія.

С. К. Дѣйствительно такъ, Г. *Багенгалль*; и я конечно бы не произнесъ ихъ, еслибы не надѣялся, что они могутъ привести *Сира Гарграфа* къ освѣдомленіямъ, толико же полезнымъ для него, какъ и для меня.

Г. Б. Колико бы я желалъ, чтобы тѣ два человѣка, коихъ знатную породу и отличное свойство я почитаю, соединились тѣснымъ дружествомъ; или, чтобы *Сиръ Гарграфъ* не претерпѣлъ толикого оскорбленія отъ того злостнаго приключенія.

С. К. Къ чему же служатъ всѣ сіи продолжительности? Я васъ почитаю, Г. мой, за честнаго человѣка, наипаче когда вы стараетесь, какъ говорите, изыскивать средства къ предупрежденію пагубныхъ слѣдствій; а изъ сего-то я и заключаю, что продолженіе нашего разговора бесполезна и поелику я еще повторяю, что ни мало не колеблюсь, въ перемѣнѣ перваго моего письма.

Г. Б. Я признаюсь, Г. мой, что ваша твердость приводитъ меня во удивленіе; но для меня не менѣе удивительно и то, что имѣя столь благородныя чувства, вы не хотите удовлетворить желанія честнаго человѣка.

С. К. Симъ-то самымъ чувствованіямъ надлежитъ приписать отказъ мой, Г. *Багенгалль*, и то разположеніе, которое препятствуетъ мнѣ опасаться отъ того опасныхъ слѣдствій.

Г. Б. Если наши дѣянія оному соотвѣтствуютъ, Г. мой, такъ какъ я весьма тому вѣрю по обстоятельству, происшедшему въ *Гунслов-Гиттъ*, по слышанному мною, и по всему тому что отъ васъ вижу, то я полагаю васъ за удивительнѣйшаго въ свѣтѣ человѣка, и за великое бы почель щастіе, еслибы возмогъ васъ примирить.

С. К. Выдѣте изъ заблужденія, Г. мой. Я никогда не соглашусь имѣть дружбу съ человѣкомъ способнымъ къ такому злодѣянію, въ коемъ я поймалъ *Сира Гарграфа*. Но я съ охотою объявлю тѣ договоры, на которыхъ обѣщаюсь видѣть его безъ отвращенія и презренія. Они состоятъ въ слѣдующемъ: чтобы онъ отвергнулъ недостойное предпріятіе, производящее отъ необузданной его страсти; чтобы онъ изъясилъ о томъ сожалѣніе, и чтобы на колѣняхъ, если ему угодно, просилъ прощенія у самой любви достойнѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, признаваясь, что онъ не достоинъ извиненія если токмо *Миссъ Биронъ* по милости своей его проститъ. Самый храбрѣйшій изъ человѣковъ безъ

всякаго стыда можетъ преклонить колѣна средъ столъ безподобною женщиною, когда имѣлъ нещастіе ее оскорбить.

Г. Б. Боже мой, желаете ли вы, *Сиръ Карль*, чтобъ и сіе было написано?

С. К. Дѣйствительно я того желаю; и если *Сиръ Гарграфъ* имѣетъ въ душѣ своей хотя нѣкую искру истинной честности; то онъ съ превеликимъ удовольствіемъ послѣдуетъ симъ движеніямъ чувствія. Пишите, Г. мой, что смятеніе и скорбь составляютъ единое удовлетвореніе, могущее загладить учиненное злодѣяніе.

Я подписываюсь, что сіе объявленіе весьма вѣрно. Въ Лондонѣ, я кабинетъ *Сира Карла Грандиссона* февраля 27 дня.

Генрикъ Котсъ.

Теперь, не чувствуешь ли ты сердечнаго восхищенія, дражайшая моя *Люція*, прочитайъ сіе начертаніе? И не усматриваешь ли ты появляющагося удивленія на лицѣ всѣхъ тѣхъ, кои слушаютъ твое чтеніе? Пожалуй, разсмотри оное со вниманіемъ. Однако, вы уже всѣ влюблены въ сего превосходнѣйшаго человѣка, и равно увѣрены, что и я его люблю. И такъ, думайте о томъ что вамъ угодно; но я ничего не вижу опаснаго съ человѣкомъ исполненнымъ добродѣтелью.

Ты легко представить себѣ можешь, что я чрезвычайное почувствовала во внутренности моего сердца движеніе, когда вопросъ Г. *Багенгалля* коснулся меня: „не имѣетъ ли самъ *Сиръ Карль* о мнѣ какихъ ни есть намѣреній?„ Я признаюсь тебѣ, хотя съ прискорбіемъ, дражайшая моя *Люція*, что я гораздо болѣе восчувствовала въ себѣ отъ того смущенія, нежели сколько ожидала. Долгъ требуетъ, какъ то ясно видно, чтобъ я нѣсколько разсмотрѣла саму себя. А дабы отъ тебя ничего не скрыть, я положила тогда сіе чтеніе на столъ, и весьма опасалась читать отвѣтъ *Сира Карла*. Ты видишь, что я могла бы себя пощадить отъ сихъ мечтательныхъ опасностей. Не чистосердечно ли я признаюсь, любезная моя? Но если ты не дойдешь до этой статьи прежде, нежели сама то примѣтишь, то бесполезно бы было прочесть оное твоему дядѣ.

Г. *Багенгалль* уѣхалъ будучи тѣмъ весьма доволенъ, какъ то *Сиръ Карль* въ немъ примѣтилъ; а Г. *Ревсъ* выводитъ изъ того хорошую надежду. Но договоры.... По истиннѣ, любезная моя, я не желаю видѣть *Сира Гарграфа* ни на коленяхъ ни на ногахъ. Я увѣрена, что видѣ его причинитъ мнѣ стремительное движеніе. Сильныя впечатлѣнія произшедшія отъ его злости и жестокости еще и теперь во мнѣ не истребились. Впрочемъ, я не имѣю никакого удовольствія видѣть мерзавца съ обезображеннымъ его ртомъ. Мнѣ представляется, что будто бы у него разбиты губы, и что онъ носитъ большую черную мушку на его ранѣ.

Но поелику мы ничего не слышимъ, о чемъ бы *Сиръ Карль* говорилъ послѣ посещенія Г. *Багенгалля*; то я ласкаюсь, что завтрашній день пройдетъ безъ всякой опасности.

ПИСЬМО XXIX.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Среду въ вечеру, 1 Марта.

Ты конечно ожидаешь, любезная моя, извѣстія о всемъ произшедшемъ сегодня въ *Сент-Жамес-Скварръ*.

Мы имѣли честь видѣть у *Сира Карла*, съ *Милордомъ* и супругою его *Л....* молодого *Милорда Ж...* одного изъ обожателей *Миссъ Грандиссонъ*. *Миссъ Жервинсъ*, молодую особу около четырнадцати лѣтъ находящуюся подъ опекою у *Сира Карла Грандиссона*. Г. *Еверарда Грандиссона* и Г. *Барлета, Доктора* богословія, коего я уже нѣсколько разъ тебѣ похваляла. По прібытіи нашемъ туда, *Сиръ Карль Грандиссонъ* отвелъ насъ въ боковую горницу столоваго зала, въ коей насъ ожидали двѣ его сестры. Онѣ насъ приняли съ знаками усердной любви.

Я хочу увѣдомить васъ о кампаніи, сказалъ намъ *Сиръ Карль* съ которою вы будете кушать. *Милордъ Л...*, коего вы имѣли уже честь видѣть, есть изъ превосходнѣйшихъ въ свѣтѣ мужчинъ. Я его почитаю въ семь званіи, и люблю его такъ какъ супруга моя сестры, Г. *Грандиссонъ*, коего мы по дружески называемъ *Еверардомъ*, есть человѣкъ молодой весьма пылкой. Онѣ принялъ намѣреніе вамъ удивляться, *Миссъ Биронъ*. Теперь можетъ быть вы не помышляете и о половинѣ тѣхъ прекрасныхъ вещей кои онѣ вамъ наскажетъ, и конечно будетъ имѣть великое затрудненіе въ томъ васъ увѣрить. *Милордъ Ж....* человѣкъ молодой весьма кроткаго нрава, благовоспитанной, но столько влюбленъ въ одну молодую особу, о имени ея я умалчиваю, что предъ нею не показывается съ тѣмъ достоинствомъ, коего въ прочихъ случаяхъ онѣ довольно имѣетъ. Къ чему же краснеть, любезная *Шарлотта*?

Вы также увидите *Доктора Барлета*: онѣ человѣкъ довольно уже пожилой, и самой пріятнѣйшей въ свѣтѣ физіономіи, которой соединяетъ къ своему свойству, милость, обширныя свѣденія, благоразуміе и кротость, Изъ первой его улыбки, вы можете усмотрѣть всю внутренность его сердца, изражающуюся на лицѣ его. Когда я имѣю намѣреніе кому ниестъ понравиться; то беру съ собою въ товарищи *Доктора Барлета*. Единая его погрѣшность состоитъ въ томъ, что онѣ говоритъ очень мало; но естлибъ онѣ говорилъ и болѣе, то конечно бы слушатели съ удовольствіемъ хранили молчаніе.

Миссъ Емилиа Жервинсъ, моя питомица, есть весьма любви достойная дѣвица. Ея родитель, коего я зналъ добросердечіе, не весьма

былъ благополученъ въ своемъ супружествѣ. Онъ умеръ во Флоренціи, гдѣ, при послѣднихъ своихъ изнеможеніяхъ, препоручилъ мнѣ стараніе о сей единой наслѣдницѣ весьма знатнаго но разсѣяннаго своего имѣнія, которое я съ величайшимъ трудомъ могъ собрать. Онъ былъ купецъ, которой по злощастному свойству своей супруги, принужденнымъ себя нашелъ выѣхать изъ Англіи. Я уже съ нею имѣлъ нѣкоторые распри, и нимало не ласкаюсь быть отъ оныхъ освобожденнымъ. Сестрица моя почувствовала къ *Емилии* горячую любовь, и ея достоинство, вспоминая о ея родителяхъ, съ которыми я жилъ въ весьма тѣсной дружбѣ, дѣлаетъ мнѣ ее толико же любезною.

Злощастное свойство Гжи. *Жервинсъ*, сказала *Миссъ Грандиссонъ*, взирая на своего брата; ето значить, описывать весьма благосклонно женщину совершенно распутную.

Очень хорошо, отвѣчалъ *Сиръ Карлъ*; но я подаю токмо одно понятіе о исторіи *Емилии*, дабы склонить *Миссъ Биронъ* въ ея пользу, и споспѣшествовать ихъ знакомству: *Емилиа*, которая съ нетерпѣливостію желаетъ соединиться дружбою съ *Миссъ Биронъ*, конечно неприметъ ей рассказать всѣ приключенія своей жизни. Какая же необходимость изображать въ точности ея мать, когда дѣло идетъ токмо о дочери? *Миссъ Шарлотта* съ удовольствіемъ внимала сему наставленію, и весьма ласкаво поблагодарила его за оное. *Емилиа*, возразилъ онъ оборотясь ко мнѣ, не всегда находится съ нами въ Лондонѣ, хотя чрезвычайно желаетъ всегда быть съ моими сестрицами... и быть безпрестанно вмѣстѣ съ тобою, прервала его рѣчь *Миссъ Шарлотта*. Но нѣсколько словъ сказанныхъ Г. *Ревсомъ* на ухо *Сиру Карлу*, и кои я подтвердила моими глазами, поелику догадывалась о содержаніи оныхъ, воспрепятствовали ему отвѣчать его сестрѣ, Г. *Ревсъ* спросилъ у него, нѣтъ ли какихъ новостей отъ *Сира Гарграфа*? Онъ отвѣчалъ, безъ всякаго принужденія, что не слыхалъ ничего; что весьма трудно для тѣхъ; которые прожили долгое время въ заблужденіи, принять вдругъ новыя правила; но чаю онъ изъ сего молчанія выводитъ щастливый предзнаменованія.

Потомъ вышедъ отъ насъ, чрезъ минуту опять возвратился съ *Миссъ Жервинсъ*. Наши господа, сказалъ онъ, вступили въ весьма пространной разговоръ, но я зналъ великую нетерпѣливость сей молодой особы видѣться съ *Миссъ Биронъ*. Вотъ моя *Емилиа*! Позвольте ей, сударыня, произнести нѣчто къ чести вашего воспитанія, въ отсутствіи моей сестры, и просить у васъ на единѣ нѣкоего вниманія о ея поведеніи, столько сколько она вамъ покажется того достойною. Весьма мало, такихъ людей, любезная моя *Люція*, которые умѣютъ свидѣтельствовать почтеніе женщинѣ, нимало тѣмъ не унижая другой. Не довольно ли уже мы съ тобою примѣтили, что весьма отличная учтивость усматривается въ семь братья! Я обняла *Емилию Сира Карла*, и сказала ему, что я всячески старалась изыскать случай, дабы препоручить себя въ ея дружбу. *Миссъ*

Жервинсъ по истиннѣ весьма любви достойная молодая особа. Она весьма росла въ разсужденіи своихъ лѣтъ, имѣеть благородную походку и цвѣтъ лица весьма плѣнительной; не смотря на нѣкоторыя ребинки, оставшіяся отъ оспы, она весьма прелестна. Тихость, показывающаяся въ ея поступкахъ и во всемъ ея видѣ, придаетъ ей довольно пріятностей. Я примѣтила, при первомъ взглядѣ, что все ея честолюбіе состояло въ томъ, дабы нравиться. Она засвидѣтельствовала мнѣ два или три весьма благосклонныя поклона; хотябъ *Сиръ Карль* и не просилъ меня принять ее въ мою дружбу, но и безъ того я бы почувствовала къ ней великую склонность.

Въ сію минуту вошелъ къ намъ *Еверардъ Грандиссонъ*. Клянусь моею честію *Сиръ Карль*, сказалъ онъ приближась къ намъ, я вышелъ изъ терпѣливости, зная, что здѣсь находится самая прелестнѣйшая изъ всей Англійи особа, и видя себя принужденнымъ медлить столь долгое время засвидѣтельствованіемъ ей моего почтенія, не могъ я никакъ удержаться чтобъ не придти сюда. Онъ поклонился мнѣ съ приличнымъ щеголю видомъ, также Г. и Гжѣ. *Ревсъ*, потомъ оборотясь къ *Миссъ Грандиссонъ*, онъ клялся своею жизнію что слава гремела о мнѣ гораздо прениже моихъ совершенствъ; и произнесъ еще нѣсколько подобныхъ сему ласкательствъ. Не говорила ли я вамъ, отвѣчала ему двоюродная его сестра, что вы также будете о томъ судить, какъ и мы?

Всѣ таковыя засвидѣтельствованія Г. *Еверарда Грандиссона*, не болѣе внушили во мнѣ къ нему благосклонности. Можетъ быть я не столь бы была равнодушна къ его ласкательствамъ, естлибъ не знала Г. *Гревиля* Г. *Фенвича* и *Кавалера Поллексфена*. Мнѣ кажется что таковыя люди имѣютъ одинакое подобіе. Бѣдные люди! колико отдалены вы отъ моего сердца!

Сиръ Карль, предложилъ тогда Гжѣ. *Ревсъ* и мнѣ пойти въ горницу. *Милордъ Л...* и *Милордъ Ж...* услыша нашъ приходъ, вышли къ намъ на встрѣчу съ *Докторомъ Барлетомъ*. *Сиръ Карль*, представивши насъ имъ, пріятнымъ образомъ сказалъ *Доктору*, что судя по изображенію учиненному ему о *Миссъ Биронъ*, готовъ онъ биться въ закладъ, что между многими неизвѣстными ему особами, могъ бы ее отличить однимъ взглядомъ. Я не преминула при семъ засвидѣтельствованіи увѣрить *Доктора*, что я усматриваю въ его видѣ то свойство, которое *Сиръ Карль* превозносилъ мнѣ похвалами, и которое внушило во мнѣ то высокопочитаніе, кое должна я ему оказывать гдѣ бы съ нимъ ни увидѣлась. Дѣйствительно, любезная моя, сей добросердечной священникъ заключаетъ нѣчто толико почтительнаго въ своей фізіономіи, что весьма было бы не простительно, не отдать ему таковой справедливости касательно его чувствованій. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что неограниченная милость *Сира Карла* всегда предупреждала его желанія, и что онъ уже не въ состояніи возблагодаришь его за тотъ случай, которой

онъ ему подалъ видѣть и поздравить новую его сестру, которая приумножить блескъ толико любезной фамилии.

Камердинеръ, пришедши сказалъ нѣсколько словъ на ухо *Сирю Карлу*. Которой ему отвѣчалъ; отведи его въ мой кабинетъ; и въ ту же почти минуту вышедши за нимъ, онъ оставилъ меня съ *Г. Еверардомъ Грандиссономъ*, которой наказывалъ мнѣ премножество нелепостей, коихъ прочіе размышленія не позволяли мнѣ слушать. Полчаса спустя, человекъ вошедъ доложилъ *Г. Ревсу*, что *Сиръ Карлъ* проситъ его на одну минуту. Онъ весьма въ скоромъ времени возвратился назадъ, но его взоры мнѣ не очень нравились. По его возвращеніи, *Сиръ Карлъ*, которой не сходилъ еще къ намъ, какъ *Метр-дотель* пришедъ сказалъ, что столъ уже накрытъ; что *Сиръ Карлъ* приказалъ насъ просить, дабы его не дожидали, что онъ будетъ къ столу, какъ скоро мы сядемъ. Это какое нисть новое прискорбіе, подумала я, которое безъ сумнѣнія ему причиняютъ за меня. Однако онъ пришедъ въ самое то время когда мы хотѣли садиться. На лицѣ его изъяслялась веселость, и онъ улыбался безъ всякой принужденности. Взоры его менѣ приводили меня въ безпокойство, нежели взоры *Г. Ревса*.

Но вѣрь, любезная моя, что при семъ случаѣ произошло нѣчто такое, чего я не могла узнать отъ двоюроднаго моего брата. Я ласкалась, что онъ увѣдомитъ меня о томъ по возвращеніи нашемъ домой. Тотъ иностранецъ, для котораго требовали *Сира Карла Грандиссона*, былъ дѣйствительно, *Багеналль*. *Г. Ревсъ* не могъ того скрыть. Я судила о томъ по той прозбѣ, которою его утруждали выдти. Конечно дѣло это касалось меня.

За обѣдомъ, мы препроводили время съ толикою пріятностію, которой описать не въ состояніи. *Сиръ Карлъ* составлялъ первое увеселеніе всего собранія. Двоюродной же его братъ безпрестанно употреблялъ въ разговорахъ любовныя свои изрѣченія, *Милордъ Л...* говорилъ мало, но все то что ни скажетъ, заслуживаетъ вниманія. *Доктора Барлета* слушали съ толикимъ же вниманіемъ какъ и удовольствіемъ; онъ я самъ собою приобрѣлъ бы себѣ такую отличность, хотябъ уваженія оказываемыя ему господиномъ дома и не предупредили каждаго отдавать ему сію справедливость. *Сиръ Карлъ* предлагалъ ему различныя вопросы на которые, весьма вѣроятно, что онъ могъ бы и самъ отвѣтствовать; но онъ предлагалъ ихъ съ покорнымъ видомъ, и принималъ отвѣты съ толикимъ удовольствіемъ, какъ будто бы приобрѣталъ отъ того новыя свѣденія. Ахъ! *Люція*, ты легко представишь себѣ можешь, что сей удивленія достойной человекъ нимало не терялъ своего достоинства въ глазахъ моихъ по своей учтивости и благопривѣтливости.

Онъ подалъ случай *Милорду Ж...* показать свое знаніе, обращая разговоръ на различныя подробности, въ коихъ онъ его считалъ довольно

знающимъ. Сей молодой господинъ путешествовалъ. Онъ весьма свѣдуещъ въ древностяхъ. Снисхожденія, оказываемыя ему *Сиромъ Карломъ*, изъясляли его довольно преимущественнымъ предъ глазами строгой *Миссъ Грандиссонъ*. По истиннѣ, любезная моя, она поступаетъ съ нимъ нѣсколько по кавалерски. Я нѣчто ей тогда припомнила. *Вы настоящая дѣвица Гове*, сказала я ей на ухо: а ето *Гикманъ* (*), отвѣчала она мнѣ; но она думаетъ что есть между ими сіе различіе: дѣвица *Гове*, сказала она мнѣ, подражаетъ склонности своей матери, и обѣщается сочетатся бракомъ съ *Г. Гикманомъ*, когда поступить съ нимъ наижесточайше, напротивъ того я совершенно не намѣрена идти замужъ за *Милорда Ж...* Въ одно время, она сказала мнѣ поднявъ руки и съ видомъ удивленія, *Милордъ* обѣщается показать намъ свое собраніе бабочекъ и другихъ хорошихъ насѣкомыхъ. Желаете ли ихъ посмотрѣть? То есть, быть иль числа любопытствующихъ, отвѣчала я усмѣхаясь. Она покраснѣла отъ сихъ единозначущихъ словъ: но начавъ опять говорить обыкновеннымъ голосомъ, она сказала, что когда она ни видала собранія насѣкомыхъ, то всегда удивлялась болѣе Творцу сихъ удивительныхъ произведеній нежели такимъ людямъ, которые препровождаютъ жизнь свою въ собраніи оныхъ; и потомъ присовокупила съ обыкновенными своими пріятностями, что должно думать о любовникѣ, увселяющемся разноцвѣтными крыльями бабочки, когда одна прелестная особа съ утра до вечера составляетъ такую бабочку, которая можетъ занимать его сердце и его взоры.

(*). Двѣ особы взятыя изъ исторіи *Клариссы*.

Милордъ чрезвычайно влюбленъ. Да кто бы и не былъ столько влюбленъ въ *Миссъ Грандиссонъ*? Но я почитаю ее не въ примѣръ превосходнѣе его. Какое намѣреніе должна предпринять женщина, видя себя требуему въ супружество такимъ человѣкомъ, коего дарованія гораздо прениже ея? Должна ли она пренебречь естественныя свои преимущества? Должна ли она пренебречь ихъ единственно для того, дабы возвысить человѣка, коимъ она любима? Она не имѣетъ права къ выборамъ, такъ какъ сей полъ; она имѣетъ право въ отказахъ, и естли пожелаетъ нравиться своимъ родителямъ, то и оное не всегда имѣетъ. Впрочемъ говорятъ, что женщины совершенно не должны ободрять глупыхъ и смеходостойныхъ мужчинъ, а должны оказывать свое преимущество къ разумнымъ людямъ. Очень хорошо; но чтожь имъ дѣлать, естли злощастіе осуждаетъ ихъ видѣть только однихъ глупцовъ. Вкусъ нынѣшняго свѣта, не состоитъ ли между людьми въ видѣ, въ екипажахъ и во всѣхъ наружныхъ убранствахъ. Помышляютъ ли они хотя нѣсколько о образованіи души? Словомъ, мужчины погружены на дно воды, любезная моя, а женщины съ великимъ трудомъ могутъ плавать на поверхности. *Милордъ Ж ...* весьма притворствуетъ въ своемъ убранствѣ. Мнѣ сказано, что *Г. Валтеръ* еще болѣе сіе самое показываетъ.

Чтожь они думаютъ, когда видятъ предъ своими глазами *Сира Карла*? Хотя онъ и одѣвается со вкусомъ, то ясно видно что не для чего иннаго, какъ изъ угожденія къ модѣ, и дабы избѣжать всякаго предосужденія. Я бы хотѣла знать, одобряетъ ли онъ намѣренія *Милорда Ж...* касательно своей сестры. Во всякомъ случаѣ, я бы смѣло отвѣчала, что сіе было бы не безъ сильныхъ причинъ.

Естьлибъ сей ненавистный *Гарграфъ* истребился изъ мыслей моихъ хотя на единую минуту, то я удовлетворила бы мое любопытство, простирающіеся ко множеству обстоятельствъ, о коихъ я съ нетерпѣливостію знать желаю.

Миссъ Жервинсъ во все сіе время вела себя весьма кротко. Съ какимъ удовольствіемъ, казалось, внимала она каждому слову исходящему изъ усть ея опекуна! Любезная дѣвушка! колико я о ней буду сожалѣть, еслии ея признательность къ такому благодѣтелю нечувствительно перемѣнится въ любовь! дѣйствительно я сожалѣю о всѣхъ тѣхъ; кои любятъ безъ надежды. Не смѣйтесь, любезной мой дядюшка. Не всегда ли я говорила съ состраданіемъ о *Г. Ормъ* и *Г. Фулеръ*? Ты тому свидѣтелемъ, любезная *Люція*.

Миссъ Жервинсъ такъ сказать готова всегда улыбаться, но это не дѣтская и не несмысленная улыбка; въ ней усматриваются отличности и нѣкое знаніе. Впрочемъ, она говоритъ мало; но слушаетъ все съ великимъ вниманіемъ: изъ чего я заключаю, что она по своимъ лѣтамъ довольно имѣетъ благоразумія.

Мнѣ кажется что уже я все изъяснила касательно мужчинъ; но мнѣ остается нѣчто еще сказать о *Еверардѣ Грандиссонѣ* о которомъ я хочу токмо упомянуть, хотя по его мнѣнію онъ дѣйствительно не былъ послѣднимъ изъ нашихъ гостей. Етотъ человекъ росту средняго, въ коемъ я ничего хорошаго не усматриваю, но которой почитаетъ себя красавцомъ, и заслуживаетъ прощенія отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ о немъ сіе мнѣніе, наипаче, по засвидѣтельствованію его родственниковъ, онъ составляетъ предметъ заблужденій другаго рода. Онъ одѣвается со вкусомъ: и выдаетъ себя за изобретателя новыхъ нашихъ модъ, но его щитаютъ покрайней мѣрѣ первымъ къ послѣдованію онымъ. Онъ не пропускаешъ ни единаго собранія, ниже комедіи. Онъ управляетъ вкусомъ театра; танцуетъ, поетъ, и смѣется съ довольною пріятностію; онъ постовляетъ себѣ сіи три качества главною славою: впрочемъ онъ съ природы одаренъ здравымъ разсудкомъ, но весьма не вѣроятно, чтобъ онъ когда ниестъ помышлялъ о образованіи онаго. Поелику приходитъ въ великое замѣшательство, когда случится *Сирѣ Карлу* укорять его въ какомъ ниестъ легкомысліи, хотябъ не инымъ чемъ, какъ единымъ взглядомъ. Онъ тогда краснѣетъ и принимаетъ на себя принужденный видъ; его взоры и движеніе его губъ кажется просятъ тогда милости отъ собранія. Притворная улыбка, ясно показываетъ, что онъ обратилъ бы

тотъ случай въ шутку, естлибъ не опасался что сіе можетъ помрачить его въ мысляхъ тѣхъ, коихъ онъ вокругъ себя видитъ, но всѣ его движенія изъясляютъ, что онъ признаетъ превосходство въ томъ, колико и малѣйшихъ сужденій чрезвычайно страшиться. Какимъ можетъ быть мужемъ *Еверардъ Грандиссонъ* для такой женщины, которая бы имѣла душу гораздо его превосходнѣйшую! Сколь дорого будетъ она ему платить за таковую выгоду хитрыми своими презрѣніями! Но онъ поставляетъ себѣ за честь, что избѣгалъ даже до сего времени сѣтей законнаго брака. Я думаю, къ общему несчастію нашего отечества, что оно имѣетъ въ себѣ таковыхъ враговъ брака болѣе, нежели сколько ихъ было въ прежнія времена; и ихъ число, навлекающее осужденіе многимъ женщинамъ на дѣвственную жизнь, нечувствительно болѣе и болѣе умножатся будетъ.

Я скажу еще нѣсколько о *Еверарде Грандиссонѣ*. Ему отъ роду около тридцати лѣтъ: онъ поставляетъ себѣ славою то, что лишилъ чести двухъ или трехъ женщинъ. *Сиръ Карлъ* отвратилъ его съ мѣсяць тому назадъ отъ нѣкоторыхъ безстыдныхъ чувствованій, въ коихъ онъ, казалось, закоснѣвалъ. Думаютъ, что онъ расточилъ знатное свое имѣніе распутною жизнію и великимъ пристрастіемъ къ игрѣ. *Сиръ Карлъ* не могъ сыскать удобнѣйшаго средства дабы его отъ того отвратить, какъ приглашать его чаще въ свое сообщество. Двоюроднойже его братъ довольно познавалъ таковыя милости, ибо иногда признавался *Миссъ Грандиссонѣ*, что онъ столько же любитъ *Сира Карла* сколько и боится. Онъ также присовокупляетъ, что онъ отдалъ бы весь свѣтъ, естлибъ имѣлъ надъ онымъ власть, дабы токмо совершенно уподобиться *Сиру Карлу*.

Но время уже окончить сіе письмо, которое можетъ сдѣлаться весьма продолжительнымъ да можетъ быть не менѣе и скучнымъ, естли я вступлю въ подробность всѣхъ разговоровъ. Однако, молчаніе, которое *Г. Ревсъ* упорно сохраняетъ о посѣщеніи *Багенгалля*, весьма меня беспокоитъ. Но я тѣмъ болѣе прихожу въ безпокойство, что и въ немъ усматриваю великое смущеніе. Онъ конечно ожидаетъ какого нисть новаго изъясненія, отъ котораго надѣется получить облегченіе; но могу ли я быть увѣрена, что не умножитъ оно еще болѣе несчастія? Я совершенно не понимаю, для чего наши друзья не извѣщаютъ насъ о томъ, въ чемъ мы болѣе имѣемъ участія, нежели они. Естли сія скрытность происходитъ отъ ихъ нѣжности; то они должны бы были разсудить, что въ таковомъ случаѣ, она причиняетъ толико же прискорбія, сколько бы оной надлежало опасаться и отъ явнаго открытія; не считая того, любезная моя, что сія притворная скромность толико же предполагаетъ твердости старающемуся ея сохранить сію тайну, колико на противъ того производитъ слабости въ тѣхъ, отъ коихъ скрываютъ таковыя произшествія!... Но я становлюсь уже не благопристойною, и я

лучше стану въ глубокомъ снѣ искать средства для успокоенія моей нетерпѣливости.

ПИСЬМО XXX.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Четвертокъ въ вечеру, 2 Марта.

И такъ, знаешь ли ты отъ чего происходила скрытность Г. *Ревса*? Отъ такого случая, которой чрезвычайно меня безпокоилъ. Я весьма ему обязана за то, что онъ избавилъ меня отъ сего мученія, хотя неизвѣстность причиняетъ мнѣ довольно и другихъ прискорбій. Прочти все то, о чемъ я освѣдомилась.

Я уже тебѣ сказала, что тотъ незнакомецъ, для котораго требовали *Сира Карла*, былъ Г. *Багенгалль*, и что *Сиръ Карлъ* приказалъ позвать Г. *Ревса*, которой возвратился съ такими знаками, коими я весьма была не довольна. Я узнала отъ самага Г. *Ревса* о всемъ при немъ происшедшемъ.

Сиръ Карлъ отвелъ его нѣсколько къ сторонѣ. Сей несносной человѣкъ, я говорю о *Сирѣ Гарграфѣ*, сказалъ онъ ему, изыскиваетъ случай къ удовольствованію того поступка, коимъ почитаетъ онъ себя весьма униженнымъ: долгъ требуетъ удовольствоваться чѣмъ ниестъ его положеніе. Вы услышите все то, что онъ мнѣ предлагать будетъ; но я васъ покорно прошу, никого о томъ не увѣдомлять даже до окончанія сего дѣла: ибо сей день посвященъ удовольствію и увеселенію. Но поелику уже тайна вамъ извѣстна, Г. *Ревсъ*, то при семъ случаѣ вы можете отвѣчать вмѣсто любезной вашей сестрицы.

Потомъ они подошли къ Г. *Багенгаллю*. Вотъ Г. *Ревсъ*, сказалъ онъ ему; и оборотясь къ моему брату продолжалъ: Г. мой, между многими требованіями, на кои я не могу согласиться, но о коихъ нѣтъ нужды васъ увѣдомить, поелику они относятся ко мнѣ, *Сиръ Гарграфъ* не отмѣнно желаетъ видѣться съ *Миссъ Биронъ*. Онъ поставляетъ причиною то, что она совершенно свободна. Дѣйствительно ли она свободна, Г. мой?

Братъ мой въ отвѣтъ увѣрялъ, что я совершенно свободна; а какъ Г. *Багенгалль* наименовалъ Г. *Гревилля* Г. *Орма*, и нѣкоторыхъ другихъ особъ, то онъ подтверждалъ, что я не токмо никогда невнимала ихъ предложеніямъ, но и ничто толико не было для меня несосно, какъ ихъ докучливости.

Весьма неудивительно, учтивымъ образомъ возразилъ *Сиръ Карлъ*, что *Миссъ Биронъ* имѣетъ толикое множество обожателей; но токмо достойно удивленія то, что *Кавалеръ Поллексфенъ* могъ основать свою надежду на извѣстности ея свободы; онъ представлялъ ей свои страданія и честныя свои намѣренія въ самое то время, когда ласкался надеждою склонить ее столь насильственными средствами; онъ ссылается на нее въ

томъ, что называетъ непорочною своего поведенія въ то время, когда имѣлъ надъ нею власть; онъ предлагаетъ договоры превосходящіе предѣль; то нѣтъ ли какой ниестъ надежды, чтобъ *Миссъ Биронъ*....

Нѣтъ, Нѣтъ, прервалъ его рѣчь двоюродной мой братъ; дѣйствительно никакой. Какъ! *Г. Ревсъ!* сказалъ ему *Багенгалль*; даже и для спасенія жизни честнаго человѣка? Если вы говорите о моей жизни, отвѣчалъ *Сиръ Карль*, то я васъ прошу о ней не беспокоиться, если же вы говорите о жизни бѣднаго *Гарграфа*, то я вамъ говорю чистосердечно, что она въ безопасности касательно меня, по крайней мѣрѣ отъ предумышленныхъ памятозлобій. Думаете ли вы, *Г. мой*, присовокупилъ онъ, взирая на *Г. Ревса*, чтобъ *Миссъ Биронъ* могла снести и одинъ видъ *Сира Гарграфа*? Воображаю себѣ, что онъ желаетъ у ней просить прощенія. Согласится ли она принять его посѣщеніе?

Если когда нибудь и какая ниестъ женщина, сказалъ *Багенгалль*, была до высочайшей степени обожаема, то конечно *Миссъ Биронъ*, *Сиромъ Гарграфомъ*. И самое предпріятіе, которое онъ употребилъ, дабы учинить ее своею супругою, ясно то доказываетъ. Обѣщаетесь ли вы, *Г. мой*, оборотясь къ *Сиру Карлу*, не препятствовать его желаніямъ?

Я повторяю, сказалъ ему *Сиръ Карль*, какъ уже то объявлялъ нѣсколько разъ, что *Миссъ Биронъ* еще и теперь состоитъ подъ моимъ защищеніемъ. Если *Сиръ Гарграфъ* намѣренъ, такъ какъ онъ и долженъ, просить у нее прощенія; если онъ получить оное хотя и на тѣхъ договорахъ, коихъ желаетъ; то я буду увѣренъ, что *Миссъ Биронъ* такъ какъ и онъ могутъ быть гораздо щастливѣйшими, нежели сколько я теперь то себѣ воображаю. Я не желаю чтобъ меня почитали подъ другимъ званіемъ, выключая покровителя *Миссъ Биронъ* противъ насилія; я поставлю себѣ за честь быть онымъ до толѣ, пока она пожелаетъ принимать мои услуги. Но случай долженъ быть не предвидѣнъ; и ето произойдетъ развѣ отъ недостатка помощію естественныхъ законовъ. Я никогда не соглашусь вступить, какъ для удовольствія соперника, такъ и для моего собственнаго, въ жестокое и предумышленное мщеніе.

Однако, *Г. мой*, возразилъ *Багенгалль*, разсудите, что *Сиръ Гарграфъ* весьма почтетъ себя обиженнымъ въ семъ случаѣ; вы не хотите оказать ему требуемаго имъ удовольствія, вы нимало не помышляете, чтобъ слѣдуя законамъ честности, не имѣли права къ честнымъ поступкамъ, когда отрекаются....

И такъ, кѣмъ же установлены тѣ правила, съ живостію прервалъ его рѣчь *Сиръ Карль*, которыя вы называете законами честности? Кромѣ законовъ моего Создателя и моего отечества я никакихъ иныхъ не знаю. Но дабы прекратить безполезныя сіи изьясненія, скажите *Сиру Гарграфу*, что сколь бы мало ни надлежало честному человѣку полагаться на такого, которой въ состояніи былъ поступить жестокимъ образомъ съ

беззащитною женщиною, однако я приду завтра, если ему будетъ угодно, въ собственный его домъ съ нимъ завтракать. Я дѣйствительно приписываю насилию его страсти то жестокое оскорбленіе, въ коемъ онъ учинился виновнымъ. Я вѣрю, что онъ углублялся въ своихъ размышленіяхъ до такой степени, что представляетъ себѣ будто бы бракъ долженствуетъ ему быть наградою за его несправедливость; я положусь на его честность, взявъ съ собою одного лакѣя, которой будетъ стоять у воротъ, не входя даже и на дворъ, для принятія моихъ приказовъ, по окончаніи моего тамъ присутствія моя шпага будетъ единственнымъ моимъ провожатымъ, не для того, чтобъ я опасался нечаяннаго случая къ обнаженію оной, но единственно для того, дабы не подать причины къ сумнѣнію, что я почитаю себя не въ состояніи защищаться оною. И я покорно васъ прошу, Г. *Багенгалль*, быть при семъ свиданіи; въ присутствіи васъ и всѣхъ его друзей, сколь бы велика число ихъ ни было.

Я тебѣ признаюсь, любезная моя *Люція*, что какъ скоро Г. *Ревсъ* коснулся до сего мѣста своего повѣствованія, то я лишилась было дыханія.

Г. *Багенгалль* чрезвычайно изумился, и тотчасъ спросилъ у *Сира Карла*, правду ли онъ говоритъ? Мнѣ весьма было бы прискорбно, отвѣчалъ онъ, прослать робкимъ человѣкомъ. *Сиръ Гарграфъ* мнѣ угрожаетъ; я никогда не избѣгаю отъ тѣхъ, которые осмѣливаются мнѣ угрожать. Вы мнѣ объявили, Г. мой, что я не имѣю права требовать отъ него благороднаго поступка, если не соглашусь видѣть его съ смертоубійственными намѣреніями, то я еще повторяю, что не соглашусь ни съ кѣмъ и никогда видѣться съ симъ намѣреніемъ, хотя я столько же увѣренъ въ моей храбрости, сколько и въ справедливости моего дѣла. Если кто помышляетъ о подлыхъ намѣреніяхъ, то я не болѣе почитаю себя къ безопасности противъ убійцы, въ моей постелѣ, какъ и въ домѣ *Сира Гарграфа*. Тотъ, которой не соглашается на поединокъ, долженъ объявить вызывающему на оный, что онъ имѣетъ другія побудительныя причины на то не соглашаться, а не опасность. Я хочу испытать честность *Сира Гарграфа*. Вы скажите ему, Г. мой, что я весьма далеко простирать буду мою терпѣливость; на что, хотя бы онъ былъ Принцъ, я не въ состояніи снести нисколько обиды.

Отъ сихъ словъ, Г. *Багенгалль* пришелъ въ чрезвычайнѣйшее изумленіе, спрашивая его, въ самомъ ли дѣлѣ онъ рѣшился... Точно такъ, Г. мой, прервалъ его рѣчь *Сиръ Карлъ*. Я ясно вижу, что для удовлетворенія *Сира Гарграфа*, должно предпринять отважный поступокъ; да я и сего дня бы то учинилъ еслибъ имѣлъ свободное время; но я буду къ нему завтра въ десятомъ часу по утру.

Переписывая сіе извѣстіе, любезная моя я паки вострепетала.

Потомъ *Сиръ Карлъ* сказалъ Г. *Ревсу*: вы жестоко меня обидите, Г. мой, если хотя единое слово кому скажете изъ всего вами слышаннаго,

ниже Гжѣ. *Ревсъ*. Двоюродной мой братъ просилъ у него позволенія по крайней мѣрѣ проводить его къ *Сиру Гарграфу* Я нимало не имѣю въ томъ нужды, отвѣчалъ *Сиръ Карлъ*. Развѣ вы не предвидите опасности? возразилъ Г. *Ревсъ*. Нѣтъ, нѣтъ, повторилъ увѣнчанный славою мой освободитель, я сказалъ что должно чѣмъ ниестъ удовольствоваться *Сира Гарграфа*. Онъ почитаетъ себя презираемымъ, я хочу оказать ему такое удовлетвореніе, изъ котораго бы онъ заключилъ, что я нималѣйшаго не имѣю презрѣнія къ такому человѣку, съ которымъ буду обходиться съ сею довѣренностью. Теперь возвратитесь къ собранію, Г. *Ревсъ*, и всячески старайтесь сокрыть причину нашего отсудствія. Я тебѣ сказала, любезная моя, какую перемѣну примѣтила я на лицѣ одного и другаго, когда они возвратились назадъ. Какимъ бы образомъ сей великій человѣкъ, ибо не должна ли я его такъ назвать? могъ составить, по своемъ возвращеніи, радость и увеселеніе всѣхъ юношей, не подавши нималѣйшаго подозрѣнія о случившемся съ нимъ?

До нашего отъѣзда, Г. *Ревсъ* отозвалъ его къ сторонѣ, дабы спросить у него о томъ, что произошло послѣ, когда онъ оставилъ ихъ въ кабинетѣ, онъ ему отвѣчалъ, что *Багенгалль* обѣщался доставить ему отвѣтъ отъ *Сира Гарграфа* сего вечера, и что онъ уже его получилъ. И такъ вы пойдете, сказалъ ему Г. *Ревсъ*. Дѣйствительно, отвѣчалъ онъ; поелику *Сиръ Гарграфъ* ожидаетъ меня къ завтраку. Но будьте спокойны. Г. *Ревсъ*, все это кончится благополучно. Я не намѣренъ увеличивать зла, но желаю предупредить худыя слѣдствія, отъ онаго произойти могуція. Я буду у *Сира Гарграфа* около десяти часовъ, а вы можете получить отъ меня извѣстіе послѣ обѣда.

Г. *Ревсъ* вышелъ сегодняшнаго утра рано. Двоюродная сестра мнѣ сказала, что онъ препроводилъ сію ночь въ великомъ безпокойствіи. Возвратившись назадъ онъ признался, что ходилъ въ *Сент-Жамес-Скварръ*, и что тамъ завтракалъ съ *Милордомъ* и его супругою Л... съ *Миссъ Грандиссонъ*, *Миссъ Емилию* и *Докторомъ Барлетомъ*. *Сиръ Карлъ* выѣхалъ въ коляскѣ въ девять часовъ, съ однимъ токмо лакѣемъ, такъ что никто не знаетъ изъ домашнихъ, какія бы обстоятельства понудили его столь рано ѣхать. Г. *Ревсъ* около обѣда возвратился назадъ: безпокойствіе ясно на лицѣ его изъяснялось, и я дѣйствительно моего вамъ изобразить не могу. Около трехъ часовъ, какъ онъ хотѣлъ вторично идти въ *Сент-Жамес-Скварръ*, и естли не найдетъ тамъ *Сира Карла* то не медленно побѣжитъ къ *Сиру Гарграфу*; въ самое то время онъ получилъ отъ *Сира Карла* ниже слѣдующую записку. Не восхищается ли твое сердце радостію, любезная моя, по выслушаніи всего того что я тебѣ сказала?

Въ два часа съ половиной послѣ полудни.

„Естьли вы куда нибудь неошозваны, Г. *Ревсъ*, то я буду имѣть честь видѣть васъ, и равно пить съ вами чай, въ обыкновенное время. Я осуждаю своихъ сестрицъ за тѣ упражненія, кои не позволяютъ имъ быть при семъ посѣщеніи. Пребываю вашъ покорнѣйшій слуга,

Карль Грандиссонъ.

При семъ-то Г. *Ревсъ*, будучи побуждаемъ усильными прозъбами, какъ своя жена такъ и моими, благоволилъ изъяснить намъ причину своего безпокойствія.

Сиръ Карль пріѣхалъ въ шестомъ часу. Онъ одѣтъ былъ весьма прекрасно. Я подумала, какъ скоро онъ показался, что ето самый прелестнѣйшій человекъ, коего я когда либо въ моей жизни видѣла. Сколь велико должна быть, дражайшая моя *Люція*, восхищеніе честной супруги, которая, безъ препятствія, безъ принужденія, и слѣдуя своему долгу, можетъ принять въ отверстыя объятія достойнаго супруга, возвращающагося къ ней по долговременномъ отсудствіи, или отъ гибели, отъ которой онъ благополучно освободился. Ахъ! не говорите мнѣ, дражайшіе мои родственники, что вы всѣ его любите, и что вы желали бы видѣть меня его супругою! Вы чувствительно бы меня обязали сообразивъ желанія.... Я уже не знаю, о чемъ думаю; но ваши желанія не управляли ли всегда моими?

Гжа *Ревсъ*, равномѣрныя моимъ восчувствовала движенія, и перемѣнилась въ лицѣ видя его входящаго въ горницу. Она подошла къ дверямъ, поднявъ руки съ толикимъ движеніемъ, что *Сиръ Карль*, взглянувъ на Г. *Ревса*, сказалъ: очень хорошо, Г. мой; вы весьма тщательно сохранили мою тайну! Г. *Ревсъ* представлялъ ему колико мученій онъ претерпѣлъ со вчерашняго вечера, и поставлялъ себѣ за честь что упорно умалчивалъ о томъ до полученія записки.

Потомъ Г. и Гжа. *Ревсъ* поздравляли его съ равнымъ удовольствіемъ. Но я хочу тебѣ изобразить видъ, которой глупая твоя *Генриетта* представляла въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Ноги ея нечувствительно къ нему придвигались, между тѣмъ, какъ прочіе свидѣтельствовали ему свое почтеніе. Я поклонилась ему съ такою робостію, что никто не могъ того примѣтить; и не щитая свой поклонъ довольно низкимъ, тотчасъ ему вторично поклонилась. Потомъ усмотря свою руку въ его рукахъ, совершенно не чувствовала была ли у меня тогда рука или нѣтъ: мнѣ весьма прискорбно, Г. мой сказала я, быть случаемъ, причиною.... Я вздыхала отъ радости; но вдругъ покраснѣла отъ замѣшательства, и той чрезвычайной благодарности, которую я была не въ состояніи ему воздать. Я дѣйствительно не знаю, примѣтилъ ли онъ мое смущеніе; но онъ вскорѣ избавилъ меня отъ части онаго, приведя меня къ кресламъ и сѣдши подлѣ меня.

Г. *Ревсъ* говорилъ, что онъ съ великою нетерпѣливостію желаетъ услышать его произшествіе, но *Сиръ Карлъ* намъ сказалъ, что разговоръ толико былъ продолжителенъ и перемѣнчивъ, что онъ не можетъ совершенно его упомнить; но что онъ совершенно не зналъ какъ Г. *Багенгалль* склонилъ *Сира Гарграфа* оставить своего писца въ кабинетѣ, въ которомъ онъ могъ все слышать, что ему обѣщали списокъ съ тѣхъ разговоръ, и что онъ съ охотою оный мнѣ пришлетъ, если я желаю. Но что подумаетъ *Миссъ Биронъ*, присовокупилъ онъ, о томъ писаніи, которое учинено касательно ея? Я ему отвѣчала, что я послѣдую всѣму тому, чтобъ *Сиръ Карлъ* касательно меня ни произнесъ. Весьма бы было жестоко, возразилъ онъ, содержать особу женскаго пола въ недоуменіи. *Сиръ Гарграфъ*; сударыня, твердое принялъ намѣреніе съ вами видѣться. Желаете ли вы принять его посѣщеніе? Я послѣдую вашему совѣту, возразила я. Онъ клялся, что ни за что въ свѣтѣ не согласится въ семь случаѣ подать мнѣ оный. Вы должны послѣдовать своей склонности, сказалъ онъ мнѣ. Г. *Ревсъ* воленъ допускать или отказывать всякому къ нему приходящему. Сіе-то я чистосердечно объявилъ *Сирю Гарграфу*. Но по выходѣ моемъ отъ него, онъ остался въ твердомъ намѣреніи съ вами видѣться. Онъ намѣренъ вести себя благопристойно; и мнѣ очень будетъ удивительно, если онъ съ самаго начала не станетъ у васъ просить прощенія. Впрочемъ, если вы усмотрите хотя малую опасность; то я всегда буду находиться въ готовности оказывать вамъ мои услуги. Четырехъ минутъ довольно будетъ для отосланія ко мнѣ вашихъ приказовъ.

Г. *Ревсъ* благодарилъ его за токовое предложеніе, и присовокупилъ къ тому что онъ не думаетъ, чтобъ ему нужна была помощь въ своемъ домѣ. Можетъ быть онъ могъ бы обойтись и безъ сего отвѣта, хотя и не произнесъ ничего иннаго, кромѣ весьма учтивыхъ изрѣченій. *Сиръ Карлъ* благороднымъ образомъ извинился тогдашними обстоятельствами; и вскорѣ съ нами распрощался. Но поелику я теперь уже не беспокоюсь о моемъ благодѣтелѣ, и ничего не усматриваю опаснаго въ посѣщеніи *Сира Гарграфа*; то мнѣ остается токмо, дражайшая моя *Люція*, отослать къ тебѣ письмо.

ПИСЬМО XXXI.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Пятницу, 3 Марта, въ полдни.

Мы получили тѣ разговоры, кои съ нетерпѣливостію имѣть у себя желали. Что ты думаешь, любезная моя, о неустрашимомъ посѣщеніи *Сира Карла*? Я признаюсь тебѣ, что почла бы его отважнымъ, если бы оно знала, такъ какъ Г. *Ревсъ* прежде, нежели оно окончаніемъ было

оправдано; я бы предложила послать стражу въ Кавендиш-Скваръ, или приняла бы какія ниестъ мѣры для открытія столь мучительныхъ неизвѣстностей, наипаче когда проходило два часа.

Г. *Ревсъ* принялъ на себя трудъ списать продолжительные оныя разговоры, дабы дать мнѣ время увѣдомить тебя о многихъ полученныхъ мною посѣщеніяхъ. Я его спросила, не весьма ли кажется ему страннымъ образецъ сего *Багенгалля*, которой всегда водить съ собою писца? Онъ мнѣ отвѣчалъ что онъ необыкновененъ; но что въ такомъ случаѣ, гдѣ смертоубійство можетъ быть плодомъ отважности, и слѣдственно можетъ подвергнуть тѣхъ людей правосудію, оно покрайней мѣрѣ показываетъ праводушіе, хотя имѣетъ видъ злодѣйскаго предумышленія; и что потому весьма вѣроятно, что *Багенгалль* находился во многихъ худыхъ дѣлахъ, изъ коихъ позналъ пользу такой предосторожности.

Донесеніе

17... года, 2 Марта, въ Четвертокъ по утру.

Я, нижеподписавшійся, поданному вчерашняго вечера мнѣ приказанію, пришелъ сего утра, въ восемь часовъ съ половиною, въ домъ *Сира Гарграффа Поллексфена Баронета*, живущаго въ Кавендиш-Скварѣ, для написанія, въ сокращенныхъ примѣчаніяхъ, разговора, долженствующаго произойти между вышепомянутымъ *Сиромъ Гаргфомъ Поллексфеномъ* и *Сиромъ Карломъ Грандиссономъ*, обоими *Баронетами*, о между усобной распре, касательно того предмѣта, ради коего я ходилъ уже съ *Яковомъ Багенгаллемъ*, *Кавалеромъ*, къ выше упомянутому *Сиру Карлу Грандиссону*, въ *Сент-Жамес-Скварръ*, и отъ коего опасаются слѣдствіи могущихъ учинить сіе донесеніе весьма важнымъ.

Въ девять часовъ, меня привели въ залъ, гдѣ былъ вышеупомянутый *Сиръ Гарграфъ*, также вышеупомянутый *Яковъ Багенгалль*, *Саломонъ Мерцеда Кавалеръ* и *Иванъ Йорданъ Кавалеръ*, коихъ я нашелъ въ пространномъ разговорѣ касательно того, какимъ образомъ надлежало принять вышеупомянутаго *Сира Карла Грандиссона*: но поелику сіе нимало не принадлежало до того, для чего я былъ призванъ; то мнѣ и не приказано было оное писать.

А дабы не упустить ни единого слова изъ всего происшествія, то оставили меня въ большомъ кабинетѣ, примыкающемъ къ залу, и отдѣляющимся одною тонкою перегородкою; опасаясь же чтобъ *Сиръ Карлъ* не воспротивился исполненію моею дѣла, приказано мнѣ скрываться до того времени, пока мнѣ будетъ повѣлено показаться, и писать все то, что я ни услышу съ толикою точностію и вѣрностію, чтобъ въ случаѣ могъ я утвердить оное и присягою.

Въ половинѣ десятаго часу, я услышалъ голосъ Г. *Багенгалля*, которой, съ восклицаніемъ радости и удивленія сопровождаемомъ бранью, сказалъ, что *Сиръ Карлъ* пріѣхалъ. Въ то же самое время лакѣй вошедши въ горницу доложилъ о *Сиръ Карлѣ Грандиссонѣ*. Тогда находившіеся въ залѣ четыре *Кавалера* разговаривали между собою съ великимъ жаромъ; но въ такомъ смятеніи я ничего не могъ понять, кромѣ слѣдующаго: *Сиръ Гарграфъ* сказалъ: подайте мнѣ сіи два пистолета, и прикажите ему слѣдовать за мною въ садъ. Какъ бы онъ ни былъ надмѣнъ, но долженъ взять одинъ изъ оныхъ. Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ, Г. *Мерцеда*, коего голосъ тѣмъ лучше я могъ отличить, что онъ былъ Иностранецъ; нѣтъ, нѣтъ, не такимъ образомъ надлежитъ начинать. Другой голосъ, которой былъ Г. *Иорданъ*, сказалъ: *Сиръ Гарграфъ*, выслушаемъ сперва то, что будетъ говорить честной человѣкъ въ свою пользу. Случаи еще могутъ и послѣ къ тому повстрѣчаться. Г. *Багенгалль*, коего голосъ мнѣ совершенно былъ извѣстенъ, сказалъ: будь я проклятъ, еслии могу снести, когда *Сиръ Карлъ* лишится хотя единаго волоса при семь посѣщеніи. Чтобъ васъ всѣхъ чортъ побралъ, сказалъ *Сиръ Гарграфъ*: какой же я долженъ опасаться укоризны, когда предлагаю ему пистолетной выборъ? Какъ! въ собственномъ вашемъ садѣ? возразилъ Г. *Мерцеда*. Прекрасное произшествіе! Развѣ чортъ тутъ вступится, еслии онъ отречется теперь удовольствовать тебя, какъ честный человѣкъ въ какомъ нисть другомъ мѣстѣ.

И такъ прикажите ему сюда войти, сказалъ *Сиръ Гарграфъ*, и да смутится его твердость! Тогда я увидѣлъ, сквозь небольшую щелку перегородки, вошедшаго *Сира Карла*, коего видъ казался мнѣ весьма спокоенъ, онъ былъ въ черномъ платьѣ и при шпагѣ. Разговоръ въ то же время начался слѣдующимъ образомъ.

С. К. Вашъ покорный слуга, *Сиръ Гарграфъ*. Государи мои, вашъ покорный слуга.

Г. Б. Равно и мы ваши, *Сиръ Карлъ*. Вы сдержали свое слово. Г. *Иорданъ*, Г. *Мерцеда*, вотъ *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*.

С. К. Г. *Мерцеда*. Мнѣ кажется, что сіе имя мнѣ знакомо. Не сочтете ли меня вольнымъ *Сиръ Гарграфъ*, что я назвался самъ собою съ вами завтракать?

С. Г. И очень.... да уже и не въ первой разъ вы принимаете противъ меня подобную вольность. Пришелъ ли кто нисть съ вами, Г. мой? Вы можете ему приказать войти сюда.

С. К. Со мной никого нѣтъ, Г. мой.

С. Г. Сіи три *Кавалера* мои друзья. Они весьма честные люди.

С. К. Я ихъ таковыми почитаю. Я имѣю такое мнѣніе о всѣхъ людяхъ до того времени, пока не подадутъ мнѣ причины думать о себѣ иначе.

С. Г. Но вы не воображайте себѣ, чтобъ они пришли сюда для того дабы васъ устроить.

С. К. Дабы меня устроить, *Сирь Гарграфъ!* Меня не легко можно устроить. Сии Кавалеры, говорите вы, ваши друзья; я пришелъ приумножить, но не уменьшить число друзей вашихъ.

С. Г. Что я слышу? Какъ? тотъ, которой лишилъ меня единого блаженства, какое имѣлъ я въ свѣтѣ! тотъ, которой жестокими своими преимуществами, оказанными надо мною, похитилъ у меня такую женщину, съ которой бы я теперь былъ благополученъ, и которой, не взирая на то, не хочеть оказать удовольствія приличнаго, Г. мой, честному человѣку? Но я увѣренъ, что вы пришли....

С. К. Съ вами завтракать, *Сирь Гарграфъ.* Не горячитесь, Г. мой. Я не намѣренъ не вовремя сердиться; но со мною не должно худо поступать.

С. Г. Хорошо, Г. мой, и такъ возьмите одинъ изъ сихъ двухъ пистолетовъ. Въ моей каретѣ мы поѣдемъ....

С. К. Мы никуда не поѣдемъ, *Сирь Гарграфъ.* Произшедшее между нами есть нечаянное приключеніе. Я не имѣю намѣренія взаимно васъ упрекать; но ссылаюсь въ томъ на собственное ваше сердце. Оно понудитъ васъ познать, что способъ, коимъ вы желали покорить подъ свою власть женщину, учинилъ васъ ея недостойнымъ. Я не получилъ надъ вами никакой выгоды. Отказъ учиненный мною вамъ касательно поединка, подаетъ мнѣ право почитать себя лучшимъ вашимъ другомъ.

С. Г. Лучшимъ моимъ другомъ, Г. мой!

С. К. Такъ, Г. мой, покрайней мѣрѣ, естли вы пожелаете, чтобъ я сохранилъ вашу жизнь, или пощадилъ бы васъ отъ долговременнаго разкаянія въ лишеніи жизни другаго. Словомъ, отъ васъ зависить, Г. мой, объявить мнѣ; горячность ли сильной вашей страсти учинила васъ виновнынъ въ семъ злодѣяніи, или произошло оно отъ врожденной склонности къ насилию? Единая причина можетъ теперь заставить васъ оправдать одно злодѣяніе другимъ.

С. Г. И такъ, почитайте меня, естли вы хотите за сущаго наглеца. Я мало уважаю мнѣніе такую человѣка, которой меня жестоко.... Я за себя отомщу, или погибну. Вы видите знаки, кои буду я носить даже до гроба?

С. К. Естлибъ я былъ равно вспыльчивъ, какъ вы, *Сирь Гарграфъ,* тогда носили бы вы ихъ до гроба; но не нося долгое время. Позавтракаемъ, Г. мой. Теченіе нѣкотораго времени можетъ прохладить кровь вашу. Когда бы я имѣлъ намѣреніе проникнуть ваши мысли, то гораздо бы для васъ было полезнѣе имѣть спокойнѣйшій духъ. Вы можете быть увѣрены, что я не стараюсь воспользоваться тою выгодою, которую бы могъ надъ вами получить въ вашемъ гнѣвѣ.

Г. Б. Нѣтъ ничего столь благороднаго. Позавтракаемъ, *Сирь Гарграфъ.* Вы лучше будете владѣть собою и способнѣе приступите къ изслѣдованію сего дѣла, равно какъ и всякаго другаго.

Г. М. Я равномѣрно того желаю: непріятель вашъ весьма благородной человекъ, *Сирь Гарграфъ*.

С. К. Я никогда и ничѣмъ непріателемъ не былъ, Г. *Мерцеда*. *Сирь Гарграфъ* долженъ бы былъ разсудить, что въ такомъ дѣлѣ, о коемъ онъ жалуется, вся хула обращается на него, и что я по нечаянности принужденъ былъ принять въ томъ участіе, безъ всякаго иннаго намѣренія, въ коемъ бы онъ могъ мнѣ укорять.

Т. *Йор*. Я не сумнѣваюсь, *Сирь Карлъ*, чтобъ вы не стали просить у него извиненія за то....

С. К. Извиненія, Г. мой! я ничего такого не сдѣлалъ, къ чемуъ не обязывалъ меня долгъ, а особливо въ такомъ случаѣ.....

С. Г. Видите ли, государи мои? Слышите ли? И вы требуете отъ меня терпѣнія!

С. К. По справедливости, *Сирь Гарграфъ*, я бы имѣлъ весьма худое мнѣніе о тѣхъ, кои насъ слушаютъ, естлибъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, они отреклись отъ той помощи, которой отъ меня требовано: и я еще гораздо бы хуже думалъ, нежели сколько теперь о васъ думаю, *Сирь Гарграфъ*, естлибъ вы не подали своего покровительства въ такомъ же случаѣ, беззащитной дѣвицѣ. Но бесполезно повторять то, о чемъ, какъ мнѣ кажется, я вамъ уже писалъ.

С. Г. Естли вы почитаете себя честнымъ человекомъ, *Кавалеръ Грандиссонъ*, то выберите одинъ изъ сихъ пистолетовъ. Я того требую, и болѣе не изьясняйтесь.

С. К. Въ качествѣ то честнаго человекъ, *Сирь Гарграфъ*, я и отвергаю еще ваше предложеніе. Я имѣлъ бы право принять на себя оскорбительный видъ, коего я желаю избѣгнуть, естлибъ напомнилъ вамъ, что при первой нашей встрѣчѣ вы видѣли доказательства тому, что я не имѣю недостатка въ бодрости; но теперь я хочу показать вамъ еще сильнѣйшій доводъ оной, отрекался отъ смертоубійственнаго вашего поединка. Я умѣю наказывать личное оскорбленіе; я умѣю защищать честь и жизнь мою: но еще повторяю, я не хочу говорить о томъ, что вы уже читали въ письмѣ моемъ.

Г. М. Но, *Сирь Карлъ*, и въ самомъ вашемъ письмѣ, естли мы совершенно поняли смыслъ онаго, вы угрожали употребить противъ честнаго человекъ такія орудія, которыя не обычайны честнымъ людямъ, и не взирая на то, вы не хотите....

С. К. Знайте, Г. мой, что тотъ, которой желалъ бы меня оскорбить, могъ бы оное учинять, хотя не безъ наказанія, по крайней мѣрѣ тѣмъ съ большею надеждою могъ бы онъ положиться, что я не лишилъ бы его жизни, естлибъ мнѣ только можно было того избѣгнуть. Я умѣю играть моими оружіями, Г. мой; въ семъ я смѣю приписать себѣ похвалу, но я никогда не люблю играть жизнію другаго человекъ, ни моею.

С. Г. Къ чорту съ такимъ хладнокровіемъ, Г. мой. Я не могу терпѣть....

С. К. Говорите лучше о томъ, что составляетъ вашу безопасность, *Сиръ Гарграфъ*.

Г. *Йор*. По истиннѣ, *Сиръ Карлъ*, вотъ виды такой превосходности, которой бы я не въ состояніи былъ снести.

С. К. Это болѣе, нежели виды, Г. *Йорданъ*. Тотъ, которой желаетъ оправдать одно насиліе другимъ, подаетъ надъ собою право совершеннаго превосходства.... Пусть *Сиръ Гарграфъ* познаетъ свою погрѣшность; то я открою ему къ тому путь, честнѣйшими средствами, коихъ бы онъ желалъ по учиненіи злодѣянія, и я предлагаю ему свою руку.

С. Г. Несносная обида! Какъ! чтобъ я слышалъ укоризны отъ такого человѣка, которой вышибъ у меня зубы безъ всякой причины, и которой привелъ меня въ такое состояніе.... Вы тому свидѣтели, государи мои.... И вы требуете отъ меня терпѣнія!

С. К. Я не намѣренъ былъ причинить вамъ нималѣйшаго зла, коимъ вы жалуетесь. Я не обнажалъ моей шпаги, дабы возвратить вамъ тотъ ударъ, которой хотя легко коснулся до моего плеча, но которой угрожалъ мнѣ смертію. Я старался токмо избѣжать того зла, коего не желалъ вамъ причинить. Вотъ настоящее дѣло; а случай дѣйствительно не позволялъ честному человѣку отъ того отречься. Теперь же, Г. мой, я пришелъ къ вамъ по собственному моему желанію, и при томъ одинъ, дабы дать вамъ знать что я всегда одинакое имѣю разположеніе, чтобъ не причинять вамъ ни какого оскорбленія. Вотъ, государи мои, по чему я беру преимущество надъ *Сиромъ Гарграфомъ*, поступая такъ, какъ того желаю.

Г. Б. Клянусь честію, вотъ благородныя рѣчи.

Г. *Йор*. Я признаюсь, *Сиръ Гарграфъ*, что таковыя чувствованія внушаютъ во мнѣ уваженіе.

С. Г. Будь я проклятъ, естьль ему прощу сіе до тѣхъ поръ, пока буду носить омерзительныя сіи знаки! Возмите одинъ изъ сихъ пистолетовъ, Г. мой; они равно заряжены. Вы же, государи мои, будьте свидѣтелями, что естьли онъ поразитъ пулею мое сердце, то я ему прощаю моею смертію; естьли я умру, то буду знать, что самъ навлекъ на себя таковой жребій; но я хочу умереть честнымъ человѣкомъ.

С. К. Дабы умереть честнымъ человѣкомъ, Г. мой, то надлежало бы и въ жизни быть таковымъ; надобно имѣть хорошую причину къ такому защищенію.

С. Г. [Вставши со стула.] весьма бесполезно препровождать время въ такихъ бѣздѣлицахъ. Вы имѣете при себѣ шпагу, Г. мой, окажите мнѣ единое удовольствіе сойти вмѣстѣ со мною въ мой садъ. Друзья мои не выдутъ изъ сей горницы, а могутъ, естьли пожелаютъ, смотрѣть на насъ

изъ окна. Если вы падете, то всѣ слѣдствія такого приключенія обратятся на меня, что убилъ челоѣка къ моему дому, если же я, то вы будете имѣть свидѣтелями моихъ друзей для своего оправданія.

С. К. Я также встаю, Г. мой, но не для чего иного, какъ для того, чтобъ подать вамъ руку. Если вы и желаете мнѣ зла, но я вамъ никакого не желаю. Предложеніе, которое я вамъ представляю, не долженствуетъ вторично быть отвергнуто. Я произвольно пришелъ съ вами завтракать, но вы можете пожаловать ко мнѣ съ своими друзьями отобѣдать. Уже время, которое я былъ намѣренъ препроводить здѣсь, [смотря на свои часы] уже проходитъ.

Г. Iор. Его спокойствіе приводитъ меня въ смущеніе. Какая сила и бодрость въ душѣ его! Клянусь вамъ, *Сиръ Гарграфъ*, вы должны употребить все ваше стараніе, дабы сыскать какой нибудь другой способъ къ примиренію съ толь благороднымъ противникомъ.

Г. М. Оно также меня плѣняетъ. Будь я проклятъ, еслибъ я не предпочелъ, дружбу *Сира Карла Грандиссона* дружбѣ самаго величайшаго въ свѣтѣ Государя.

Г. Б. Я вамъ говорилъ, государи мой, что онъ и во мнѣ произвелъ подобныя же впечатленія въ тѣхъ первыхъ двухъ разговорахъ, которые я съ нимъ имѣлъ.

С. Г. [Говоря такимъ голосомъ, въ коемъ я примѣтилъ смущеніе.] Какъ! я останусь убѣжденнымъ.... *Грандиссонъ!* вы должны сойти со мною. Вы должны, я то повторяю. Я хочу представить вамъ предложеніе. Вы властны или ихъ принять или оказать мнѣ удовольствіе, приличное честному челоѣку; но мнѣ надлежитъ съ вами поговорить на единѣ въ саду.

С. К. Я съ охотою иду въ первомъ изъ сихъ двухъ намѣреній. Покажите мнѣ дорогу, *Сиръ Гарграфъ*.

Трое свидѣтелей хотѣли было тому воспротивиться; но *Сиръ Карлъ* сказалъ имъ, что онъ дѣлаетъ сіе изъ угожденія *Сирю Гарграфу*, потомъ онъ съ нимъ сошелъ. Тогда писецъ, по приказанію Г. *Багенгалля* вошелъ въ горницу и сталъ у окна. Вскорѣ онъ увидѣлъ *Сира Карла* и *Сира Гарграфа*, идущихъ нескорымъ шагомъ и разговаривающихъ съ пылкостью. Нѣкоторыя слова, слышанныя по временамъ, доказывали, что одинъ представлялъ нѣкія предложенія, на кои другой не соглашался. Они взошли на зеленый дернъ четверугольникомъ разположенный; и тамъ, *Сиръ Гарграфъ* вдругъ выхватилъ шпагу, и по движеніямъ его, казалось, понудилъ *Сира Карла* также обнажить свою. *Сиръ Карлъ* стоялъ опустя лѣвую руку въ низъ, а правую наложилъ на шпагу, потомъ подошелъ къ своему противнику, которой тотчасъ сталъ въ порядокъ, и которой, казалось, продолжалъ неотступныя свои прозбы. Онъ приклонилъ нѣсколько въ низъ лѣвой рукою шпагу *Сира Гарграфа*, и въ такомъ положеніи онъ произнесъ нѣсколько словъ, коихъ

писецъ не могъ хорошо разслушать. Но по стремительному движенію, которое *Сиръ Гарграфъ* учинилъ отступя назадъ съ видомъ чрезвычайнаго гнѣва; *Сиръ Карлъ* выхвативъ свою шпагу, наложилъ ее на крестъ той, которая ему угрожала, и гораздо проворнѣе, нежели писецъ могъ то увидѣть, она проскользнула между рукъ *Сира Гарграфа*. Она отскочила отъ нихъ на нѣсколько шаговъ, а *Грандиссонъ* наступилъ на нее ногою, между тѣмъ какъ клалъ свою въ ножны. Потомъ, вложивши ее, онъ подошелъ къ *Сиру Гарграфу*, которой находился на томъ дернѣ, и держалъ кулакъ у лба. Онъ ему сказалъ нѣсколько словъ съ весьма пріятнымъ и учтивымъ видомъ, и взявши его подъ правую руку, онъ отдалъ ему шпагу въ ту же руку. *Сиръ Гарграфъ* поднялъ другую руку съ пылкимъ движеніемъ; но онъ позволилъ вести себя къ дому безъ всякаго супротивленія и какъ будто бы былъ убѣжденъ поведеніемъ и словами *Сира Каріа*, держанъ будучи все подъ руку и неся въ той же рукѣ шпагу. При семъ писецъ удалился на прежнее свое мѣсто.

С. Г. [Входя въ горницу и бросаю свою шпагу на подъ.] Сей человекъ, государи мои, сей *Сиръ Карлъ*, сущей дьяволь, онъ изъ меня сдѣлалъ настоящаго младенца. Однако онъ имѣлъ еще смѣлость мнѣ сказать, что онъ не хочетъ принимать участія въ моихъ пользахъ въ такомъ дѣлѣ, кое можетъ составить мое благополучіе! естли онъ будетъ моимъ другомъ въ семъ единомъ дѣлѣ, то я ему все прочее прощаю.

С. К. *Миссъ Биронъ*, *Сиръ Гарграфъ*, должна имѣть власть надъ своими склонностями. Я не пріобрѣлъ никакого права надъ склонностями *Миссъ Биронъ*. Она имѣетъ изящныя качества; но вы признаетесь, что сердце не лъзя къ себѣ привлечь страхомъ. Я васъ увѣряю, что мы трепетали о ея жизни. Всѣ старанія сестры моя и искуснаго лѣкаря, едва могли способствовать ея облегченію.

С. Г. Самой неупросимой человекъ! Но вы по крайней мѣрѣ нимало не воспротивитесь моему желанію съ нею видѣться. Она узнаетъ, что я ради ее претерпѣлъ. Какже могу я вамъ то простить? Естли я не возмогу ее преклонить, то сіи знаки будутъ дѣломъ рукъ ея; но я перестану почитать ихъ вашими. Нимало не помышляя ее устрашить, я хочу покуситься, не получили я ея ко мнѣ сожалѣнія. Ей лучше всѣхъ извѣстно, до какой степени простиралъ я мою воздержность въ то время, когда она была въ моей власти. Единое мое намѣреніе, клянусь всемъ тѣмъ что ниестъ на свѣтѣ священнаго, состояло въ томъ, дабы учинишь ее *Миладію Поллексфснъ*. Я видѣлъ у нея столько любовниковъ, сколько есть мужчинъ ее знающихъ; я не могъ снести такого зрѣлища. Вы же, *Сиръ Карлъ*, естли желаете послужить мнѣ другомъ, то я еще не буду отчаяваться, чтобъ съ толь нѣжною любовію и неограниченными предложеніями, не могъ я получить ея сердца.

С. К. Я не могу обѣщать вамъ такой услуги. Всѣ ближніе сродственники *Миссъ Биронъ* положились въ семъ выборѣ на самое ея,

кто же может лишить ее сего права? Я повторяю то, что уже вамъ сказалъ въ саду, когда вы отъ меня требовали сего договора: *Миссъ Биронъ* не должна желать быть вашею супругою; и какъ для вашей пользы, такъ и для ея, вы не должны желать, чтобъ она когда ниестъ была вашею супругою. Итакъ, *Сиръ Гарграфъ*, рассмотрите все сіе основательнѣе; помышляйте о какой ниестъ другой особѣ, еслии вы намѣрены жениться. Вашъ видъ....

С. Г. Чортъ меня возми.... мой видъ теперь весьма пленителенъ.

С. К. Знатное ваше имѣніе гораздо болѣе составитъ вамъ благополучія съ другою женщиною. Чтожъ касается до меня то искренно вамъ признаюсь, что я отрекся бы отъ первой въ свѣтѣ Принцессы, еслиибъ узналъ, что она не болѣе имѣетъ ко мнѣ любви, какъ и ко всѣмъ прочимъ, хотябъ я почиталъ себя ея достойнымъ или нѣтъ.

С. Г. Нѣтъ ли въ семь совѣтѣ какого ниестъ пристрастія? Не имѣете ли вы для себя какого ниестъ намѣренія? Я требую о томъ чистосердечнаго признанія!

С. К. Я презиралъ бы самага себя до чрезвычайности, еслиибъ, подая совѣтъ, не помышлялъ единственно о пользѣ того, которой отъ меня онаго требуетъ, безъ всякой себѣ выгоды.

При семь приказано подавать завтракъ, и приходъ служителей помѣшалъ писцу продолжать свое дѣло. Три друга *Сира Гарграфа*, коихъ удивленіе, казалось, ежеминутно возрастало къ *Сиру Карлу*, по временамъ предлагали ему различные вопросы о главныхъ правилахъ той величественной души, которая ихъ пленила въ его свойствѣ, а особливо о отвратительныхъ его причинахъ къ поединкамъ. Онъ удовлетворилъ ихъ желаніе съ толикою же твердостію въ своихъ доказательствахъ, какъ благородствомъ и учтивостію въ своихъ поступкахъ. По окончаніи завтрака, Г. *Багенгалль* подошедши къ дверямъ кабинета далъ знать писцу, чтобъ онъ продолжалъ писать.

Г. *Йор*. Я смѣю сказать *Сиру Карлу*, что толико удивленія достойной разговоръ, будетъ для меня весьма полезенъ.

С. Г. Очень хорошо: а я повторю то, что единственно меня трогаетъ. *Миссъ Биронъ* должна быть моею супругою. Я безъ нея не могу жить, и надѣюсь, что препятствія не произойдутъ уже болѣе отъ *Сира Карла*.

С. К. *Миссъ Биронъ* совершенную имѣетъ власть надъ собою. Я почелъ бы за великое удовольствіе, государи мои, еслиибъ вы когда ниестъ пожаловали ко мнѣ вмѣстѣ въ *Сент-Жамес-Скварь*.

Г. Б. Еще остается одно обстоятельство, о коемъ я думаю, государи мои, что весьма будетъ благоразумно увѣдомить *Сира Карла*. Вы знаете, *Сиръ Карль*, что въ сумнительныхъ случаяхъ, я приходилъ къ вамъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, которой писалъ наши два разговора. Таковая же опасность принудила меня испросить у *Сира Гарграфа*....

С. Г. Такъ, *Багенгалль*, и я тебя за оное проклинаю. Дѣло, отъ котораго я надѣялся разглашенія къ моей чести, обратилось въ славу *Сира Карла*. Какимъ же почитать меня теперь стануть?

Г. *Иор*. Я ничего не усматриваю о чемъ бы вы могли сожалѣть въ семъ случаѣ, или вы худо воспользовались благородными чувствами *Сира Карла*.

С. К. И такъ, что такое, Г. *Багенгалль*.

Г. Б. Я испросилъ отъ *Сира Гарграфа* позволеніе, чтобъ самый тотъ молодой человѣкъ, коего скромность была испытана, будучи весьма искусенъ въ сокращенныхъ примѣчаніяхъ своего промысла, писалъ все произойти могущее. Онъ находится теперь въ семъ кабинетѣ.

С. К. Я признаюсь вамъ искренно, что таковой образецъ кажется мнѣ весьма чрезвычайнымъ: но поелику не говорю никогда и ничего такого, чего не думаю: то собраніе моихъ рѣчей не могутъ для меня быть ужасны, когда память моя ничего мнѣ укоризны достойнаго не представляетъ.

Г. Б. Вы должны быть весьма довольны, *Сиръ Карль*. Ничего не произошло такого, какъ то *Сиръ Гарграфъ* увидитъ, чтобъ неотносилось къ вашей славы. Мы сами теперь раскаиваемся что употребили писца. Мы приказали ему писать все въ точности и истинную правду. Мы совершенно не надѣялись чтобъ сіе свиданіе столь мирно кончилось.

Г. *Иор*. Слава Богу, все благополучно окончилось!

Г. М. По истиннѣ, преблагополучно.

С. Г. Конечно такъ естли *Миссъ Биронъ* согласится изтребить изъ моей памяти сіи омерзительные знаки.

Г. Б. Г. *Котсъ*, дѣло ваше кончилось. Принесите все вами написанное.

Писецъ пришелъ. Тогда Г. *Багенгалль* спросилъ, желаютъ ли слушать написанное симъ человѣкомъ? *Сиръ Гарграфъ* клялся, что ничего не станетъ слушать, поелику игралъ весьма смѣшную ролю. *Сиръ Карль* сказалъ, что ему невозможно здѣсь долѣе остаться; но поелику разговоры всѣ были написаны, и уже былъ ему сообщенъ списокъ съ первыхъ двухъ, то онъ почелъ бы за великое удовольствіе имѣть у себя и третій, тѣмъ болѣе, что естли онъ усмотритъ во ономъ что ниестъ для себя укоризны достойнаго, то сіе можетъ мнѣ подать примѣръ къ тому разположенію, кое онъ имѣетъ осуждать самаго себя. Въ тожъ самое время приказано было писать съ рѣчей списокъ для *Сира Карла*, которой тогда разпростился, и *Сиръ Гарграфъ* съ тремя своими друзьями проводили его весьма учтиво.

Когда они возвратились въ ту же горницу, то съ нѣскольکو минутъ находились въ глубокомъ молчаніи, взирая другъ на друга, какъ будто бы каждой ожидалъ, кто начнетъ говорить. Но какъ скоро начади говорить; то всѣ стали превозносить похвалами *Сира Карла*, коего они называли

самымъ кротчайшимъ, учтивѣйшимъ, храбрѣйшимъ и благороднѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ. Впрочемъ правила его, сказали они, казались имъ весьма странными. Но *Сиръ Гарграфъ* впалъ въ глубочайшую задумчивость, отъ коей его друзья съ трудомъ могли: его избавить. Онъ имъ сказалъ, что вспоминая о всемъ произшедшемъ, онъ приходитъ въ великое смятеніе. Онъ поступалъ со мною такъ какъ съ дитятею, присовокупилъ онъ; но какоебъ обѣщаніе онъ отъ меня ни получилъ, однако я не могу быть спокоенъ до того времени, пока *Миссъ Биронъ* не будетъ *Миладію Поллексфенъ*.

Я ниже подписавшіися свидѣтельствую, что сіе повѣствованіе содержитъ въ себѣ сущую истинну, съ толикою же точностію какъ и справедливостію описанное.

Генрикъ Котсъ.

Продолженіе XXXII письма.

Между тѣмъ какъ *Г. Ревсъ* переписывалъ записъ писцову, *Сиръ Гарграфъ* пріѣхалъ, не подавши намъ ни малѣйшаго увѣдомленія о своемъ посещеніи. Сердце мое затрепетало, когда меня увѣдомили, что его коляска находилась у дверей. Онъ вошелъ. Я просила *Г.* и *Гжу. Ревсъ* его встрѣтить. Онъ съ великою покорностію просилъ у нихъ прощенія, о всѣхъ причиненныхъ имъ замѣшательствахъ. Онъ обвинялъ во всемъ томъ любовь: имя преданное на поруганіе, коимъ покрываютъ, въ обоихъ полахъ, всякія насилія, нескромности и глупости.

Я была тогда въ своей горницѣ. *Гжа. Ревсъ* пришедши предложила мнѣ сойти. Она увидѣла меня въ толикомъ ужасѣ, что въ ту же минуту возвратившись назадъ, просила *Сира Гарграфа*, не настоять въ намѣреніи сего дня со мною видѣться. Онъ клялся, что единое его намѣреніе, при семъ посѣщеніи, состоитъ въ томъ, дабы испросить у меня прощенія. Онъ не сумнѣвается, присовокупилъ онъ, чтобъ и въ другое время, его первое посѣщеніе не причинило мнѣ подобнаго сему движенія. И такъ въ семъ-то состояла та милость, коей онъ неотступно у меня просилъ не отлагать, и въ коей онъ также имѣлъ нѣкое право по причинѣ своихъ страданій; *Г. Ревсъ* ясно примѣтилъ, что онъ совершенно уже не былъ тотъ человѣкъ, какимъ прежде казался. Впрочемъ, присовокупилъ онъ еще, поелику онъ столь худо успѣлъ въ томъ удовольствіи, кое желалъ получить отъ *Сира Карла*: то долгъ требуетъ, чтобъ я ему подала возможность изтребовать у меня прощенія, какъ такую милость, которая можетъ совершенно его примирить съ своимъ противникомъ.

По сей причинѣ, какъ же могла бы я тому воспротивиться? Я сошла въ низъ съ трепетомъ. Не взирая на всѣ тѣ размышленія, по коимъ я приготовилась принять на себя видъ такого достоинства, которой

приличень оскорбленной дѣвицѣ, я не могла взирать на него входя въ залъ, и видѣть его ко мнѣ подходящаго, безъ ужаснаго движенія, которое принудило меня ухватиться за руки Г. *Ревса*. Взоры мои конечно изражали сіе впечатлѣніе. Естьлибъ *Сиръ Карлъ* при семъ находился, то предполагаю, что я равно бы и къ нему прибѣгла.

Дражайшая и обожанія достойная *Миссъ*, вкричалъ онъ подходя ко мнѣ. Колико сей ужасъ являетъ прелѣстей, и колико я усматриваю въ немъ справедливости! Но я простилъ и самыя жесточайшія обиды, присовокупилъ онъ, и показывая на ротъ свой. Вы знаете, что въ моихъ намѣреніяхъ заключалась единая честность.

Честность, Г. мой? Скажите лучше, жестокость и варварство. Какъ могли вы пожелать видѣть ту, съ коею вы столь мучительно поступили?

Я ссылаюсь въ томъ на самихъ васъ, сударыня. Учинилъ ли я хотя малѣйшую неблагопристойность? Чтожъ я получилъ отъ глупаго моего предпріятія, и отъ всего мною претерпѣннаго? постыдное уничиженіе....

Такъ, Г. мой, вы заслуживаете такого жребія. [Я произнося сіе едва имѣла дыханіе.] Чего вы отъ меня требуете, Г. мой? что значить сіе посѣщеніе? [Я едва понимала то, что говорила, и безпрестанно держалась за руки Г. *Ревса*.]

Я прошу у васъ милости, сударыня. По сей то единой причинѣ я сюда пришелъ. Я хочу изспросить у васъ прощенія. Я прошу у васъ онаго на коленахъ. [И сей злой человекъ преклонилъ одно колено.]

Встаньте, Г. мой. Не принимайте такого положенія предо мною. Вы поступили со иною варварски, вы меня изранили, вы привели меня А страхъ; а то, чего я никогда не забуду, Г. мой, вы ввергли меня въ опасность быть вашею женою!

При семъ онъ всталъ. *Въ опасность быть моею женою!* то есть сударыня, что я принялъ худое намѣреніе; я въ томъ согласенъ.

Сія часть моего отвѣта, дражайшая *Люція*, не кажется ли тебѣ чрезвычайно странною? Но воспоминаніе о претерпѣнномъ мною, и помощь, коею я избавилась, столь сильно представились мнѣ, что лишили меня всякаго разсужденія, когда я видѣла его стоящаго предо мною на коленахъ.

Вы видите, *Сиръ Гарграфъ*, возразила Гжа. *Ревсъ*, колико *Миссъ Биронъ* поражена ужасомъ. Успокойся, любезная моя [говоря мнѣ и взявъ меня за руки.] Ты трепещешь, любезная *Генріетта!* Вы видите, *Сиръ Гарграфъ*, въ какое привели вы ее состояніе столь нечаяннымъ посѣщеніемъ. Вы видите....

Я вижу, я вижу, сударыня, и прихожу отъ того въ отчаяніе. [При семъ всѣ сѣли.] Успокойтесь, дражайшая *Миссъ Биронъ*, и простите мнѣ мое преступленіе, я васъ въ томъ заклинаю.

Ахъ! Г. мой, я васъ прощаю.

Естьлибъ вы не столько ощущали колебаній, сударыня, естьлибъ ваше состояніе позволило мнѣ сказать вамъ то, чего наиболѣе желаю я отъ васъ; то я съ преданностію бы васъ просилъ....

Скажите, Г. мой, говорите, и чтобъ никогда....

Позвольте мнѣ, прервать вашу рѣчь, сударыня. Я столько страшусь сего *никогда*, что не могу дать вамъ оное окончить. Я желаю склонить васъ принять мои услуги. Я не болѣе требую отъ васъ снисхожденія, сколько будущее мое поведеніе...

Ваше поведеніе, Г. мой! но хотябъ вы учинились самымъ превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ, то я и тогда не соглашусь никогда....

Ахъ! Боже мой, дражайшая *Миссъ Биронъ*! [Прервавъ мою рѣчь вторично.] Онъ приносилъ тогда въ доказательство пылкую свою страсть, свое богатство, свои старанія: злодѣй! Не взирая на то его зубы, и обезображенной его ротъ, внушали во мнѣ къ нему по временамъ нѣкое чувствіе сожалѣнія. Онъ клялся что будетъ поступать по моему желанію во всѣхъ дѣяніяхъ своей жизни. Онъ обѣщался укрѣпить за мною половину своего имѣнія. Ненавистной етотъ человѣкъ говорилъ о дѣтяхъ, любезная моя, о раздѣленіи дѣтей. И онъ говорилъ съ толикимъ для себя удовольствіемъ, будто бы дѣло касалось до заключенія статей нашего брака.

Но по совершенію мною совершеннаго отказа на всѣ его представленія, онъ меня спросилъ, не произвелъ ли *Сиръ Карль*, какого ниестъ впечатлѣнія надъ моимъ сердцемъ? Я не знаю по какой причинѣ сей вопросъ раздражилъ меня до чрезвычайности, и я едва удостоила его отвѣтомъ. Теперь, я вижу, любезная моя, что я гораздо надмѣннѣе, нежели сколько себя таковою почитала. Дѣйствительно, сказала я ему, вы не имѣете никакого права требовать отъ меня отчета.... Конечно я не имѣю, сударыня, но я неотступно васъ прошу хотя единымъ словомъ меня о томъ увѣдомить. Есть ли *Сиръ Карль* объявилъ вамъ, что онъ старается приобрѣсти себѣ вашу благосклонность, то я не могу уже имѣть нисколько надежды.

Сиръ Карль, Г. мой, служилъ мнѣ, безъ всякаго пристрастія. *Сиръ Карль* не учинилъ мнѣ.... При семъ я остановилась, не знаю совершенно, для чего. Г. *Ревсъ* отвѣчалъ за меня, что *Сиръ Карль* не учинилъ мнѣ никакого объявленія. Ето самый благороднѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ, присовокупилъ онъ. Когда бы онъ и имѣлъ таковыя намѣренія, то я смѣю сказать, что онъ не въ состояніи былъ изъяснить ихъ, опасаясь умалить таковымъ объявленіемъ цѣну своихъ заслугъ. Сіе мнѣніе Г. *Ревса* чрезвычайно благоразумно. Кто же знаетъ, любезная моя, можетъ быть сіе размышленіе и дѣйствительно справедливо.

Его заслуги! справедливое Небо! возразилъ ненавистный сей человѣкъ. Сія надежда меня успокоиваетъ, и я вамъ объявляю, Г. *Ревсъ* что

еслибъ я не усмотрѣлъ въ *Кавалеръ Грандиссоне* приводящаго меня въ удивленіе достоинства, то наше дѣло не кончилось бы такъ, какъ оно теперь кажется.

Сиръ Гарграфъ, сказала ему *Гжа. Ревсъ*, позвольте мнѣ засвидѣтельствовать, что для всѣхъ тѣхъ, кои знаютъ изящной нравъ *Миссъ Биронъ*, нѣтъ никакой вѣроятности вообразать себѣ, чтобъ онъ когда ниестъ.... Милостивая государыня, простите меня, что я прерываю рѣчь вашу! но я не желаю ни отъ кого получать отказа, кромѣ ее самой. Не ужели чистосердечное раскаяніе не можетъ получить прощенія отъ столь добродѣтельной души, которую впрочемъ я иочитаю свободною, и ни въ какія обязательства не вступившею.

Я ему сказала, что уже не имѣю никакихъ болѣе объясненій, и весьма удивляюсь, что зная мои чувствованія прежде оказаннаго имъ мнѣ жестокаго оскорбленія могъ онъ имѣть хотя малѣйшую о успѣхѣ своего намѣренія надежду, по учиненіи толикаго злодѣянія. Онъ обвинялъ въ томъ сильную свою страсть, со всѣми тѣми видами, коими я уже была утомлена. Я увѣрена, *Люція*, что мнѣ невозможно, въ теченіе остальной моей жизни, слышать изъ устъ такого человѣка выраженія любви, страсти и прочихъ подобныхъ симъ ласкательствъ. Я присовокуплю въ двухъ словахъ, дабы исключить множество другихъ наглостей, гораздо подлѣйшихъ нежели всѣ похвалы *Г. Еврарда Грандиссона*, кои онъ изъяслялъ прося преимущества надъ *Г. Гревиллемъ*, *Г. Фенвичемъ* и *Г. Ормомъ* и что надѣясь рано или поздно возбудишь во мнѣ сожалѣніе своими страданіями, онъ ласкается, сказалъ онъ мнѣ, что прощеніе оказанное имъ такому человѣку, коимъ онъ наижесточайше былъ обиженъ во всей своей жизни возымѣетъ нѣкоторую силу надъ столь сострадательнымъ сердцемъ, какъ мое. Потомъ онъ весьма благородно съ нами распрощался. И я не желаю ему никакого зла, но не хочу его никогда видѣть.

Сіе письмо столь уже продолжительно, что я оставляю содержаніе моего произшествія для будущаго письма.

ПИСЬМО XXXIII.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

3 марта.

Я еще не успѣла ободриться отъ посещения *Сира Гарграфа*, какъ увидѣла пріѣхавшихъ *Милади Л...* и *Миссъ Грандиссонъ*, которыя не болѣе, сказали онѣ мнѣ, одной минуты у насъ пробудутъ; но сія пріятная минута продолжалась за два часа. *Миссъ Грандиссонъ* при первомъ взглядѣ примѣтила перемѣну на лицѣ моемъ. Она спрашивала у меня, и у *Гжи. Ревсъ*, отъ чего произошло такое измѣненіе лица, и что она

изъявляетъ, печаль или удовольствіе? Я искренно ей призналась, отъ кого имѣла посещение и въ благодарность, которую ощущала за вспоможеніе двоюродной моей сестры, я рассказала ей все между нами произшедшее. Обе сестры слушали насъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что ихъ брать видя ихъ беспокоящихся обстоятельно увѣдомиль ихъ, что дѣло уже рѣшено между *Сиромъ Гаргрфомъ* и имъ, но болѣе не имѣль онъ времени съ ними изъясниться.

Мнѣ надобно съ вами почитаться, сказала мнѣ *Миссъ Грандиссонъ*, взявъ меня за руку. Вы меня дѣлаете почти ревнивою. *Миладу Л...* взяла преимущество надо мною въ любви моего брата, но она моя старшая сестра. Пусть кто прежде пришелъ, тотъ и беретъ верхъ; я терпѣлива; но не хочу, чтобъ младшая моя сестра вдругъ замѣнила мое мѣсто.

Что значать сіи слова, подумала я сама въ себѣ? И я покраснѣла какъ глупая, наипаче видя, что она устремила свои взоры на мои, какъ будто бы желала проникнуть во внутренность моего сердца. Колеблемость чувствія, которая ежеминутно возрастала, изъвила во мнѣ такое смущеніе, какъ будто бы я почитала ея укоризну весьма важною. И такъ какое же мое состояніе, дражайшая *Люція*?

Шарлотта, сказала *Миладу Л...* усмѣхаясь, для чего приводитъ любезную нашу сестрицу въ такое смущеніе? и оборотясь ко мнѣ сказала: любезная моя, не слушайте ея рѣчей; вы со временемъ ее узнаете.

Развѣ вы не помолчите? сказала ей *Миссъ Грандиссонъ*. Будьте увѣрены что я узнаю ея тайну.

Да какую же тайну? спросила я ихъ. О *Миссъ Грандиссонъ*! какое принимаете вы удовольствіе приводитъ меня въ безпокойствіе?

Очень хорошо, очень хорошо, отвѣчала она мнѣ; я со временемъ изслѣдую всѣ сіи движенія. Я иногда стреляла въ кустъ, чтобъ выгнать зайца, но изъ онаго выбѣгало по два. Но ж теперъ упомяну токмо о нѣкоемъ извѣстіи или письмѣ, мои брать назваль его извѣстіемъ, которое принесено ему запечатанное, и за которое онъ щедро награда подателя, поспѣшилъ оное отослать къ вамъ, любезная моя *Генриетта*, не развертывая онаго; и въ семь-то мы весьма увѣрены. Естли мы претерпѣваемъ мученіе отъ его скрытности, то не въ состояніи снести оной отъ васъ. И такъ, пожалуйста, признайтесь искренно: что содержитъ въ себѣ сіе письмо или сія бумага?

Таковое объявленіе меня нѣсколько облегчило, я сказала ей чистосердечно, что ето было повѣствованіе о всемъ произшедшемъ въ весьма ужасномъ свиданіи, между *Сиромъ Карломъ* и *Сиромъ Гарграфомъ*. Она не преминула вторично покуситься, укоряя меня съ толь же важнымъ голосомъ, что я лишила ихъ любви ихъ брата, которой возымѣль ко мнѣ болѣе довѣренности, нежели къ нимъ, а я представляла имъ въ мое оправданіе, что таковое обстоятельство касалось единственно до меня: но приходъ незнакомаго человѣка съ

запискою, прервалъ наши разговоры. Етотъ человѣкъ присланъ былъ отъ *Милади Д...* которая свидѣтельствовала почтеніе Гжѣ. *Ревсъ* и *Миссъ Биронъ*, и которая приказала просить позволенія сдѣлать имъ на короткое время посѣщеніе, поелику не имѣя болѣе досугу остаться въ Лондонѣ, она рѣшилась не выѣзжать не увидѣвшись съ ними,

Не было никакого средства тому воспротивиться. Впрочемъ я еще находилась въ томъ смятеніи, въ кое ввергнулъ меня *Сиръ Гарграфъ*. *Миссъ Грандиссонъ* въ ту же минуту проникла причину сего посещенія; и я во всемъ призналась. Но будучи въ замѣшательствѣ, я ей сказала, что отвѣтъ мой уже учиненъ и что *Милади Д...* тщетно трудиться. По чему? спросила она меня. Знаете ли вы, что ея сынъ получаетъ двенадцать тысячъ фунтовъ Штерлинговъ ежегоднаго дохода? Сіе весьма мало меня трогаетъ, отвѣчала я. Я совершенно въ томъ ничего не понимаю, возразила она; и щитая по пальцамъ имена, *Орма*, *Фенвича*, *Гревилля*, *Фулера*, *Сира Гарграфа* и *Милорда Д...* ето уже шесть, естли я не обочлась; и нѣтъ ни одинаго человѣка изъ нихъ щастливаго! Отъ чего происходитъ таковое отвращеніе? Берегись отъ гордости своего паденія.

Скажи мнѣ, любезная *Люція*, что можно изъ сего разумѣть. Я ласкаюсь, что сестры *Сира Карла* не почитаютъ меня.... Но можетъ быть она говорила безъ всякаго умысла.

И такъ вы почитаете меня гордою? возразила я съ важнымъ и хладнокровнымъ видомъ, поелику Г. и Гжа. *Ревсъ* сказали мнѣ то послѣ, что они ето замѣтили. Естли вы оную имѣете! сказала она мнѣ, такъ, такъ, ето гордость, или что ниестъ хуже.

Я вторично тебя спрашиваю, любезная моя, что хотѣла при семъ сказать сія насмѣшница.... и что я хотѣла сказать сама? ибо въ сіе время слезы покатались изъ глазъ моихъ, и я чувствовала, что сердце мое весьма было поражено.

Между тѣмъ я спросила у двухъ сестеръ, знакома ли имъ *Графиня*? *Милади Л...* отвѣчала мнѣ, что она ее знаетъ съ давняго времени, и учинила мнѣ весьма хорошее изображеніе о ея свойствѣ, также и о *Милордѣ Д...* въ коемъ я ничего не усмотрѣла хулы достойнаго. *Миссъ Грандиссонъ* желала знать, какія бы были мои побудительныя причины къ отказу такому человѣку, каковъ онъ. Я ей сказала, что не могу болѣе слышать о мужчинахъ; что я возымѣла великое отвращеніе ко всему ихъ полу, и что обязана симъ *Сирю Гарграфу*, она совершенно ничему тому не вѣрила; и пріятныя ея мысли долгое время занимались тою переменною, которую она усматривала. Ея сестра желала ее отъ того удалить. Скорости вы окончите? сказала она ей; и оборотясь ко мнѣ, ахъ! любезная *Миссъ Биронъ*, вы ничего не получите отъ сего пустаго воображенія, хотябъ вся ея пылкость была къ тому употреблена; и естли вы имѣете тайну, то самое лучшее средство есть увѣдомить ее о томъ скорѣе. Не взирая на то, *Шарлотта* весьма великодушная дѣвица, хотя иногда, такъ

какъ въ семь случаѣ, любопытство ея превосходитъ границы благопристойности.

Еще повторяю, дражайшая *Люція*, что хотятъ сказать сіи двѣ сестры? Я усматриваю то съ удивленіемъ. Не подозрѣваютъ ли онѣ меня къ кому ниестъ въ любви? Мнѣ кажется что, будучи столь великодушны, имъ не должноствовало бы поступать такимъ образомъ, когда онѣ почитаютъ меня свободною, и когда знаютъ что ихъ сумнѣнія должны клониться на ихъ брата. Но сколь ихъ проницаніе не велико, однако онѣ не могутъ въ тонкость оное проникнуть. Чего не согласилась бы я лишиться, естлибъ могла узнать, любилъ ли когда ниестъ и кого нибудь *Сиръ Карль*?

Прибытіе *Графини* принудило насъ перемѣнить нашъ разговоръ. Сей госпожѣ отъ роду сорокъ пятой годъ въ фізіономіи ея изъяслялось великое благородство и милость. По оказаніи нѣсколькихъ отличныхъ учтивостей о славѣ, которую она мнѣ приписывала, и о побужденіи, которое она имѣла увѣриться лично о всемъ ею обо мнѣ слышанномъ, она сказала мнѣ нѣсколько словъ о *Гжѣ Сельби*, и о письмѣ, коего она съ нетерпѣливостію ожидала, изъ чего я ясно усмотрѣла, что моя тетушка совершенно ее не увѣдомляла о моемъ отвѣтѣ. Минуту спустя, она наклонилась къ *Милади Л...* которая сидѣла подлѣ ее; и взявъ ее за руку, она съ нѣсколько минутъ говорила ей на ухо. *Милади Л...* отвѣчала ей токмо, *нѣтъ, сударыня*. При семъ *Графиня* сказала, что она весьма тому рада. Я нимало не опасаюсь, присовокупила она, по довѣренности открыть тайну такой пріятельницѣ, какъ вы.

Ахъ! любезная моя, она спрашивала у *Милади Л...*, я весьма въ томъ увѣрена, не относится ли имя сестры, какъ она слышала, когда *Миссъ Грандиссонъ* меня называла, къ какому ниестъ намѣренію ея брата; а веселой и ласковой видѣ, которой потомъ она на себя приняла говоря съ *Гжею*. *Ревсъ* и мною, увѣрялъ меня еще болѣе, что послѣ сего изъясненія ей не оставалось никакого сумнѣнія, чтобъ я не принадлежала ея сыну, безъ всякаго препятствія со стороны *Сира Карла*. Нѣтъ въ семь никакой подлости, любезная *Люція*! сколь бы чрезвычайнымъ удивленіемъ ни была я исполнена къ кому нибудь такому, коего я почитаю того достойнымъ, но сіи превосходныя сестры никогда не увидятъ меня объятою *безнадежной страстію*.

Графиня взявъ меня за руку просила на минуту поговорить съ ней на единѣ, и мы подошли къ окну. Она говорила мнѣ весьма пространно о письмѣ, что она ни мало не сумнѣвается чтобъ *Гжа Сельби* не сообщила мнѣ онаго; и не давъ мнѣ времени отвѣчать, она начала говорить съ чрезвычайною благосклонностію о всѣхъ предполагаемыхъ ею во мнѣ качествахъ, коихъ подтверженіе она усматривала въ моихъ рѣчахъ и моемъ видѣ. Я всячески усиливалась изъясниться на ея представленія; но предаваясь всегда ея предупрежденіямъ, и принимая нѣкоторыя учтивыя обороты, въ коихъ она меня всегда содержала, по причинѣ

замѣшательства такой молодой особы, которая не осмѣливается признаться въ томъ, чего наиболѣе желаетъ, она держа меня за руку подвела къ собранію, повторяя мнѣ, что она довольно насмотрѣлась, и что полагается на отвѣтъ, коего ожидаетъ отъ моей тетушки.

Безъ сумнѣнія благосклонный ея видъ, благородныя и ласковыя ея обхожденія, пылкое и естественное израженіе ея чувствованій въ столь краткомъ разговорѣ, чрезвычайную внушили во мнѣ къ ней склонность. Колико бы я была щастлива, подумала я сама въ себѣ, естлибъ могла имѣть такую мать, не учинясь женою ея сына. Но должна ли я отказаться съ нимъ видѣться, естли требуютъ отъ меня свиданія? наипаче когда *Милади*, какъ кажется, желала увѣрить *Графиню*, что другой не имѣетъ нималѣйшаго намѣренія.... По истиннѣ, я не желаю, чтобъ сей другой.... по крайней мѣрѣ, естли.... я дѣйствительно не знаю, любезная моя *Люція*, что я хотѣла присовокупить; но я покорно тебя прошу совершенно увѣрить тѣхъ, кои принимаютъ въ моемъ жребіи участіе, что они никогда не увидятъ меня объятою безнадежною страстію. Нѣтъ, клянусь моею честію, нѣтъ. Они могутъ быть въ томъ удостовѣрены.

Но позволь мнѣ предложить тебѣ вопросъ, любезная *Люція*, вопросъ дѣтской, я его такимъ почитаю и тебѣ, которая имѣла пленѣнное сердце, такъ какъ ты мнѣ сама въ томъ призналась, но отъ сего плѣна щастливо освобожденное. Я сама себя съ нѣкотораго времени примѣчаю привыкшею употреблять извѣстныя слова, какъ на примѣрѣ, другой, нѣкто, онъ, тотъ, вмѣсто того, чтобъ прямо писать, какъ я то дѣлала, *Сирь Карлъ*, или *Кавалеръ Грандиссонъ*, которыя слова гораздо прнличнѣе, хотя по истиннѣ я говорю съ разсужденіемъ для такого человѣка, которой заслуживаетъ уваженіе отъ всего свѣта. Чтожь я хотѣла тебѣ объявить? Не знакъ ли это?.... Ахъ, *Люція*! ты угрожала меня проникнуть въ мои мысля, и не говорила ли я тебѣ, что сама открывать буду тебѣ оныя? Я была чистосердечна, ты можешь безъ труда тому повѣрить, видя что столь легкомысленные признаки не могутъ произойти отъ меня. Но естли ты почтешь ихъ нѣсколько излишними; то не подвергай меня опасности, любезная моя, умолчи о нихъ передъ любезнымъ мнѣ семействомъ; они изъявлять слабость въ глазахъ однихъ; они пріобрѣтутъ снисхожденіе отъ другихъ, поелику усмотрятъ въ томъ чистосердечіе. Меня конечно почли бы виновною, естлибъ я къ тебѣ писала особенно, но я ничего не имѣю въ сердце такого, чегобъ не готова была.... я хотѣла сказать, въ чемъ бы мнѣ было стыдно признаться; но я иногда думаю, что весьма мало заслуживаю стыда изъ всего того, что къ тебѣ ни пишу. Ахъ! любезная *Люція*, не говори мнѣ, чтобъ она была справедлива.

Разговоръ обратился на *Сира Карла*, о коемъ *Милади Д...* знала токмо по слуху, и котораго дружбы страстно желала, безъ всякаго соучастія, сказала она, поелику не имѣетъ дочери. Потомъ воспоминая

по видимому о нѣкоторыхъ словахъ, коими я усиливалась изъяснить ей истинныя мои разположенія, она мнѣ сказала на ухо, взирая на то, я надѣюсь, любезная моя, что вы не воспротивитесь моимъ желаніямъ. Вы мнѣ не отвѣчаете. Знаете ли вы, что матери не любятъ неизвѣстностей? Вамъ неизвѣстна моя нетерпѣливость, я ей отвѣчала, что мнѣ весьма многого стоило, дабы удалиться отъ такого предложенія, которое могло бы меня съ нею соединить гораздо тѣснѣе. Какъ! любезная моя, возразила она, развѣ качество дочери внушаетъ въ насъ такую скрытность? Я увѣрена, что вы неспособны къ такимъ притворствамъ. Разсудите, что мы дѣло имѣемъ между женщинами, и между дочерью съ матерью. Вы конечно презираете тщетныя такія обряды.

По томъ она вдругъ обратилась къ собранію. Нѣтъ ничего теперь для меня сумнительнаго. Не знаетъ ли кто изъ васъ, не занято ли кѣмъ ниестъ, сердце *Миссъ Биронъ*? Позвольте мнѣ отнестись къ вамъ, *Миссъ Грандиссонъ*. Молодые особы обыкновенно между собою открываются. Не знаете ли вы какого ниестъ человѣка, въ пользу коегобъ *Миссъ Биронъ* была предупреждена? Тетка ея *Сельби* писала ко мнѣ, что она совершенно ничего не знаетъ о ея склонности.

Миссъ Грандиссонъ отвѣчала, что часто молодые особы и сами ничего не знаютъ о разположеніяхъ своего сердца. Она обратясь ко мнѣ сказала: говори, любезная моя сестрица *Генриетта*, отвѣчай за самое себя.

Не жестоко ли это, любезная *Люція*? Однако для чегожъ не могу я отвѣчать безъ замѣшательства? Но чрезвычайное снисхожденіе *Графини*.... и могу сказать, что такая презрительная злость сего *Гарграфа*.... По истиннѣ, послѣ претерпѣннаго мною отъ него жестокаго поступка, я уже не познаю болѣе саму себя.

Наконецъ сказала я, будьте увѣрены, сударыня, что моя тетушка вамъ не объявила истинны. Весьма было бы не благоразумно сказать, что я отрекаюсь отъ брака, поелику я всегда сохраняла глубокое почтеніе къ сему состоянію: но со мною нечаянно случились такія прискорбія, кои возбудили во мнѣ отвращеніе ко всѣмъ мужчинамъ.

Ко всѣмъ мужчинамъ! возразила *Графиня*. Я познаю токмо въ слабыхъ душахъ множество такихъ склонностей, кои совершенно неприличны вашей душѣ. Въ малолѣтнемъ моемъ пребываніи въ Лондонѣ, мнѣ случилось слышать, что вы имѣете причину жаловаться на *Сира Гарграфа Поллексфена*; ибо я чувствовала великое удовольствіе разговаривать о васъ: но я ничего иннаго не усматривала въ семъ маломъ нещастіи, кромѣ подтвержденія вашего достоинства. Что должно, подумать о такой женщинѣ, которая возымѣла отвращеніе ко всему мужскому полу, за одного человѣка?

Наконецъ *Графиня*, будучи побуждаема приготовленіями къ своему отъѣзду, разпрощалась съ нами въ шесть часовъ, повторяя мнѣ, что она полагается въ томъ на отвѣтъ *Гжи. Сельби*, которая отдастъ ей

справедливой отчетъ о моихъ чувствованіяхъ, и что, обѣщаясь возвратиться въ Лондонъ для препровожденія остальнаго зимняго времени, она приложитъ всѣ свои старанія къ тому, чего болѣе всего въ свѣтѣ желаетъ.

Миссъ Грандиссонъ весьма чувствительно укоряла меня въ молчаніи, касательно писемъ моего тетки. Я чрезвычайно была терзаема тѣми прискорбіями, кои не оставляли мнѣ ни единой минуты покоя, и между коими я почитала за новое смущеніе, безпокоящія меня предложенія *Графини*.

Меня не менѣе упрекали и въ томъ своенравіи, которое учинило меня нечувствительною ко всѣмъ ея предложеніямъ. Между тѣмъ *Милади Л...* сказала, теперь, когда *Миссъ Биронъ* видѣлась съ *Графиней Д...* и когда она начинаетъ; продолжала *Миссъ Грандиссонъ* язвительно, забывая жестокіе поступки *Сира Гарграфа*; то можетъ перемѣнить прежнее свое разположеніе.

Скажи, *Люція*, скажите, любезная моя тетюшка, не имѣли ли вы при семъ обо мнѣ состраданія? Я вамъ признаюсь, что сія злость весьма показалась мнѣ жестокою. Мысли мои, отвѣчала я благосклонно, исполнены были насиліемъ *Сира Гарграфа*, и опасностію пагубныхъ слѣдствій, могущихъ воспослѣдовать за тѣмъ великодушнымъ покровительствомъ, которое я почитала. Нѣкоторые честные люди меня весьма уже утомили неотступными своими требованіями, такъ на примѣръ: *Г. Ормъ* и *Г. Ролландъ Мередитъ*, также *Г. Гревиль* и *Г. Фенвичъ*, о коихъ я не весьма хорошее имѣю мнѣніе. Колико бы я желала имѣть хотя нѣсколько свободнаго времени къ отдохновенію, и къ собранію разсѣянныхъ моихъ мыслей; тогда усмотрѣла бы я себя въ состояніи представлять новыя предложенія самой себѣ, моимъ друзьямъ, и чрезъ особу весьма отличнаго достоинства. Вы не должны удивляться, сударыня, что мнѣ не весьма легко подать вамъ вдругъ причины моего отказа, хотя оный дѣйствительно происходитъ отъ искренности моего сердца.

Онѣ ясно примѣтили что ихъ шутки приводили меня въ великую печаль. Доброе ихъ свойство обращено было къ другимъ предмѣтамъ, и когда прощались со мною съ обыкновенными своими ласками, то, казалось, ощущали великое удовольствіе отъ своею посѣщеній.

Разсуждая о всемъ случившемся со мною, мнѣ кажется, любезные мои друзья, что уже время изъяснить вамъ гораздо обстоятельнѣе мое положеніе, дабы вы были въ состояніи вспомошествовать мнѣ своими наставленіями и совѣтами; ибо увѣряю васъ, что я нахожусь какъ бы въ нѣкоей пустынѣ. Пожалуй, любезная *Люція*, увѣдомъ меня... но сіе не можетъ происходить отъ любви! Я весьма въ томъ увѣрена. Сіе также не происходитъ отъ зависти; хотя будучи чрезвычайно обязана, я еще ощущаю ту власть, которую берутъ надо мною сіи двѣ любвидостойныя

сестры, ахъ! нѣтъ! зависть весьма подлая страсть, которая никогда не будетъ существовать въ моемъ сердце, естлижъ ето гордость? то гордость есть такой порокъ, которой производитъ обыкновенно какое ниесть пораженіе, а вы совершенно почитаете меня гордою, или надмѣнною, по крайней мѣрѣ по своей дружбѣ; но я думаю что сію гордость, или надмѣнность, должна составлять часть моя благодарности.

Я чрезвычайно бы желала быть съ тобою, дражайшая моя *Люція!* Я предложила бы тебѣ великое множество вопросовъ. Колеблущееся мое сердце успокоилось бы въ твоихъ недрахъ. Оно получило бы орудія изъ отвѣтовъ твоихъ, противъ излишней чувствительности. Но къ стати мнѣ пришло на мысль, какъ я отъ тебя при нѣкоторомъ случаѣ слыхала, что ты находишь облегченіе въ воздыханіи? Ето по истиннѣ весьма важной вопросъ, любезная моя. Не говорила ли ты мнѣ, что вздохи бываютъ сопровождаемы нѣкоторою пріятностію, хотя они непроизвольны, и что ты рада была ссориться сама съ собою, не зная тому причины? И я прошу тебя сказать, не чувствовала ли ты тогда болезни въ желудкѣ, когда приходила въ такое замѣшательство, коего не могла описать, говорить ты? Не была ли ты тогда униженна, покорна, требующа сожалѣнія отъ всѣхъ, и въ готовности подавать свое собственное? Не читала ли ты со вниманіемъ печальныя исторіи, наипаче о молодыхъ женщинахъ впадшихъ въ нещастія и затрудненія? Твое состраданіе о другомъ, не было ли для тебя чувствительнѣе? Твое вниманіе не умѣншалось ли тогда къ самой себѣ? Но неизвѣстность не казалась ли тебѣ самою жесточайшею изъ всѣхъ мученій? Я воспоминаю, дражайшая моя, что ты иногда была безъ пищи и питія; но и чрезъ то здравіе твое не уменьшалось. Любовь можетъ быть есть для любовниковъ то, что была Небесная манна для Израильтянь, но они могутъ также жаловаться какъ и тѣ, и роптать имѣя оной иного. Сонъ твой, пришло мнѣ также на мысль, былъ прерываемъ. Страшныя сновидѣнія приводили тебя въ смятеніе. То были горы и пропасти, въ кои ты безпрестанно повергалась; бури и наводненія, кои тебя увлекали; глубокия воды въ кои ты погружалась; пламя, воры и прочія подобныя симъ мечтанія.

Пусть же добровольно вспомнятъ все то; чего явственнѣе не познали въ разсматриваніи другаго, какую бы въ томъ пользу ни имѣли, когда опасаются видѣть себя въ подобномъ обстоятельстве! Не взирая на то я увѣрена, что все мною здѣсь сказанное, и что ты уже испытала, должно происходить отъ опасности и ужаса, въ кои привели меня насилія *Сира Гарграфа Поллексфена*. Коликратно представлялось мнѣ въ сновидѣніяхъ все мною отъ него претерпѣнное! Иногда со слезами изспрашиваю я отъ него сожалѣнія, но получаю токмо укоризны и угрозы. Иногда, кажется мнѣ, что онъ зажимаетъ своимъ платкомъ ротъ мой. Иногда страшной его священникъ, естли токмо ето былъ оный,

читаетъ брачныя молитвы, и я противлюсь таинству таковаго брака. Иногда, кажется мнѣ, я вырываюсь; онъ меня преслѣдуетъ; я слышу топотъ его по слѣдамъ моимъ, бесполезно усиливаясь призвать кого либо себѣ на помощь. Но когда сновидѣніе мое обращается въ пріятную мнѣ сторону, то усматриваю я моего избавителя. Иногда вижу я его въ видѣ сильнаго языческаго Бога; [ибо мои сновидѣнія совершенно бывають раманически,] а себя, какъ дѣвицу повергнутую жребіемъ въ бездну несчастій. Вдругъ бѣлой Палефруа (*); появляется и когда ристалище начинается, то вижу моего героя единою своею дѣсницею побивающаго Львовъ и Тигровъ, разсѣкающаго Гигантовъ, и цѣлыя арміи разгоняющаго.

(*) Въ старину назывались такъ лошади, на которыхъ госпожи верхомъ ѣзжали, прежде введенія колясокъ.

Всѣ сіи мечтанія не ясно ли вамъ доказываютъ, что мое безпокойствіе не можетъ ни чему инному быть приписано, какъ претерпѣнному мною отъ *Сира Гарграфа* варварству? Мнѣ кажется, что единое намѣреніе, которое я могу предпринять, состоитъ въ томъ, чтобъ просить у моей тетушки совѣтовъ, оставить Лондонъ, любезная моя; и тогда уже я буду въ состояніи рассмотретьъ, болѣе ли овладѣла моимъ сердцемъ страсть нежели благодарность, такъ какъ всѣ мои ближніе въ томъ меня подозрѣвають, и какъ я признаюсь, что и сама начинаю того страшиться. Я увѣрена токмо въ томъ, что мои способности ослабѣли. *Миссъ Грандиссонъ* сказала мнѣ что въ Колнеброкѣ колебаніе ума моего, доходило даже до забвенія, и что призванной ими врачъ страшился дабы я не лишилась разума. Естьлибъ я попустила безнадежной страсти овладѣть собою, то не нужнобъ было иныхъ искушеній, какъ тѣхъ, кои уже претерпѣлъ мой разумъ.

Прощай, дражайшая *Люція*. Какое я письмо тебѣ написала! послѣднихъ строкъ довольно будетъ для изъявленія тебѣ, колико мое сердце и чувство ослаблены.

ПИСЬМО XXXIV.

Генріетта Биронъ к Люціи Сельби.

Въ Субботу, 4 Марта.

Сегоднишняго утра пришелъ *Сиръ Гарграфъ Поллексфенъ* видѣться съ *Г. Ревсомъ*, объявля ему что сіе посещение касается единственно до него, но будучи по несчастію въ низу, я не могла бы избавиться, отъ него безъ неучтивости, естьлибъ не пожелала слушать того, что онъ желалъ сказать.

Онъ принялъ намѣреніе идти въ замокъ *Сельби*, дабы изпросить прощеніе у всей моей фамиліи; но *Г. Ревсъ* сдѣлалъ ему на то такія возраженія, кои принудили его оставить сіе предпріятіе. Онъ всячески старался, естли должно тому вѣрить, видѣть меня у *Гжи. Вилліамсъ*, единственно въ томъ намѣреніи, дабы честнымъ образомъ обязаться оказывать мнѣ свои попеченія, по тому описанію, которое ему обо мнѣ учинили; и уже не въ первой разъ желаетъ онъ найти къ тому случай. Однажды онъ совершенно было рѣшился посѣтить дядю моего *Сельби* въ Нортгэмптон-Ширѣ, и его экипажъ былъ уже въ готовности, какъ онъ освѣдомился что мой дядя пріѣхалъ въ Лондонъ съ *Г. и Гжею Ревсъ*. Тогда, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, въ томъ намѣреніи дабы открыться въ своихъ чувствованіяхъ *Г. Дину*, къ которому онъ слышалъ, что мы имѣемъ великую довѣренность; но тамъ увѣдомясь объ отъѣздѣ его въ Камбриджъ, рѣшился испытать своего щастія у меня, и ѣхать въ Лондонъ тѣмъ съ большею довѣренностію, что увѣренъ былъ въ данномъ мнѣ моею фамиліею на мою волю выборѣ, и что почитая себя въ состояніи представить мнѣ такія предложенія, коихъ ни единой изъ моихъ домогателей учинить не можетъ; и изъявить мнѣ что его намѣренія не были безразсудны, и не отъ единого того происходили впечатлѣнія, которое я въ немъ произвела у *Милади Вилліамсъ*, хотя онъ признается что его чувствованія толико въ немъ вдругъ воспламенились, что понудили его поспѣшишь мнѣ открыться.

Онъ почитаетъ, сказалъ онъ мнѣ, за величайшее свое несчастіе, что причинилъ мнѣ столь великое неудовольствіе; онъ повторилъ всѣ тѣ причины, кои выводилъ изъ своей любви, страданій и разсканій, наипаче изъ того усилія, которое онъ учинилъ надъ самимъ собою, дабы изтребить изъ своей памяти самыя жестокія и личныя оскорбленія. Я ему отвѣчала, что я гораздо болѣе претерпѣла, нежели онъ, хотя и не видать на мнѣ тому знаковъ; что я во всемъ его прощаю по причинѣ того примиренія, которое воспослѣдовало между моимъ покровителемъ и имъ, [покровителемъ, прервалъ онъ рѣчь мою, кусая свои губы]; но поелику мои чувствованія были ему извѣстны еще и прежде варварскаго его поступка; то я его просила отрѣчься отъ меня навсегда. Онъ долженъ меня извинить, присовокупила я, естли я ему объявляю, что рѣшилась никогда вторично его не видать.

Сей разговоръ продолжался довольно долгое время. *Г. и Гжа. Ревсъ* находились въ глубокомъ молчаніи. Наконецъ онъ усиленно меня просилъ по крайней мѣрѣ обѣщать ему, что *Г. Гревиль* и *Г. Фенвичъ* не возьмутъ надъ нимъ преимущества; и дабы склонить меня повидимому взирать впредь спокойнѣе на другія затрудненія, онъ клялся мнѣ, что отважный его поступокъ дѣйствительно произошелъ отъ того страха, что онъ видѣлъ *Г. Гревилля* заступающаго его мѣсто. Я ему сказала что ни за что въ свѣтъ не соглашусь дать такія обѣщанія. При семъ *Г. Ревсъ* увѣривъ

его, дабы освободиться отъ неотступныхъ его просьбъ что онъ почиталъ сей страхъ не основательнымъ, и я нимало тому не противорѣчила.

Прежде нежели можно было отпустить сего докучливаго человѣка, лакей вошедши ему доложилъ, что Г. *Багенгалль* и Г. *Йорданъ* его спрашиваютъ. *Сиръ Гарграфъ* безъ всякаго затрудненія признался намъ, что они пришли сюда въ надеждѣ меня видѣть, и просить меня изъ милости остаться съ ними хотя на четверть часа. Я хотѣла было удалиться; но онъ, съ такою же дерзостію, приказалъ лакѣю сказать имъ, чтобъ они вошли сюда; а какъ Г. *Ревсъ* нимало тому не воспротивился, то они почти въ тужъ минуту и вошли.

Сіи два незнакомца обошлись съ нами съ великою учтивостію, и во все свое пребываніе вели себя весьма благопристойно. Но поелику они пришли съ намѣреніемъ дабы превозносить меня похвалами, то и не желали чтобъ въ своемъ ожиданіи обманулись. Дѣйствительно нельзя ни чего присовокупить такого, котороебъ превзошло тѣ похвалы, коими они выхваляли оба *Сира Карла*, и я признаюсь, что таковой предмѣтъ учинилъ мнѣ ихъ общество весьма пріятнымъ. Мнѣ кажется, что похвалы долженствовали бы привести въ замѣшательство и самую тщеславнѣйшую душу; но сколь на противъ тою пріятнѣйшее удовольствіе ощущается въ сердце, слыша, когда всенародно хвалятъ за глаза тѣхъ, къ коимъ предупреждены величайшимъ почтеніемъ, а особливо когда къ нимъ чувствуютъ такую благодарность, въ коей можно признаться безъ всякаго стыда. Наипаче понравилось мнѣ въ Г. *Багенгалль* то, что онъ произносилъ весьма важнымъ голосомъ, что поведеніе *Сира Карла*, коего онъ неоднократно называлъ благороднымъ и безподобнымъ человѣкомъ, толикое произвело впечатлѣніе, не токмо надъ нимъ, но и надъ Г. *Мерцедою*, что они рѣшились оба обратиться на путь истинный, Хотя и весьма были отдалены, присовокупилъ онъ, быть самыми злѣйшими человѣками въ свѣтѣ.

Сіи четыре друга будутъ сего дня кушать у *Сира Карла*; но *Сиръ Гарграфъ* неощущаетъ отъ того столько радости, сколько прочіе, и равно сумнѣвается въ состояніи онъ будетъ туда идти. Г. *Йорданъ* поставлешъ себѣ за честь что *Сиръ Карлъ* пригласилъ его къ себѣ, и объявляетъ, что всячески будетъ стараться не упустить ни единого случая, дабы соединиться самою тѣснѣйшею дружбою съ такимъ человѣкомъ, коему онъ удивляется.

Прощаясь съ нами, *Сиръ Гарграфъ* великое изъявлялъ уныніе, и я въ самомъ дѣлѣ примѣтила, что онъ толико былъ пораженъ перемѣною своего лица, коимъ онъ сперва тщеславился съ великимъ удовольствіемъ, что я по истиннѣ возымѣла бы о немъ нѣкое сожалѣніе, естлибъ не сопротивлялось тому мое чувствіе. Препроводивъ съ нами болѣе часа, любезная моя, онъ ни единого раза не смотрѣлся въ зеркало. Онъ сказалъ, что неотменно удалится въ одно изъ своихъ помѣстьевъ,

или уѣдетъ на нѣсколько лѣтъ въ Иностранныя земли, естли осужденъ, говоритъ онъ, лишишься всѣхъ своихъ надеждъ. Надеждъ! презрительной человѣкъ! но когда я о томъ помышляю, то мнѣ кажется, что его пораженіе есть для него самое благополучнѣйшее произшествіе; оно требуетъ токмо нѣсколько терпѣнія, чрезъ что онъ гораздо лучше будетъ думать о другихъ, и менѣе о самомъ себѣ....

Когда я разсматривала, съ задумчивымъ видомъ, не имѣю ли я сама довольно того тщеславія, въ коемъ укоряю прочихъ, то въ то время *Милади Л...* удостоила меня своимъ посѣщеніемъ, кое нимало не подала мнѣ худаго мнѣнія о самой себѣ. Она прямо вошла ко мнѣ въ кабинетъ. Гжа. *Ревсъ* вскорѣ за ней послѣдовала. Я пришла къ вамъ обѣдать, сказала она намъ, поелику *Сиръ Гарграфъ Поллексфенъ* и нѣкоторые подобные ему его друзья будутъ сего дня кушать у моего брата. Я отъ нихъ ушла по согласію *Милорда*, и оставила на попеченіе *Шарлоттъ* ихъ угощать. Я не могу терпѣть того мерзавца, которой предпринималъ противъ васъ подлое намѣреніе, и покушался на жизнь моего брата.

Мы разговаривали весьма долгое время о поединкѣ, отъ коего по щастію не произошло ни какихъ пагубныхъ слѣдствій. Она увидѣвъ мои бумаги, кои лежали еще передо мною, весьма желала знать, что я писала. Вы иногда оказывали сію милость, сказала она мнѣ, моей сестрѣ. Я прочла ей первую часть моего письма. Довѣренность *Сира Гарграфа* привела ее внѣ себя. Она весьма удивляется, что онъ осмѣлился произнести слово *надежда*. Она похвалила всѣ мои отвѣты. Между тѣмъ, сказала она Г. *Ревсу*, что онъ долженъ запретить ему входъ въ свой домъ, наипаче когда я толикое въ нему имѣю отвращеніе. Я тебѣ признаюсь что равно думаю какъ и она, но Г. и Гжа. *Ревсъ* иногда весьма далеко простираютъ свое снисхожденіе.

Послѣ обѣда, мы весьма были рады, увидя *Милорда Л...* которой также ушелъ когда вышли изъ застола, и поѣхалъ къ намъ напиться чаю. Онъ намъ сказалъ, что все происходило въ семъ странномъ обществѣ весьма учтиво, и что онъ надѣется, что благородное обхожденіе его шурина произведетъ сильное впечатлѣніе надъ сердцами его гостей. *Сиръ Карль* хочетъ ѣхать въ будущей понедѣльникъ въ *Конторбери*, въ *Конторбери*, любезная моя! а *Милордъ* предложилъ своей супругѣ ѣхать для препровожденія нѣсколькихъ дней въ *Колнеброкъ*, и дожидаться. пока отдѣлаютъ новой домъ въ *Лондонѣ*. Онъ надѣется, присовокупилъ онъ, что она легко можетъ склонить съ собою *Миссъ Грандиссонъ*; и естлибъ обѣ сестры подучили такую же милость и отъ *Миссъ Биронъ*, то онъ почелъ бы себя щастливѣйшимъ человѣкомъ. Онъ равномѣрно ласкается, что *Сиръ Карль* по своемъ возвращеніи конечно пріѣдетъ препроводить съ нами день или два.... *Милади* столь мало сумнѣвалась о моихъ разположеніяхъ, что тотчасъ оборотясь къ Г. и Гжѣ. *Ревсъ*, спросила ихъ, не противно ли имъ такое предложеніе. Я также моимъ

взглядомъ просила у нихъ совѣту. Они оба подали свое согласіе улыбкою.

Всѣ мои мысли занимаются симъ Конторбери. Вдругъ разговоръ обратился на оной. Гжа. *Ревсъ* весьма удивилась, что *Сиръ Карль* сохраняетъ тайну тѣхъ причинъ, кои столь часто понуждаютъ его ѣздить въ сей городъ. Не зная оныхъ, отвѣчала *Милордъ Л...* я сужу, что онъ находитъ тамъ болѣе скуки, нежели удовольствія. *Миссъ Шарлотта* обвиняетъ своего брата въ скрытности; но я совершенно не усматриваю, чтобъ онъ, когда ниестъ заслуживалъ такую укоризну. Она весьма любопытна, но онъ ея любопытство почитаетъ себѣ за увеселеніе. Впрочемъ она также имѣетъ тайности, естли я не обманываюсь. Нѣтъ, Нѣтъ, вы необманываетесь, возразила *Милади*, *Шарлотта* имѣетъ свои тайности; и можетъ быть вамъ ихъ по довѣренности откроютъ, какъ мы будемъ вмѣстѣ въ Колнеброкѣ.

Я тогда подумала, что могу спросить у *Милади*, одобрены ли *Сиромъ Карломъ* тѣ попеченія, кои *Милордъ Ж...* оказываетъ ея сестрицѣ; она мнѣ отвѣчала, что онъ чрезвычайно желаетъ выдать *Шарлотту* за мужъ; и что онъ весьма почитаетъ законное супружество, касательно наипаче нашего пола. Гжа. *Ревсъ* воспользовалась симъ случаемъ. Мнѣ весьма удивительно, сказала она, что *Сиръ Карль* самъ не помышляетъ о бракѣ. *Милади* отвѣчала, что ето такое дѣло, за которое ея фамилія весьма часто принмалась, но и до сего времени никакого въ томъ успѣха не получила; не смотря на то у него есть на примѣтѣ одна особа.... при семъ она остановилась, естлибъ къ несчастію моему ея взоры обратились на меня; то я совершенно бы пропала.

И такъ скажи мнѣ, любезная *Люція*, ибо ты уже все испытала: не чувствовала ли ты когда ниестъ нѣкоей нетерпѣливости, похожей на дерзость, и разположенія въ своемъ сердце къ ссорѣ, естлибъ ты не опасалась подвергнуться посмѣянію, или по крайней мѣрѣ грубо отослать отъ себя всѣхъ тѣхъ, которые бы захотѣли прервать рѣчь твою, хотябъ ты не имѣла ничего столь важнаго, которое бы могло занимать твои мысли или пальцы? Въ сіи послѣднія времена, любезная моя, я весьма часто приходила въ смущеніе отъ сего страннаго предчувствованія. Но, по истиннѣ, мое сложеніе совершенно перемѣнилось. Я опасаюсь сдѣлаться печальною, задумчивою и развратною. О злой *Гарграфѣ*.

Возвратимся къ пріятному разговору *Милади*. Особа, продолжала Гжа. *Ревсъ*, которую повидимому любить *Сиръ Карль*. Нѣтъ, возразила *Милади Л...* особа, которая любитъ *Сира Карла*; но изъ любви къ ней, я ничего не скажу болѣе.... Впрочемъ, естли какой ниестъ женщинѣ простительно любить безъ всякой извѣстности любима ли она сама, то конечно простительно ето такой, которая возчувствовала любовь къ моему брату.

А *Сирь Карль*, [я не могла удержаться, чтобъ не прервать рѣчь ея] не ужели неспособенъ къ соотвѣтствованію ей любви? Гжа. *Ревсъ* сказала мнѣ того вечера, что въ то время она видѣла, какъ трепетали мои губы; я того совершенно не примѣтила, поелику не чувствовала никакого трепетанія въ моемъ сердце. Впрочемъ, мнѣ кажется, что губы не могутъ трепетать безъ того, чтобъ сердце онаго не чувствовало.

Милади Л... весьма пространно говорила о тѣхъ важныхъ упражненіяхъ своего брата, которыя очень мало оставляли ему времени къ удовольствію; и судя по внутренности столь благороднаго и благодѣтельнаго свойства, она предполагаетъ въ немъ весьма нѣжнѣйшія чувствія; она приписываетъ его равнодушіе какъ великому множеству его дѣлъ, такъ и затрудненію найти такую женщину, коеябъ совершенства точно соотвѣтствовали его мнѣніямъ. Потомъ начали говорить о похвалахъ его. Я не понимаю, любезная моя, въ какомъ намѣреніи каждый почитаетъ за удовольствіе хвалить при мнѣ *Сира Карла*. Должна ли я оставить Лондонъ дабы удалишься и не слышать его похвалъ? Такъ, скажешь ты мнѣ. Но куда же должна я ѣхать? Конечно не въ замокъ *Сельби*. И такъ надлежитъ ѣхать въ *Колнеброкъ*; тамъ можетъ быть узнаю я причины общаго о немъ одобренія; ибо даже до сего времени я ничего не слыхала о его исторіи, сравнивая съ тѣми подробностями, кои обѣщались мнѣ рассказать.

Однако, я надѣюсь что меня не стануть хулить за то, что я столь легко согласилась ѣхать въ *Колнеброкъ*. Сіе, по истиннѣ, должна я приписать моей склонности, которая учинила меня столь снисходительною, и я начинаю уже самой себѣ недовѣряться, когда она толико имѣла силы привлечь меня; но для чегожъ подавать столь худое мнѣніе о самой себѣ? Я познаю въ себѣ доброе сердце, и въ семъ-то пунктѣ я не почитаю себя никого не ниже. Мнѣ кажется, что я не имѣю ничего подлаго въ душѣ моей; нѣтъ, я дѣйствительно не чувствую въ себѣ никакой подлости. Да сохранить меня Боже отъ всѣхъ тѣхъ пороковъ, кои не свойственны моему сердцу, и которые, унижая меня въ глазахъ дражайшихъ моихъ ближнихъ, учинили бы и недостойною любви ихъ!

Сего вечера, *Миссъ Грандиссонъ* увѣдомила меня, что она соглашается ѣхать въ *Колнеброкъ* съ тѣмъ договоромъ, чтобъ и я на оное согласилась. *Миссъ Емилиа Жервинсъ* также туда ѣдетъ. *Доктора Барлета* еще задерживаютъ нѣкія обстоятельства. *Сирь Карль* съ своимъ братомъ ѣдутъ вмѣстѣ въ *Конторбери*; обѣ любви достойныя его сестры весьма тому удивляются: онѣ совершенно не понимаютъ, для чего столько скрытности и тайности имъ оказывается.

ПИСЬМО XXXV.

Госпожа Сельби, къ Генріеттѣ Биронъ.

Изъ замка Сельби, 4 Марта.

Твое состояніе, дражайшая моя племянница, безпрестанно терзаетъ насъ печалію. Сколь явное противоборствіе между естественнымъ твоимъ чистосердечіемъ и признательностію возраждающейся страсти.... О любезная моя! удайся отъ всей притворной скрытности; она весьма худо приличествуетъ молодой особѣ, никогда незнающей притворства и лукавства.

По случаю *Милади Д...* ты приводишь насъ въ чрезвычайное замѣшательство; ибо она будетъ сюда въ наступающую Субботу. Я ничего къ ней не писала, хотя ты весьма того желала, поелику, мы судимъ всѣ, что ея предложенія заслуживаютъ гораздо большаго разсмотрѣнія, и поелику мы опасаемся, чтобъ какъ твое, такъ и наше благополучіе, не былибъ гораздо сумнительнѣе съ другой стороны. Совершенно невозможно, любезная моя, даже и вообразить, чтобъ такой человѣкъ, каковъ *Сиръ Карль*, не видалъ, прежде нежели спозналъ тебя, ни единой такой женщины, которуюбъ онъ могъ любить, или къ коей бы могъ возчувствовать склонность, по крайней мѣрѣ изъ благодарности къ той любви, которую она къ нему оказываетъ. Его сестра не сказала ли уже тебѣ, что естли онъ жениться, то сдѣлаетъ великое число женщинъ несчастными? А сія то причина можетъ быть ему препятствовать и помышлять о бракѣ.

Ты видишь, съ коль любви достойною искренностію открылась намъ *Графиня Д...* Видишь также и то, что твоя откровенность заслуживаетъ отъ ней особеннаго уваженія. Я ей сказала, что твое сердце свободно. Но отвергая ея предложенія, ты подаешь причину столь благоразумной женщинѣ судить о томъ иначе, или почитать тебя болѣе приверженною къ притворствамъ, нежели сколько она себѣ то представляла; и хотя мы читали не безъ прискорбія писанное тобою письмо отъ.... до какой степени *Миссъ Грандиссонъ* угнѣтала тебя своими рѣчьми; то не сумнѣваемся, чтобъ *Милади Д...* не учинила равномѣрныхъ замѣчаній, и не вывела бы изъ того таковыхъ же доводовъ. Чегожь ты отъ меня желаешь, когда отказъ учиненный на ея предложенія, не зная, и равно никогда не видя ея сына, есть весьма сильнымъ доказательствомъ, что твое сердце уже занято? Единозначущія слова, и все то что поражаетъ справедливость, не достойна, любезная моя дочь, какъ твоего, такъ и моего свойства.

Милади Д... дала выразумѣть, говоришь ты, *Графиня*, что *Сиръ Карль* ни мало не препятствуетъ намѣреніямъ ея сына. И такъ, я не усматриваю нималѣйшей ради тебя надежды съ той стороны. Конечно судятъ, что твое богатство не весьма знатно. *Сиръ Карль* человѣкъ весьма великодушной. Но поелику его сердце нимало не прилеплено къ любви, то и не сумнѣвайся, чтобъ онъ по своему благоразумію не считалъ за

нужное богатство. Сіе-то по крайней мѣрѣ должны мы предполагать съ нашей стороны, и мы находились бы принужденными принять такія мѣры, естлибѣ должноствовало имѣть съ нимъ дѣло.

Твоя бабушка желала писать къ тебѣ собственною своею рукою, но я совершенно въ томъ отношусь къ ней. Намъ извѣстно всѣмъ ея благоразуміе, и нѣжность, коею она къ тебѣ исполнена. Дядя твой общается неупотреблять болѣе тѣхъ шуточныхъ изреченій, кои тебя оскорбляютъ. Мы уже всѣ рѣшили не приводить твоихъ склонностей въ безпокойствіе; и по сей-то причинѣ опасаемся подавать тебѣ совѣты о новыхъ предложеніяхъ. Но твоя бабушка весьма довольна тѣмъ, что я не учинила, какъ ты того желала, рѣшительнаго отказа *Графинь*.

Твой дядя освѣдомился о всѣхъ обстоятельствахъ *Сира Карла*. Все то, что онъ открылъ столь совершенно соотвѣтствуетъ нашимъ мнѣніямъ, что я его просила оставить таковой розыскъ, по крайней мѣрѣ для того, дабы не было вѣроятно, чтобъ ты принимала въ томъ участіе. Но ты, любезная моя, продолжай увѣдомлять насъ о всемъ томъ, что токмо можетъ увеличить наше почтеніе и уваженіе къ сему изящному человѣку. Превосходство души, побудившей его отвергнуть поединокъ, и сей знаменитой поступокъ, не могущій подать ни малѣйшаго сумнѣнія о его храбрости, суть примѣры благоразумія и честности, превозносящія его превыше человѣческаго понятія. Мы всѣ исполнены къ нему и удивленіемъ и уваженіемъ; и поздравляемъ его и сестръ его, съ благополучнымъ окончаніемъ такого дѣла, въ коемъ никто не долженствовалъ толико принимать участія, сколько мы.

Я надѣюсь, что ты не замѣдишь увѣдомить меня о томъ, что дѣйствительно думаешь о новыхъ предложеніяхъ. Разсуди объ оныхъ обстоятельнѣе. Не торопись нимало. Я сожалью, что весьма мало щадила тебя въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Твой дядя думаетъ, что уже не познаетъ въ тебѣ обыкновенной твоей искренности, изъ того признанія страсти, коего предмѣтъ кажется намъ тебя достоинъ, и я иногда вижу его торжествующаго своимъ мнѣніемъ, что онъ наконецъ открываетъ въ любезной своей племянницѣ нѣкую небольшую степень притворства. Мы всѣ весьма ясно усматриваемъ, во многихъ мѣстахъ твоихъ писемъ, то противоборствіе, о коемъ я говорила, между скромностію и откровенностію сердца; и мы приписываемъ нѣкую часть твоей скрытности той опасности, коею ты страшишься отъ шуточныхъ его изреченій. Но объявивъ, что единый часъ въ недѣлю обращенія съ *Сиромъ Карломъ* и его сестрами [сестры не бесполезны въ началѣ любви], предпочитаешь ты самымъ знатнымъ выгодамъ, къ коимъ ты не всегда имѣла такое отвращеніе; написавъ къ намъ, любезная моя, что сколь ни унижено есть слово *сожальніе*, но ты предпочла бы его сожальніе любви всякаго другаго человѣка, по истиннѣ, а совершенно не понимаю, откуда

бы могло происходить толико замѣшательства, дабы намъ изъясниться. Прости меня, любезная племянница.

Я теперь лишь прочла письмо за симъ слѣдующее. Естьлибъ я предвидѣла что оно будетъ продолжительно, то я менѣе бы разпространялась въ моемъ. Все, что моя матушка къ тебѣ ни пишетъ, ея достойно; мы всѣ къ нему подпишемся. Между тѣмъ мы будемъ дожидаться твоего рѣшенія, дабы намъ согласиться какой должны учинить *Графиня* отвѣтъ. Если ты его любишь, то безъ всякой скрытности намъ въ томъ признайся: дѣло идетъ о *Сирѣ Карль*.

Всѣ посылаютъ къ тебѣ свое благословеніе, а особливо твоя искреннѣйшая и паче всѣхъ тебя любящая

Маріанна Сельби.

ПИСЬМО XXXVI.

Госпожа Шерлей, къ Генріеттѣ Биронѣ.

5 Марта.

Открой намъ свое сердце, возлюбленнѣйшая моя, безъ всякаго затрудненія и стыда. Ты конечно увѣрена въ нашей къ тебѣ нѣжности. Молодая особа не должна почитать себѣ за нещастіе то, что любить добродѣтельнаго человѣка. Любовь есть естественная и пылкая страсть, Ты изъявила отличнѣйшими засвидѣтельствованіями, что неблагоразуміе и легкомысленность суть пороки неприличные твоему свойству. Г. *Гревиль*, со всею своею веселостію, Г. *Фенвичъ*, со всѣми своими ласкательствами, Г. *Ормъ*, коего я гораздо болѣе почитаю, съ своимъ уваженіемъ и преданностію, ни покорный *Фулеръ*, ниже лютой и злой *Поллексфенъ*, не могли открыть въ тебѣ даже нималѣйшей тѣни слабости или тщеславія. Сколь благополучно избѣгла ты всѣхъ тѣхъ опасностей, въ кои удивительная сія страсть часто вовлекаетъ другаго свойства душъ. Съ какою учтивостію и достоинствомъ ни обрѣла ты правъ надъ почтеніемъ и уваженіемъ даже отъ самихъ тѣхъ, коихъ предложенія ты отвергла? И какія же были побудительныя твои причины къ отверженію оныхъ? Конечно сіе происходило не отъ гордости, но отъ превосходства главныхъ твоихъ причинъ, то есть: что ты не почитала за долгъ слушать тѣхъ, къ которымъ чувствовала, что не можетъ никогда ощущать такой любви, какую необходимо должна оказывать честная супруга своему мужу. Наконецъ, когда ты повстрѣчалась с такимъ человѣкомъ, которой достоинъ твоей любви, которой могущественно защищалъ тебя отъ презрительнаго и подлаго злодѣянія, которой есть превосходнѣйшій изъ братьевъ, друзей и господъ, самый храбрѣйшій и добродѣтельнѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ; то удивительно ли что сердце, даже до сего времени непоколебимое,

изъявляет чувствительность признательность такому сердцу, которое ему уподобляется? Какую же причину имѣла бы ты отъ того краснѣть? И для чегожъ, любезная моя *Генриетта*, скрываешь ты внутреннее свое чувствіе отъ такихъ ближнихъ, коихъ склонности совершенно сообразны съ твоими? Ты видишь, любезная моя внука, что неизвѣстность, въ коей мы находимся, ни мало намъ не препятствуетъ говорить съ удивленіемъ о такомъ человѣкѣ, коему весь свѣтъ отдаетъ сію справедливость. Мы не усматриваемъ въ себѣ нималѣйшаго лукавства; и ты не имѣешь необходимости быть руководимою столь презрительнымъ учтивствомъ. Твое воспитаніе, любезная моя, не позволяетъ тебѣ имѣть никакого лукавства. Притворство совершенно тебѣ не прилично. Кажется и самое малое дитя, познаетъ изъ большей части послѣднихъ твоихъ писемъ, что ты чувствуешь любовь. Но хотябъ твоя склонность была щастлива или нѣтъ, когда ты считаешь за славу ощущать оную къ такому предмѣту, которой исполненъ нѣжными чувствованіями, имѣетъ хорошіе нравы, и происходитъ отъ знатной породы, и коего всѣ твои ближнія равно какъ и ты любятъ; то предмѣтъ нѣжности моей, дражайшая *Генриетта*, украшеніе моя жизни, и утѣшеніе моя старости, старайся, изъ любви ко мнѣ и всей твоей фамиліи, возымѣть надъ своимъ сердцемъ столько власти, что естли успѣхъ не будетъ соотвѣтствовать общимъ нашимъ желаніямъ, чтобъ твое здравіе нимало чрезъ то не пострадало; здравіе толико намъ драгоцѣнное! и чтобъ ты не причислена была къ тѣмъ несчастнымъ дѣвицамъ, которыя предаются во власть слѣпой страсти. Чѣмъ болѣе предмѣтъ возымѣетъ силы воспламѣнить твои желанія, тѣмъ побѣда будетъ славнѣе, естли ты оную одержишь. Однако, любезная моя дочь, рѣшишь открыть намъ свое сердце, дабы мы были въ состояніи вспомоствовать тебѣ нашими совѣтами, и нимало не опасайся шутивныхъ изрѣченій твоего дяди; онъ составляетъ себѣ изъ оныхъ увѣселеніе, которое иногда и насъ развѣселяетъ; но вѣрь, что его разсужденія не произведутъ надъ вами никакого впечатлѣнія. Тебѣ небезызвѣстно, что честное его сердце равно соединено какъ и наши, съ сердцемъ любезной нашей дочери; онъ такое же будетъ принимать участіе какъ и мы въ ея скорби, естли случится какое нисть нещастіе его племянницѣ.

Въ сію минуту твоя тетушка показала мнѣ письмо, которое ты къ ней писала. Она повторяетъ изъ онаго нѣкоторыя твои изрѣченія, кои показались ей весьма чрезвычайными. Чтожъ касается до меня, то я думаю что они приносятъ тебѣ великую честь, поелику доказываютъ мнѣ, что твоя любовь не столько стремится къ наружностямъ, сколько къ качествамъ души. Я увѣрена, что естли ты никогда не чувствовала любви, то твоя страсть будетъ самой непорочнѣйшею. И такъ когда она не основана еще на чувствіяхъ; то старайся чтобъ она не восторжествовала надъ твоимъ разсудкомъ, и чтобъ невозможность

обладать тѣмъ человѣкомъ, коего ты любишь, не принудила тебя отрѣчься отъ всѣхъ прочихъ человѣковъ. Не говорила ли я тебѣ, что законной бракъ есть весьма священной долгъ, когда вступаютъ въ оный съ благоразуміемъ? Какоежъ должно имѣть мнѣніе, въ первомъ или во второмъ полѣ о тѣхъ, которые чувствуютъ отвращеніе въ сему состоянію, поелику оно имѣетъ свои затрудненія, утомленія и неудобства? Испытай по сему правилу *Сира Карла*. Если таковы суть тѣ побудительныя причины, кои отвращаютъ его отъ брака, то почитай ихъ за самыя величайшія несовершенства въ его свойствахъ. Не опасайся подвергнуть его искушенію. Нѣтъ ни единого на свѣтѣ человѣка совершеннаго.

Но можетъ быть *Сиръ Карлъ* имѣетъ такія обязательства, кои уже онъ не въ состояніи прервать, если въ самомъ дѣлѣ таково его состояніе, то я ласкаюсь, что дочь моя нимало не предастся такимъ чувствованіямъ отъ коихъ она не можетъ надѣяться взаимнаго соотвѣтствованія. Ты надѣешься, говоришь ты пріятнымъ образомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что твоя гибель никогда не произойдетъ отъ добродѣтельнаго человѣка. Избавясь благополучно отъ *Сира Гарграфа*, ничего уже не опасуюсь ради тебя отъ честнаго человѣка. Но если твое несчастіе произойдетъ отъ честнаго человѣка, то это будетъ твоя погрѣшность, любезная моя, поелику ни они ни его сестры не подадутъ уже тебѣ никакого ободренія. Я знаю, колико всѣ его предположенія могутъ поразить твою разборчивость, но тогда ты сугубую должна взять предосторожность противъ самой себя; и дѣйствительность гораздо будетъ жесточе, нежели предположенія. Когда уже нѣтъ ни единого въ свѣтѣ человѣка, отъ коего бы ты опасалась своей гибели, то не должна ли ты остерегаться его?

Я горю нетерпѣливостью паки видѣть любезную мою *Генриетту* въ моихъ объятіяхъ. Но вотъ совѣтъ, которой я почитаю приличнымъ ея состоянію: не упущай, любезная моя, ни единого случая утверждать дружбу, двухъ любезныхъ сестеръ, поелику, говоря мимоходомъ, если *Миссъ Грандиссонъ* проникнетъ въ состояніе твоего сердца, то я не думаю, чтобы ея насмѣшки сообразовались съ прочими любвистойными ея свойствами. Никогда не удаляйся отъ ихъ сообщества, когда онѣ отъ тебя того потребуютъ. *Миссъ Грандиссонъ* обѣщала тебѣ рассказать исторію своей фамиліи. Напомни ей о ея обѣщаніи; можетъ быть ты получишь изъ того такія освѣдомленія, кои могутъ послужить тебѣ нѣкимъ въ дѣлахъ твоихъ руководителемъ. Ты особливо узнаешь, не имѣютъ ли обѣ сестры склонности къ какой ни есть другой женщинѣ, хотя скрытность, въ коей укоряютъ онѣ *Сира Карла*, можетъ быть не допускаетъ ихъ знать тайны его сердца. Если же онѣ не имѣютъ ни къ кому склонности, то развѣ она не можетъ обратиться къ тебѣ? Что касается до богатства, если можно будетъ познать ихъ о томъ мнѣніи, то мы постараемся не остаться въ послѣднихъ.

Но поелику я одобряю то намѣреніе твоей тетки дабы отсрочить отвѣтъ, которой она должна писать къ *Графинь Д...* то какъ же поступить намъ въ семь обстоятельствъ? Вотъ какія о томъ мои мнѣнія. Сія Гжа. поставляетъ главнымъ правиломъ то, что твои склонности на кѣмъ не заняты: тетка, твоя совершенно ее въ томъ увѣрила. По крайней мѣрѣ ты говорила ей въ такихъ выраженіяхъ, кои долженствуютъ возразить въ ней нѣкое сумнѣніе. Она дала намъ знать, что намѣрена посетить насъ въ наступающую субботу. Конечно должно ожидать, что она потребуетъ изъясненій, и мы должны удовлѣтворить ея чистосердечіе, тѣмъ вѣще, что для собственнаго нашего свойства, мы обязаны учинить оное честнымъ образомъ. Я хочу искренно увѣдомить ее о томъ предпріятіи *Сира Гарграфа Поллексфена*, о коемъ, какъ кажется, ты уже ей нѣчто сказала, и о великодушномъ покровительствѣ полученномъ тобою отъ *Сира Карла*: справедливость никогда не навлекаетъ на себя укоризны. Твоя тетка признается, что ты къ ней писала, и что отказывалась, съ почтительнѣйшею благодарностію, отъ чести тебѣ предлагаемой, что она не иначе можетъ изъясниться какъ увѣрительно предполагая, что, то побудительнымъ причинамъ благодарности, ты предпочтешь *Сира Карла* всякому другому человѣку, но что ты неизвѣстна о его обязательствахъ; что ты не имѣешь причинъ предлагать въ немъ къ себѣ другихъ чувствованій, кромѣ тѣхъ, кои производятъ отъ учтивости, кою мужчины почитаютъ себѣ за честь оказывать нашему полу, и что госпожи *Грандиссонъ*, называя тебя сестрою, разумѣютъ подъ симъ именемъ какъ сестру ихъ брата, такъ и свою.

Сіе будетъ сказано *Графинь*, подъ величайшими клятвами, дабы она сохранила оное въ тайнѣ. Тогда познаетъ она сущую истинну. Она о томъ будетъ судить такъ, какъ должна, для самой себя. Ты не будешь казаться передъ ея глазами виновною ни въ малѣйшемъ притворствѣ. Мы подтвердимъ всѣ наше свойство. Если *Милади Л...* и *Миссъ Грандиссонъ*, какъ ты то предполагаешь, объявили *Графинь*, что намѣренія ихъ брата нимало не обращены къ тебѣ, то найдется что они говорили правду, и ты знаешь, любезная моя, что мы должны отдать справедливость искренности другаго такъ какъ и своей. Она увидитъ что твое уваженіе къ *Сире Карлу*, если токмо сіе чувство кажется ей препятствіемъ ея намѣренію, происходитъ отъ похвалы достойной признательности за то покровительство, которое онъ великодушно подалъ, такой молодой дѣвицѣ, коея сердце до того приключенія совершенно было свободно.

Я не знаю, довольно ли ясно я изъясвила свое мнѣніе. Я теперь совершенно уже не такова, какова была прежде; но благодарю Небо и за нынѣшнее мое состояніе; я совершенно не почитала себя въ состояніи написать столь продолжительное письмо и въ толь короткое время. И такъ, любезная моя *Генриетта* есть тому причиною, а ея благополучіе всегда составляло единое мое попеченіе, съ того времени какъ я

лишилась товарища моей молодости, дражайшаго супруга раздѣлявшаго со мною какъ свои такъ всѣ другія попеченія, которой изъяслялъ тебѣ столько нѣжности, какъ мнѣ, и подалъ тебѣ такіе же совѣты. Что должно думать о Г. *Шерлей*? Какимъ бы образомъ поступилъ онъ въ семь случаѣ? Сіи то суть тѣ вопросы, которые я всегда себѣ предлагала прежде, нежели изъяснила мое мнѣніе о какомъ ниестъ важномъ дѣлѣ, а особливо когда дѣло шло о тебѣ.

Я хочу здѣсь восхвалить единое изъ твоихъ чувствованій, которое я почла достойнымъ питомицы твоего дѣда. „Я презирала бы самое себя [говоришь ты въ одномъ изъ твоихъ писемъ,] еслибъ стала содержать честнаго человѣка въ недоуменіи между тѣмъ, пока бы колебалась въ пользу другаго.“

Любви достойная внука! наблюдай твердо свои правила, какой бы жребій Небо тебѣ ни опредѣлило. Почитай сей свѣтъ за ту малую точку, подъ которою представляли тебѣ оный нѣсколько разъ. Я прожила на свѣтѣ уже довольное время; однако, когда взираю на прошедшее даже до времени моей молодости, въ которое надежды и опасности колеблющія тебя теперь ни мало не были мнѣ странными то сколь время кажется мнѣ быстротекуще? Если я желаю, чтобъ теченіе моей жизни продолжилось, то конечно для того дабы видѣть утѣху моего сердца, любезную мою сироту, щастливую подъ покровительствомъ честнаго человѣка. Дай Боже, чтобъ сіе было въ качествѣ... но властны ли мы, любезная моя, налагать законы на Провиденіе? Знаемъ ли мы какое вліяетъ оно намѣреніе въ *Сира Карла*? Такъ отъ него можетъ быть зависить благополучіе великаго множества другахъ: уподоблять его вамъ, все равно какъ сравнивать публику, съ однимъ человѣкомъ.

Не взирая на то не воображай себѣ любезнѣйшая моя, чтобъ я желала продолжить жизнь мою для того, дабы быть чувствительною токмо къ тому, что тебя трогаетъ; нѣтъ, я въ состояніи еще раздѣлять твои нещастія и удовольствія. Послѣднія твои утомленія, взирая на твою нѣжность и разборчивость, приводили меня въ самыя чувствительнѣйшія прискорбія, и глаза мои не преставали изъяслять чувствительность моего сердца; когда я приказывала иногда прочитывать тѣ жестокія явленія, или когда о нихъ вспоминала. Но мое намѣреніе состоитъ въ томъ, дабы ободрить тебя противъ толико чувствительныхъ впечатлѣній. Когда извѣстенъ будетъ тотъ случай, которой заключается теперь въ недрахъ Провидѣнія; та будетъ ли противу воли нашихъ желаній, какъ то по наружности быть кажется.

Теперь ты имѣешь въ рукахъ своихъ два письма требующихъ отвѣта, но поелику уже весьма мало остается времени до субботы; то, если ты будешь писать къ твоей теткѣ, то пиши къ обѣимъ намъ. Да сохранить Боже, говорю я, и да изліетъ вся благая на возлюбленную мою

сироту; сію молитву безпрестанно возсылаетъ на Небо любящая тебя бабушка.

Генріетта Шерлей.

ПИСЬМО XXXVII.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Изъ Колнеброка, во вторникъ 7 Марта.

*Миссъ Грандиссонъ примѣтила мое смятеніе, мое смущеніе, я уже не знаю, какъ должна то наимѣновать столь странные случаи! любезная моя тетушка. Очевидныя противоборствія! И такъ, не ужели они столь очевидны, сударыня? Раждающаяся страсть... которая явно вездѣ раждается. Позвольте чтобъ я то примѣтила, сударыня; и такъ она не возымѣла еще всей своей силы; а между тѣмъ пока она возрастаетъ, развѣ нельзя ее преодолѣть? Но оказалась ли я виновной въ притворствѣ и скрытности? Естьли я учинилась оною, то до чрезвычайности буду обязана сожалѣнію моего дяди. И не ужели вы почитаете, сударыня, за невозможное, чтобъ *Сиръ Карлъ* прежде нежели меня позналъ, не видалъ такихъ женщинъ, коихъ бы могъ любить? Я равно тому вѣрю, но прилично ли вашему снисхожденію, столь сильно вооружать противъ меня слово благодарность?*

Я вижу, и чувствую все то, что есть любви достойнаго въ чистосердечіи *Милади Д...* и удивляюсь сему качеству, и великому множеству другихъ, кои я въ ней усмотрѣла: но какъ должны вы поступать? и какъ должна я поступить сама? На сіе-то и почитаю себя обязанною отвѣтствовать, будучи толико побуждаема моею бабушкою и вами сударыня, яснѣе изъясниться; хотя по вашему мнѣнію мысли мои уже весьма ясно обнаружены и хотя они таковы же и по моему мнѣнію, когда я обращаю мои очи на то свободное чувствіе, которое моя бабушка приняла на себя трудъ отдѣлать на концѣ письма своего. Не взирая на то она меня проститъ; она еще приписываетъ и похвалу сему чувствованію, Она ободряетъ меня говорить. Молодая особа, говоритъ она, не должна почитать себѣ за нещастіе, любишь добродѣтельнаго человѣка. Она присовокупляетъ: любовь есть естественная и пылкая страсть, но она меня увѣщаетъ не допускать, чтобъ она восторжествовала надъ моимъ разсудкомъ; словомъ, совершенно не любить, не будучи увѣрена о взаимной любви. И такъ я могу любить естьли желаю, когда я желаю, то кого же я желаю любить; естьли онъ нимало о мнѣ не помышляетъ, то меня увѣщаютъ не отрѣкаться отъ брака съ какимъ ниестъ другимъ человѣкомъ; на примѣръ съ *Милордомъ Д...* естьли онъ по милости своей согласится меня взять.

Очень хорошо, но размотря совершенно мое сердце, что я въ ономъ обрѣла? Я должна отвѣтствовать, когда меня понуждаютъ *искренно признаться*, и отдалить *тѣ притворства* изъ коихъ и самое малое дитя познаетъ, что я чувствую любовь. Должна ли я совершенно открыть мое сердце? я должна учинить сію довѣренность толико почтительнѣйшимъ и любезнѣйшимъ особамъ, *коихъ чувства совершенно соображаются съ моими*. Приступимъ къ самому дѣлу. И такъ я признаю, что мнѣ невозможно даже и помышлять о другомъ чловѣкѣ. Впрочемъ, я не имѣю нималѣйшей надежды.... Я почитаю себя какъ тщеславною, а его, какъ весьма меня превосходящимъ. Его богатство чрезвычайно; онъ еще болѣе получить онаго надѣется; и относительно къ личному достоинству. Гдѣжь можно сыскать женщину достойную его? Касательно же имѣнія, вы судите что благоразуміе обязываетъ столь щедрого и великодушнаго чловѣка, помыслить о томъ еще болѣе.

И такъ, дражайшая моя тетушка, сдѣлайте милость, сообразясь съ мнѣніемъ моей бабушки, скажите, моимъ именемъ *Милади Д...* что я почитаю ея чистосердечіе достойнымъ всей моей откровенности; что склонности вашей племянницы ни кѣмъ не заняты, когда вы уже ей такъ засвидѣтельствовали; но что время и обстоятельства перемѣнились. Скажите ей что сперва почитала я себя обязанною токмо благодарностію; что въ началѣ болѣе ни чего не чувствовала: но когда теперь будучи вопрошаема о состояніи моего сердца, я познала что моя благодарность *перемѣнилась* [ибо я не должна сказать *унизились*, когда предметъ оной есть толико достоинъ] въ другія чувства.... Скажите въ любовь, поелику я слышу что мнѣ притворство совершенно не прилично: слѣдственно справедливость не позволяетъ мнѣ болѣе какъ и моя склонность помышлять о другомъ чловѣкѣ: и объявите ей, что она внушила мнѣ къ себѣ почтительнѣйшую нѣжность тою милостію, которую она оказала удостоивъ меня своимъ посещеніемъ, что изъ любви къ ней, естлибъ я не находила возраженія противъ *Милорда Д...* въ свиданіи и въ гораздо дружествѣннѣйшемъ знакомствѣ, когда бы имѣла толико же свободнымъ мое сердце, колико оно было до ея предложеній, то предпочла бы ихъ предложенія всѣмъ тѣмъ, кои получала прежде. Впрочемъ я признаю, что покорная, уничиженная и кроткая неутомимость и твердость *Г. Орма* даже и теперь меня трогаютъ. Колико бы я желала видѣть его сочетавшагося бракомъ съ какою ниестъ любви достоинѣйшею и добродѣтельнѣйшею женщиною, съ коею бы онъ могъ препровождать жизнь свою благополучно.

Наконецъ изпросите у *Графини* хотя нѣкую мнѣ любовь и дружбу: но чтобъ она присовокупила къ тому милость, не говорила бы мнѣ о *Милордѣ* до того времени, пока онъ не будетъ женатъ дай Боже, чтобъ онъ могъ наслаждаться щастливымъ жребіемъ соотвѣтствующемъ желаніямъ толико достойной матери! не забудьте также, любезная моя

тетушка, сказать ей, что хотябъ въ двенадцать разъ болѣе было двенадцати тысячъ фунтовъ Штерлинговъ того дохода, которой она мнѣ предлагаетъ съ своимъ сыномъ; то и тогда бы я не согласилась дать мою руку ни ему ниже кому ниестъ другому, въ такое время; когда мѣсто въ моемъ сердце занято, хотя нималѣйшей нѣтъ вѣроятности носить мнѣ когда ниестъ имя такого человѣка, котораго я предпочитаю всѣмъ.

Но изъясните ей сіе, я васъ заклинаю, съ тѣмъ, чтобъ она вѣчно сохранила оное въ тайнѣ. Поелику, по общимъ причинамъ касающимся до разборчивости нашего пола, не должна ли я опасаться, чтобъ та фамилія, въ коей я теперь дѣйствительно пребываю, и которая исполнена ко мнѣ дружбою, не восчувствовала на противъ того ко мнѣ ненависти, а можетъ быть и презрѣнія, узнавши мою дерзость? Сего-то злощастья я не въ состояніи перенести. Запомнить все мною написанное, я прошу сожалѣнія о моей слабости. Она уже была изображена перомъ моимъ прежде, нежели ли я то примѣтила.

Чтожъ касается до самой меня; то какой бы жребій ни былъ мнѣ опредѣленъ судьбою, я всячески буду стараться получить мое утѣшеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ сихъ двухъ драгоцѣннѣйшихъ писемъ, кои я имѣю предъ моими глазами.

„Естли ты любишь, то не стыдись намъ въ томъ признаться; дѣло идетъ о *Сирѣ Карль*.”

„Любовь есть естественная и пылкая страсть.

„Моя любовь похвалы достойна. Предмѣтъ оной исполненъ пылкими чувствованіями, имѣетъ хорошіе нравы, и происходитъ отъ знатной породы. Всѣ мой ближніе толико же его любятъ какъ и я.

„Любовь моя есть самая непорочнѣйшая.

„Во всякихъ предположеніяхъ, я не должна лишаться силы, поелику любовь мною къ нему ощущаемая, значить тоже самое, какъ пользу одного человѣка, сравнивать съ пользою всего общества.

Сколь благородныя наставленія, любезнѣйшія мои матери! ваша *Генріетта* всѣми силами будетъ стараться слѣдовать онымъ во всю свою жизнь.

Позвольте мнѣ, оканчивая письмо, принести вамъ мои жалобы именовъ *вашей сироты*. Не заступили ли вы, и мой дядя мѣсто всѣхъ тѣхъ дражайшихъ родителей, коихъ я лишилась? И такъ родитель мой, бабушка моя, и другая моя родительница продолжайте ваши желанія и благословенія, не какъ къ *вашей сиротѣ*, но какъ къ родной *вашей* дочери, которая поставляетъ себѣ за славу оказывать вамъ за то всю почтительность и нѣжность.

Генріетта Биронъ
Шерлей-Сельби.

Конец второй части.